

Илья Кнабенгоф СЛІПЕР І ДРИМЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Кнабенгоф
Слипер и Дример

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Кнабенгоф И. Л.

Слипер и Дример / И. Л. Кнабенгоф — «ЛитРес: Самиздат»,
2007

ISBN 978-5-532-04885-0

Книга основана на опыте автора в практике осознанного сновидения. События, пережитые там, связаны в единый сюжет и дополнены забавными речевыми оборотами, собранными от разных маленьких детей. Книга рассказывает о приключениях друзей в разных мирах, благодаря которым они из странных попутчиков становятся не только близкими друзьями, но и одним единым существом. В ходе повествования есть много завуалированных мудростей из буддизма и ведической культуры. Это очень смешная сказка, которая, на поверку, является описанием нашей вселенной и главных целей и задач в ней. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04885-0

© Кнабенгоф И. Л., 2007
© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

«Вы что там все, крышей... поехали?!» © Гагарин	6
Попрыгаец	8
В больно синем висю, где хрипещут лосины	9
Перекись населения, или От-воротца-поворотца-ламца-дрица-умца-ца (глава в нарезке, платить в кассу)	30
Буль-буль, Оглы, или Про то, как Миклуха Барклай с Толиком околесиционно занеслись в чушню околосветную	42
Глава о снах, копошащихся внутри, и о снах, шастающих вокруг да около	50
Сказка дедушки Мытута номеро уно: Город стоячего асфальта	66
Дело № 0208/72	71
История Первой Стрелки при отсутствии какой-либо Белки. Бандитам, алкоголикам и собаководам – выдать 16-й номерок, и в буфет!	75
Сказка дедушки Мытута номеро дос. Сон Артемия Феокистовича	80
Шматко, летящего вдоль по Укатному Пути навстречу неведомому будущему своему, а заодно и табличке «Пустомельная Чушь. 44 кг»	
Великий Вездесущный Тутытам и его туристическое агентство	84
Белочников Стрелочкиных	
Конец ознакомительного фрагмента.	89

*Если бы ночью тёмной вам снились,
Сны б мои снились —
Вы бы сошли с ума!
Группа «Uma2rmaH»*

Вот чё, друже мои, имейте сразу в своём ясном виду: перво-наперво, при написании этой книги много и дофига кто на чём пострадал. Да вы енто и сами узнаете, как только прочитаете «второ-навторово», а затем саму книгу. Дык вот, второ-навторово: все события и личности, встречающиеся в этой книге, ни в коем разе не случайны и имеют самые что ни на есть полные совпадения по всем статьям, как и всё, что вы пережили сами в своей жизни, как и всё, что ждёт вас в вашем будущем. И наконец третье: триетить мою налево!

«Вы что там все, крышей... поехали?!» © Гагарин

Много есть в мире разных историй. По сути, весь мир и есть эти самые истории, слегка растянутые во времени. И все мы участвуем в этих историях, являемся героями этих эпосов, поэм, повестей, рассказов, заметок. И нет в мире такой истории, которая не произошла бы на самом деле – в своё время, в своём месте. Любая ситуация, которую вы только можете себе вообразить, уже существует во вселенной в самом что ни на есть явном виде, чтобы потом быть рассказанной. Где-то тут, когда-то здесь. Там и сям. Начиная писать эту книгу, автор ни в коей мере не хотел претендовать на исключительность, оригинальность и всякие подобные выверты и заворачивания, что так ценятся среди различных маститых писателей и искушённых поглотителей чтива. Мне это кишкокручение ни к чему не сдалось. Перед вами такая же обычная история о братанах и друганах, кои случаются во множественном числе по всему свету. На самом деле, герои этой книги вовсе даже и не братья. Но если посмотреть с глобальной точки зрения, то все мы брателлы друг другу, а с позиции просветлённого разума между всеми нами вообще нет никаких различий, посему идея братства становится естественной и...

Похоже, я заговорился, и вообще всё это слишком сложно воспринимать с утра, не позавтракав. Просто мне пришла в голову отличная идея для книги. Но идея так коротка, вы же знаете: пара слов в беседе, и ты уже выдал всё, что являлось результатом многочасовых, а порой и многолетних раздумий. И хлопаешь себя по лбу, или по чему придётся:

– Вот, ёктить, это же моя самая лучшая мысль за последнее время, а я даже не выдержал хорошей театральной паузы, прежде чем разболтать её!

Теперь вы понимаете, что передо мной стоит совершенно невыполнимая задача: написать эту книгу и не выдать до самого конца идею, по поводу которой она явлена на свет. Все мы знаем, как жжёт язык секрет, который до поры нельзя открывать друзьям. И как он рвётся наружу. И мы, стискивая зубы, чувствуем себя партизанами на допросе. Войдите в моё положение, поймите: я во время написания этой книги буду чувствовать себя именно так. Партизаном. Или дедом Мазаем, истосковавшимся по крольчатине. И самое главное, учитывая мою не самую лучшую память, я рискую и вовсе забыть эту самую идею в течение того времени, пока буду писать эту книгу. Так что не обессудьте. И не в судях будете.

Пишу я медленно, ибо вовсе не профессионал и процесс постукивания по клавишам компьютера зависит у меня от многих факторов. От свободного времени, коего всегда нет. От настроения, которое в Питере меняется вместе с погодой по пять раз на день. От полного незнания того, о чем писать дальше, и т. д. И о самой книге хочется заранее кое-что сказать, уважаемые читатели. А скажу вот чё: как только вам покажется, будто я ошибся в правописании какого-либо слова, так сразу понимайте, что ошиблись в[ы]. То есть никаких грамматических ошибок в книге нет. Возможно, будет вам всячески мерещиться, что названия глав этой книги порой не имеют никакого прямого отношения к смыслу изложенного в этих самых главах, но таки оно, это отношение, есть. Смысл просто петляет между строк. Как зайчик-попрыгайчик. И его нелегко поймать и уловить. Тем паче, коли вы завели себе привычку размышлять напрямик, предпочитая неизведанным тропинкам собственных мозгов ухоженную автостраду общественного мнения. Да и герои этой книги живут своей жизнью. Вмешиваться в их судьбу мне как-то не с руки. Так что я просто решил записывать всё, что с ними будет происходить, а там уж как поведётся – а точнее, куда они меня заведут за собой. И если вдруг я не выдержу и выдам секрет раньше времени, если вы увидите, что книга несколько короче, чем радостно ожидалось (мне же придётся её закончить, как только тайна раскроется), – простите меня, ибо пробрало меня и понесло. Или наоборот? И вообще, эта книга – не для людей, не для читателей. Эта книга для нас. Для тех, кто однажды проснулся в Лесу.

Зайчишка-припрыжка. Зайчушка-попрыгушка. Зайчик-попрыгайчик. Заяц-попрыгаец. А вам не кажется, что слово «попрыгаец» уже звучит пугающе чужестранно и может означать совсем не милого изначального зайчишку? А грань -то была так тонка, и переход столь незаметен...

Попрыгаец

Я сидел кружком и ждал. А потом всеми своими четырьмя лёг во все стороны. Несколько секунд как будто ничего не происходило. Вдруг внутри что-то неуловимо щёлкнуло, пискнуло, и писк этот стал стремительно набирать громкость. И всё началось. Звуки сомкнулись вокруг. Всё стало гулким. Уши заложило. Пространство сузилось и обтекло все мои пока ещё разделённые тела по краям. Затем всё вокруг и внутри меня медленно, с нарастающей скоростью, двинулось. Так поезд порой незаметно трогается с вокзала, пока вы увлечённо разговариваете с попутчиками. «Ой, смотрите, а мы уже поехали!» – «Да ну?»

Так и здесь. Незаметно. Двинулось. Сначала прямо. А потом ноги стали тяжелеть и пошли вниз. И всё начало куда-то падать по наклонной скользкой плоскости, словно разгоняющиеся сани бабского слея по ледяному водосточному жёлобу. Ощущение скорости росло и росло. Разгоняющиеся сани. Разгоняющийся автомобиль. Разгоняющийся самолёт. Разгоняющаяся ракета. Разгоняющееся что? Скорость становилась совершенно неопишуемой. За границами обтекаемого, превратившегося в снаряд из мутного пластика, единого теперь тела всё слилось в непрерывный, неразличимый поток. И только меняющиеся перегрузки свидетельствовали о том, что в движении происходит смена направления. Как сквозь сон до слуха доносились чьи-то далёкие переговоры по рации, обрывки проносящейся мимо музыки, смех, кусочки ругани... То, среди чего летело моё тело, иногда менялось. Ощущение скользкого льда плавно перетекало в чувство движения сквозь глубокие толщи воды, а затем всё срывалось с какого-то невидимого края в бездну вертикальной стеклянной шахты. Желудок зависал в горле от внезапной невесомости, но плавный выход из вертикального падения в спиральную дугу заставлял все органы внутри тела опять прильнуть к позвоночнику. Кривизна поворотов увеличивалась, перегрузка нарастала. Невидимый и неуловимый разумом лабиринт кружил меня по своим тоннелям. Тяжесть давила всё сильнее. Медленно, но неумолимо. Вода. Жар огня. Опять скользкий лёд. И так долго. Всё это было очень долго. Менялось всё вокруг. Менялся я. Менялось тело. Менялось сознание. В какой-то момент внезапно позабылось, где я, шо я цэ такое и зачем. Позабылась вся прошлая жизнь с её нелепостями. А что было до того? Что было вообще до жизни? И что есть такое эта самая жизнь? Это тоже забылось. О будущем подумать было просто нечем. Только одно всепоглощающее Сейчас. И два чётких ощущения. Плавность и немыслимая дикая скорость. А потом, когда я потерял счёт времени, скорость стала падать. Замедление. Тянувшееся медленное торможение. Затем то, во что превратилось моё тело во время этого сумасшедшего путешествия, скользнуло, словно капсула, в смутно ощущаемое гнездо. Невидимые и непонятные пазы влезли в какие-то соответствующие им невидимые и непонятные желобки. Что-то мягко сомкнулось со всех сторон. Полная остановка. А затем кокон моего тела раскрылся лепестками, словно цветок, во все стороны. И я ослеп от внезапного яркого света. Винт хвостами. Прыг-скок.

В больно синем висю, где хрипещут лосины

– Здоровеньким будь, Слипер!

– Сколько осеней, Дример!

«Слипер и Дример. Добро пожаловать. Заходите как хотите». Вывеска на доме слегка уже поистерлась, как и сам Дом. Кусты вокруг Дома смыкались ровными рядами солдатских шеренг и расходились во все стороны кругами, превращаясь в большие деревья. Конца и края Лесу не было. По крайней мере, так гутарили местные его жители, ибо никто этого самого края не видел, и даже боялись предположить, что же он собой представляет. По тому, как Дример иногда пел «...край суровый, тишиной помят», они понимали, что край этот – не совсем дружелюбная штукавина и разумению не подлежит. Разумение с потолка вторило: «Не подлежал со мной этот край ни под, ни над. Разные тут и лёживали рядышком, и надлежали, но краю вашего не видало я». Ну и оставили его как есть.

Мы, дорогой читатель, улыбнулись, ибо знаем: разве ж останется нами в покое то, чему нет нашего объяснения?

– Ни за что! – мявкнула Терюська.

Братья Слипер и Дример были единственными, кого Лес хоть как-то слушался. Но кто же из нас не горит желанием иногда немного почудачить? Поэтому и Лес вёл себя иногда совершенно безответственно, путал дороги, плутал сам, запутывался вовсе и жалобно звал Дримера или Слипера, чтобы те развязали его из собственных запуток.

В целом всё было неплохо, жили все мирно, с прибабахами и тараканами, каждый со своими. Чудачили-магичили кто во что угораздился.

Прибабахи вытаскивали на свет в редких торжественных случаях, а по будням держали их в сундучке, где-нибудь на чердачке или в погребе, чтоб не испортились. Тараканы прятались сами.

У Слипера и Дримера прибабахов не было вовсе, али скрывали тщательно, но они были челобреками настолько древними с точки зрения относительного пребывания лесного, что все остальные уважительно качали головой и понимали вслух: «Склероз! Потеряли, видать, уже давно. Много кто свои прибабахи почем зря теряет, за тараканами бегая».

А братья были действительно очень ископаемыми в местном биологическом смысле. Копать в них никто не собирался, верили на слово. Наверное, они были древнее, чем сам Лес. По крайней мере, никто из жителей не помнил времени, когда бы здесь и тут не было Слипера и Дримера. Да и в целом, и вообще мало кто чего помнил в Лесу. А что без них тут было бы, без братьёв-то? Запутки так и рыскали по лесу, а попадётся – не всегда и выберешься. Могли и до коликов запутать. Колючие были и запутные – жуть! Шёл себе путник, а стал запутник. И привет комсомольский непутёвый. А могли и вовсе защекотать до уржачки несусветной. Тогда только звать братьев и оставалось. Только так Вселенская Ржа и отступала до поры.

Разные эти самые братья были по своему внешнему облику. Один, который Дример, всё смурной ходил да сурьёзный, всё любил неброское надеть, серенькое да затасканное. А ежели ещё и дырки на футболке да штанах образовались, то и вовсе комфортно ему казалось. Непритязательный во всём был сей товарищ. Ел что ни попадя. Иногда, задумавшись о чём-то, Белку-Парашютягу сцапает на лету и в рот! Та в голос орать возмущённо – дык, типа, мол, жрут-с на ходу, нехристи! Дример только буркнет: «Пардон, мадам», – да и выплюнет, идёт дальше. Спал, бывало, на полу, из принципу да упрямства, мол-де «лишнее это всё... перины там... пуховые подушечки... кренделя на вывертах... Ближе надобно к народу быть!» Правда, к какому народу – не уточнял. Сторонился политики, сознательный был гражданин. Ходить

любил босым. Обувь надевал редко, да и та была особливая, авторской работы – то сандалики на меху, то сапоги с вырезом для пальцев. Шаркать любил и ходил неторопливо. Шуршит мхом да веточками, бывало, и напевает под нос любимую мамину колыбельную: «Хе-хе...История помнит, история слышит: кто пробовал это – упал и не дышит!»

Говорил Дример исподлюбья, но чутко и с добрецей. А чуть что громкое да шебутное случалось, так и вовсе вздыхал: «Суета енто всё!» – и крякал уткой. Утки не обижались – мало, что ли, чудаков видали с верханутры?

— С верхотуры, наверное? — поправил меня Ёик. Букву «ж» он потерял при хоть и весьма странных, но вполне часто встречающихся обстоятельствах. В общем и целом, как говорится: место поднял — «ж» потерял! В большой семье ушами не хлопай!

– Не-е-е-ет, – отвечаю. – Верхотура – она сверху. А верханутра – она везде! И вверху, и внутри! О как, брат! Это ж вселенская распушь всяя дорог!

– А-а-а, – протянул Ёик. – Ну тады я пошёл гулять.

– Далеко не уходи! – крикнул я ему вслед. – А то потеряешь что-нибудь, ёкшить, опять. Дороги нынче стали вовсе распущенные!

– Ла-а-а-адно, – буркнул Ёик уже из-за двери, и только его и видели.

Вы его видели? То-то же! И хватит.

Второй брат, Слипёр, был суетлив характером, противоречив в мыслях и вечно рвал вперёд когти (хорошо не настоящие, а то были бы жертвы... силуэты мелом на земле... прокуратура...).

Он вскакивал с кровати, на которой держал всевозможного цвета, материала и размера подушки, сбрасывал пёстрое лоскутное одеяло и орал: «Ну, сегодня мы такооооое учудим!» Обещания порой сбывались. Страдали Лес, звери ходючие, птицы улечучные, фиг-знает-кто, не определяющийся сходу, и, собственно, брат Дример тоже не раз отстрадался на этом. А что ему оставалось – только шурил глаза да ёжил всю дорогу.

(Ёжик, привет! Как там Ёик?)

В Доме была большая гостиная, и были восемь малых комнат, не считая тех, что появлялись и исчезали сбоку как-то-на-душу-приложит. Семь цветных внизу и одна, совершенно белая, наверху. Чтоб не путаться в днях, братья раскрасили стены семи комнат в свои цвета. Там, откуда они пришли, считалось, что семь дней – это своеобразный цикл времени. Неделей называлась эта циклическая штукавина. По крайней мере, казалось, что они это сами вспомнили.

– Неее-деее-ляяя! – тянул возмущённо Загрибука, загребая загребущими ручищами землю в кучки. – Слово-то какое козлийное! Вечно вы, братцы, что-нить глупое придумаете! Не могло такого определения научного было быть, блин с компотом! Это ж не наука, а зоопарк какой-то! Неее-деее-ляяя... Ну вы тоже скажете...

Братья не обижались. Только переглядывались, усмехаясь. Зырк-зырк.

В память об этой «козлиной неееедееееее» братья и соорудили Дом с семью комнатами в центре Леса. Дом, правда, ну если совсем по-честному, сам собою как-то соорудился, без особых уговариваний. Только вот прийти к согласованной форме долго не мог, ибо Слипер хотел его видеть... Эээ, простите, я процитирую его, ибо смысл этих длинных и сложных слов от меня выскальзывает. Итак:

– Хай-тек! Голографические стены! Параллели в стеклопластмассах! Увертюра пористого бетона и пневмоваты! Четыре окна наперёд и линолий на калидоре!

На что Дриммер угрюмо каркал:

– Окстись, олух генетический! Дом нам нужен, а не «баба с веслом» фонтанирующая! Обычный дом. Всё тебе скульптуры подавай, ренессанс, балет, барбекю...

Тут уж Зверогёрл ахнула восхищённо и свалилась с ветки, где подслушивала братьев и наблюдала за Домом, который пытался стать собой. А затем драпанула по лесу со счастливым визгом:

– Барбекю-ю-ю... Барбекю-ю-ю...

Да так и бегала по Лесу дня два, настолько ей слово это понравилось и крышу сшибло. Скажу вам по секрету, крышу ей сшибить было нетрудно, ибо крыша та и без того была вся насквозь отшибленная не по-детски. Дык вы в этом ещё не раз сами убедитесь, но чутка попозже.

– Заткни мозг, брателла, дай подумать спокойно. Авось что-нибудь сваяю, – буркнул Дример и уселся дырявыми серо-зелёными штанами на лужайку перед тем, что пыталось родиться Домом. Он скинул сандалики на меху и сосредоточился.

– Ла-а-а-дно, – протянул Слипер чуть печально, но с улыбкой, – ваяй свою халупу, зануда! Помнишь аксиому дизайнера? Коли пришёл к тебе чувак с заказом рекламы аэропорта – как пить дать всё кончится самолётами! – Он пытался согреться, ёжась в одних пёстрых шортах и топоча чудн[ы]ми кроссовками по двору. – Никакого полёта мысли! Одни рефлексy. Ещё-ещё-ещё, и тошниться!

Через какое-то времечко Дом уж стоял, немного подрагивая от пережитого ужаса перевоплощений. Слиперу досталась внутренняя отделка. И он не подвёл.

– Диза-а-а-йнер... Тьфу! – сплюнул Дример, улыбаясь уголком рта.

Надо заметить, что братья редко ссорились, хоть и неказистые были оба и не похожие на ближнего своего ни умом, ни лицом, ни ушами. Всё ж относились друг к дружке по-братски и с нежностью. Они-то понимали: чуть что, всё вокруг крикнется, словно твои Лопы с Антилопой. И Лес аукнется почем зря, и все, кто в нём. Но об этом пока цыц!

Ой, жжётся мой язык, дорогой читатель. Нет, не Мальчиш я, не Кибальчиш, тайну, видать, не сохранию! Медаль не получу. Будет мне по карме варенье в поношенной стеклотаре да печенье. Но буду стараться, как на приiske колымском.

Слипер довольно прищурился, потоптался вокруг да около, медленно и аккуратно вошёл в Дом и осмотрелся. Чуть пригнулся, когда стены трянуло. Маленькие кусочки ещё бегали по внутреннему периметру, пытаясь куда-нибудь влезть и пристроиться, чтобы обрести нужность и осмысленность своего бытия бытовушного в редкой диковине.

– Тпррру, родимая! – Слипер встал посреди гостиной, щёлкнул суставами пальцев и на редкость тихо молвил: – Копать будем здесь!

Редкость подобрала лапы и приготовилась к худшему. Дом было опять затрясло, но Слипер его тут же успокоил:

– Да я не об этом! Не парься, меня самого трясёт! Холодрыга-то тут какая! Это у меня привычка такая – выражать образно. Жить, типа, будем тут! И всего делов-то!

Дом вздохнул облегчённо, успокоился и занялся изучением себя. Естественно! Каждому ведь интересно знать – и что же Я такое на самом деле?

Итак, комнаты. Фиолетовая, Синяя, Голубая, Зелёная, Жёлтая, Оранжевая и Красная. И та, что наверху, – Белая. Вроде все вспомнил. А может, их и вовсе не было? В комнатах братья встречались утром, как было заведено Уговорами. Дык они, эти самые Уговоры, отныне стали свидетелями порядка в окружающей верханутре. И, едва кто накосорезит, сразу убедительно уговаривали каждому занять своё приличествующее место и не бузить.

– Зверогёрлу позовём шас! Или Кусачепони, лошадь махонькую, но кусачую и презлючную! – пугали Уговоры уговорённые, в краткости своей просто «утро». Нарушители в благоговейном ужасе округляли глаза (у кого какие уж были), и порядок восстанавливался. Связываться со Зверогёрлой – ну уж нет.

Я так понимаю, что читателю очень интересно, как же выглядит эта самая Зверогёрл? Думаю, вы можете каждому обладателю самовлюблённой, стервозной и истеричной жены задать этот вопрос прямо сейчас. Ага, я вижу, что вы тоже уже совсем не хотите с ней связываться. Я так и думал. Так вот, Зверогёрл ещё хуже, ибо настоящая, как и все в Лесу.

– Что-то столько всего сразу, – наморщиившись, протянула Терюська мне (писателю то бишь), – я и не упомяну. Может, ближе к делу, а?

Она пришла неслышно и тихо ныкалась под столом, подслушивая мои мысли.

– *Ща сообразим!* – сказал я и задумался, с чего бы начать. Енто ж я все эти описания приводил, чтоб время тянуть. А с чего стартовать – и сам не знаю. Ну, наверное, вот с этого! А может, с того? Боже, о чём писать-то сначала, и где это начало тут вообще?! А есть ли у всего начало? И у всякого и каждого в отдельности? Что по этому поводу думает та же Терюся?

Я посмотрел на Терюську, выглядывающую из-под стола, и понял, что очевидного начала у неё тоже нет. И от этого мне совсем стало дурно.

Оглядел её внимательно. Хвост был, пятна были, причём и чёрные, и белые. Был даже мокрый белый нос, который становился розовым, когда Терюська сильно волновалась. Но начала не было.

– Так, понятно, – подытожил я и взялся за... А за что мне было браться? Да просто опять застукал по клавишам.

Сидели, значит, братья дома. Точнее, один сидел, а второй подушки свои ушами утюжил. Спал, стало быть, вторым номером и в астрале по орбите кружил. На дворе был Синий День в аккурат. Дример, сидя в Синеи гомнате, читал, ковыряя дырочки в и без того замызганной серенькой футболочке. И не книгу какую читал, а письмо важное. Найдено было вчера на крылечке Загрибукой, но вовремя оттяпано у него в честном коротком бою местным пришлым псом Грызликом. Загрибука было решил, что пришло ему из Ассамблеи Заученных По Самое Вааще признание его неоспоримой гениальности. Надеялся, что в послании диплом какой, али и вовсе благодарственное письмо за вклад в мировую Лесную науку. Да только супротив Грызлика разве научными методами попрёшь? Тот никаких доводов не признаёт, а вместо теорий да мыслей копошащихся у него круглогодичный праздник стоматолога в виде крепких тяталок в пасти. Подбежал да письмо зубами клацнул, и был таков. Принёс на порог, где его отблагодарили косточкой и досточкой (Грызликам всех планет особо без разницы, что грызть) за своевременную доставку почты. Загрибука ручки свои загребушие сложил за спину манерно да демонстративно потопал в лес. Обиделся. Насупился. Отборщился. Хвостиком крутанул.

Дример сел на табуреточку, на синюю-пресинюю, и вскрыл конверт.

— Э, братец, вставай! Тут спослание обнаружилось. Депеша, понимаешь.

В ответ раздалось невнятное ворчание.

– Так и голову отхراпеть можно! – Дример повысил голос на несколько тонов. Потом попробовал дискантом и басом: – Башку, говорю, моооооооо отхрапеть! Отхрапеть башку возмоооооооо! Есть, блин, такая дюжая возмо-о-о-о-о-ожность напрочь схрапеть котелок! Отсвистеть чайник есть вероятность! В ружьё!

– Уймись, куранты! Иду, блин, иду... – Послышалось, как скрипнул пол под опустившимися на него ногами. – Чего расшумелся спозаранку? – Слипер, закутанный в рябой, неопределённый по цвету плед, открыл дверь и вошёл в Синюю комнату.

– Эники опять сцепились с Бениками! – Дример ткнул пальцем в листок бумаги, словно пытался проткнуть его насквозь. – Что за народ баламутный? Ни тебе мудрости житейской, ни терпюхи! Из-за жрачки по-колхозному разборы чинят! Культурный слой в быту из-эбсентудэй напрочь! Сорри за мои выражения.

– Говорил я тебе давеча на сей счёт. Неудачная это затея с Эниками, Бениками и их варениками. Да и варенье у них из скоморошки, из ягод тех, что с Болот Свинских. Только живот с них хрюкает потом, да ржачка пробирает щекотливая!

– Это почему ж идея неудачная?

– Да потому, что енто есть ситуация «два задница – один стул». – Мёрзнущий Слипер закутался по шею в пледик. – Так они и будут из-за этих вареников ералашить, покуда Лес стоит. Вся вселенная двумя задницами мутузится из-за одного такого стула! Енто ж политика мирозданческой движухи, братец!

– И шо? – нахмурился Дример, почёсывая неопределённую стрижку невнятного цвета волос. – Шо теперь? Мозг ломать? Лучше им наломать по пятое число! Или по третье. Как скажешь. По мне, так ломать – не строить. Ровняйся там, блин. Смирно. Вольно. Безвольно. Хотя всё это диктатурой попахивает, прям скажем. Дык шо тут ломать-то комедию со стульями?

– Шо-шо, – передразнил брата Слипер, ёрзая пятками по полу. – Надобно определить кого-нить из них как самостоятельную этническую культуру с собственными предпочтениями в еде и различных фишечках. Тады и делить будет нечего. Одним – их вареники, другим – пельмешки без спешки. И всё, приехали! Абсолют, дзогчен, хатха-в-хатке медитация и полный покой, только и успевай за добавкой подбегать!

– А кому что?

– Наповал валишь, аднака! – Слипер потянулся в угол и добыл оттуда бутылку с вязкой оранжевой жидкостью. – Откель мне знать? Я ж юриста не заканчивал.

– Да, не приканчивал... – задумчиво согласился Дример.

– Ну и вот! Стало быть, будем кидать Жребия! – Слипер хихикнул и опрокинул в рот бутылку, залпом выпив половину. Икнул, свесил на глаза светлые волосы и задумался над содержимым своего пищевода.

– Не приканчивал... – всё повторял Дример отрешённо и, слазив в карман, вытащил мелкую труху и ловко свернул её жухлым листиком в самокрутку. Чиркнул пальцем о палец. Прикурил. Пыхнул дымком. И добавил баском: – Не приканчивал, стало быть...

– Дело плёвое! – заявил Слипер, всё ещё косящийся на подозрительную бутылку.

– Жребию это не понравится! – прищурился Дример.

– А кому ж понравится, когда тебя подбрасывают по десять раз кряду! Но, увы, ничего не попишешь в прокуратуру, карма у него такая.

– Мда, коли место своё в мире занял да Ы-Цзыном, понимаешь, принялся промышлять, то и флажок у тебя в руках, и все грузди в кузовах у дальнобойщиков.

– Родился стих! – подала голос из угла, что в потолке, проснувшаяся Тютелька и, коротко харкнув, плюнула по-японски:

Кругом флажки!

Сижу во флажках!

Ем флажок!

Дример щёлкнул в её сторону со стола хлебной крошкой, и та, естественно, попала в Тютельку. В них же всё всегда удачно попадает. А эта крошка, стало быть, шмыгнула к окну, вывалилась наружу через форточку и тут же попала в другую Тютельку, которая паслась под окном на солнечной лужайке.

– И чего он, Жребий-то, на ребро всё падает?

– А надо меньше своих хотений подмешивать в траекторию! – Слипер подбоченился. – А то вместо Ы-Цзын у нас какая-то хрень с напёрстками получается. Там Книга Опшарашивающих Неожиданностей, а у нас что? Что, я вас спрашиваю? А у нас воздухоплавательный

кармический компас, да и тот траву жрёт всякую без разбора и пукает потом ночами в Лесу, пугает всех предсказаниями своими бездоказательными.

– Дык если на ребро он таки падает, то... – Дример ухмыльнулся, задумался и заковырял в дырочках на своей серой майке.

– О'кей, поймал, поймал! И я больше не буду! – сконфузился Слипер. – Всё тебе по правилам надо, всё по-честняку, да в военкомат первому с повесткой...

Жребий тем временем пасся вместе с Кусачепони на лесной опушке и помышлять не мог о вынашиваемых братьями планах относительно его бессовестного кидания. Он, правда, уже давно к киданиям этим привык. Ну кто ж виноват, что у него, у Жребия, такая неподходящая форма для этого занятия?

И всё ж его грела гордость, что не всяк в жизни становится компасом, да ещё и кармическим напрочь. Определять судьбы – это вам не галопом в калошах!

Он бы и рад был то копытами кверху свалиться, то носом в землю упасть, но каждый раз удивлённо замирал, лёжа на боку и упёршись рёбрами в опавшие листья. И наступал тот самый Противный Случай, о котором говорили братья перед очередным броском.

– Либо так, либо не ручаюсь! – горячился Слипер обычно.

– Если то – иначе всё, олух! В противном случае... – отвечал Дример и метал в небо Жребия.

Тот, тоскливо заржав, устремлялся к верхушкам деревьев и оттуда планировал, как мог, своими копытными ногами по ветвям вниз.

Бац!

– Противный Случай! – Жребий виновато косился на стоящих братьев, приминая рёбрами землю, и без того неплохо лежащую повсюду.

– А он злой? – испуганно мявкнула Терюська.

– Кто? – Я чуть не упал со стула. Увлёкся, понимаете ли, писательским делом...

– Ну как кто?! Противный Случай, конечно. Обычно ведь кто Противный, тот и злой! – авторитетно заявила Терюська, расфуфырив усы. А усы у неё странные-престранные. Закручены они в разные стороны и взлохмачены так, будто она только что встала с кровати. А кровать эта будто и вовсе не родная на поверку, и сейчас раннее-раннее утро после отменной вечеринки, на которой она была и сама не своя, а очень даже усатый по-жёсткому начальник какого-нибудь транспортного цеха. Ну а кто ещё у нас усы носит такие, как у Терюськи?

– Железная логика! Э-э-э, а вот мы ща поглядим! Что нам злого принесёт Случай тот Противный?

Ну, дык и стали собираться братья в дорогу к Эникам решать этническую проблему делёжки питания, пропорцию с тремя известными, но неизвестной четвёртой порцией. С одной стороны, было ясно, что война разгорелась из-за вареников этих несчастных, а с другой стороны – питаться всё равно нужно, а то сил не будет на войны. Парадокс на всё лицо! И хотелось бы, чтоб лицо это было к тому же и сытым.

– Объявляется сложное и непонятное положение! – гаркнул Дример в сторону окна, сложив руки рупором.

– Объявляется сложное и непонятное положение! – заржала в Лесу Кусачепони и понеслась с этим уржанием разносить его по Лесным сусекам и просекам.

– Куда пойдём-то? – Слипер вышел из Дома и вдохнул сладкий, с примесью туалетной воды «Живаньши», воздух Леса. Он напялил свои кислючие оранжевые штаны, красный анорак и закинул за спину почти всегда пустой жёлтый рюкзак с пометкой «на всякий случай».

– Туда и сюда! – ответил Дример из глубины коридора, роясь по углам в поисках своего головного защитного убора. – Как всегда.

– Грызлик, сидеть! Присесть! Да ёжкины кошки, ну привали ты задницу, не мельтеши в зрачках! – Слипер рывкнул на неопределённого рода и племени шавку, которая кружилась вокруг ног, сбивая его с толку. Она лаяла и радостно виляла хвостом, или чем-то-там-величиной-с-бублик-за-шесть-копеек.

– Разделимся. Я к Эникам. Ты к Беникам. А то, ёктить, сам разумеешь, – Дример укоризненно посмотрел на брата, договорив предложение чисто телепатически без надежды на обратную связь.

– Да прозрачно как Ясный Пень! – Слипер перекинул свой жёлтый рюкзак через плечо, плюнул дважды через него же и от нетерпения попрыгал на месте. – В общем, я пошёл. В целом, я проваливаю.

– Давай, только без фокусов! – Дример оправил серую свитерюжную кенгурятину с капюшоном и напялил-таки на голову дырявую шерстяную Шапку-Невредимку, от беспределности и беспредела сохранившую не одну головушку в неприкосновенности музейной. – И без покусов желательнее бы! – добавил он, кряхтя, зашаркав сандаликами в другую смутную сторону.

Вы спросите, откуда там, в Лесу, Шапки-Невредимки? А где им ещё и быть-то? Только в Лесу. Тут всем неучтённым и есть самое место. Оттого они здесь все добрые и спокойные, ибо место каждому тут изначально зарезервировано. Всем лишним и неучтённым прямая тропка сюда. Да и вообще всем сюда путёвка уже давно оплачена по месту жительства. Только почти все об этом не знают покуда, а коли и догадываются, то, как правило, уже поздняк пить «боржоми», ибо печени кулдык. Короче, всем добрым Шапкам тут самое место коцумать.

– Значит, тот, который Противный, – всё-таки не злой? Раз все добрые, и даже Шапки, – с надеждой спросила Терюска.

– Железная логика! А вот ща и поэзирим! – Меня всерьёз понесло, и я ожесточённо стал дальше долбать тремя пальцами кнопки компьютера.

Дример шёл по тропинке, засунув руки в карманы широких грязно-лиственных штанов. На Шапке-Невредимке копился снующий в воздухе лесной мусор. Над головой шныряли Белки-Парашютаги и их юродные сёстры Белки-Дельтапланерюги. Тухленькое невзрачное солнце (или как оно там называлось) неохотно тащилось по небу, изнывая от скукоты. А может, это и была сама Скукота, прикинувшаяся солнцем. Заговорённые, говорливые и просто словоблудные грибы блудили по всему Лесу и много чего говорили не к месту в головушках у рискнувших вкусить эти самые грибочки. Пиная их и треща сучьями под ногами, Дример уверенно направлялся на восход солнца. Эники были где-то там.

– Где-то там, где-то там, там-тарам, тарам-там-там... – Братец довольно жмурился на солнечные зайчики, бликующие на листьях, и пыхтел самокруткой.

– Здоровье не бережёшь ни шиша! – говорил ему Слипер в было-бывалые времена.

Но Дример не хотел бросать пыхтение дымом и отвечал, напустив на себя пророческий вид:

– Закашляюсь как-нить, помру, и останешься один! У-у-у! В одиночестве шевчуковском!

Словом да неделанием, бормоча приятности под нос и мурлыкая, Дример вышел на опушку. На ней, в середине почти правильного круга из земляных кочек, сидел громко нами вовсе недавно помянутый всеу Загрибука, великий и заумный. И слегка наморщенный. Насчёт великости я, конечно, немного погорячился. Росту в нём было не ахти. Шерсть всклокочена всеми местами. Уши прижаты. Хвостик беспокойно дёргался. Пухленькие бочка подрагивали. Розовый нос морщился от свойственной всем учёным высокомерности.

– Привет, дружок! – Дример остановился и снял Шапку-Невредимку, утерев лоб. Сандалики тут же погрузились в мягкую почву на парковку, хлопнув влажностью.

– Таких друзей сдавать в музей! – насупился Загрибука и надвинул уши на самые брови. – Дружок, понимаешь... Много тут у вас всяких Дружков да Бобиков, Шариков да Тузиков. Вот от Тузика и слышу!

И нос сморщил для важности, ковыряясь в наговорённых грибах и зачищая от них очередную земельную кучку.

А грибки были модные, надо сказать, оранжевые. Кислые-прекислые грибки были, уксусные до обдурения дурманного.

– Сидим, значить, кукуем? – Дример опустил на корточки, отчмокнув сандалики.

– Как же... Ку-ку... Я что, по-твоему, дятел совсем? – Загрибука топтался на брус-вере, утюжа край своей постройки. – Ты лучше ответствуй собрату по разуму, пошто Грыз-лика натравили на интеллектуальный запас природы, на меня то бишь? Вот уж кто у нас ку-ку, брехня улапая с сушкой заместо хвоста! Только и знает, что гавкать да кренделем своим мух вентилировать.

– На тебя натравишь, пожалуй. Вона ручищи-то какие, захват – что твой экскаватор!

– ??? – Загрибука нахмурился, представив соперника с именем Экс-ква-ква-тор. Воображение услужливо показало ему большую жабу с ручищами.

– Что насупился-то? – Дример приветливо склонился ухом на сторону.

– Супа в рот сегодня не брал!

– А такое впечатление, что по самое «разойдитесь, товарищи... вот сейчас-сейчас меня стошнит».

– Ты сам-то куда лыжи наострил, юморист? – Загрибука расправил физиономию. – На первый разряд?

– Туда и сюда, – весело прищурился Дример, слушая лесное пересвисталово питючек разных.

– Как обычно. Понятно. Слыхал я, вроде как новость дурную принесло. По чью душу звонит колокол-то? – Загрибука встал, отряхнулся лапищами и, насвистывая «Hell's Bells» рок-группы AC/DC, принялся осматривать кучки земли вокруг себя.

– К Эникам иду.

Загрибука плавно перешёл на фигурный свист композиции «For Whom the Bell Tolls» рок-ансамбля Metallica и молвил:

– Всё вареники поделить не могут? Тупые бестолочи! Только им всё жрать да жрать! Никакой образованности, никакой науки. Где интерес к радиусу своей миски, хотя бы?! Я вот построил космическую обсерваторию, видишь? – Он несслыханной дланью своей показал на бугристую окружающую местность: – Все эти кучи расположены относительно крутящего момента звёзд в порядке очерёдности. Косинусы по понятиям оговорены с котангенсами. Я где-то слыхал, что на одной из далёких напрочь планет некий народец Майка выстроил на этих понятиях целую пирамидальную обсерваторию в местечке Чечен-Пицца. Высший эшелон научного Лесного прогресса по этому раскладу трактует вона што...

Дример опустил задницу на траву, где посуше, и прикрыл глаза. Ну сел он попросту. Солнце пригревало, но в воздухе стояла морозная свежесть. Впрочем, она могла в любой момент и исчезнуть, уступив место тропическому дождю. Лес ведь и насчёт погоды был непредсказуем. По крайней мере, пока все так думали, он старался оправдывать всеобщие ожидания. Потому и деревья в нём росли сплошь какие хочешь и каких ни в одном ботаническом учебнике не сыскать. То сосенка с пятипальными листочками в крапинку, то берёзка с иголками.

Дример залез в карман штанов, вытащил труху. Ну а дальше вы помните, что обычно происходит. Глубокий вдох – «Вдохнууууть! Не дышать!» – выдох. Дым выплыл из носа синеватый и ажурный.

– Ты меня слушаешь? – Загрибука уже не на шутку распрыгался вокруг своих куч и с пеной у рта декламировал свои открытия, как будто перед ним была комиссия по вручению Шнобелевской премии, а не просто уставший Дример, пыхтящий самокруткой.

– Слух[а]ю помаленьку.

– Может, ты тоже уже отупел от своего дыма, как Эники с Бениками от своей кулинарии? Я говорю об астрономии!!! О космосе! Ты понимаешь?!

– Если б я был тупой, что бы я тут увидел? Я всё секу. Обсерватория, пирамиды, всё понятно. Ты енто, слышь, со своими познаниями, или как их там ещё, сможешь сходу определяться по месту?

– Ориентирование?! – Загрибука зажмурился от предвкушения научной беседы, дёрнув хвостиком и растопырив уши. – Отличная тема для дискуссии!

– Ты, блин с компотом, сможешь мне сказать, коли чаво, где конкретно мы шкандыряемся по этой чаше?

– Ну-у-у, скажешь тоже... В чаше-то... Ну-у-у, конечно... Да-а-а-а! – Загрибука сиганул через собственную голову мортальным салто и радостно затараторил: – Мы идём искать сокровища!!! Ну конечно! И как я раньше не понял! Наконец-то судьба нашла своего слугу Загрибуку, и он теперь всем нужен, и без него...

– Заткнись уже, а? – Дример поморщился, натянув поглубже Шапку-Невредимку. – Просто подумай немного, можно ли протопать по Лесу напрямки и не вернуться обратно, уткнувшись в свою же задницу, как тута принято? Эники со своими обеденными разборками послужили мне хорошим поводом проверить некоторые свои идейки, и я хочу преподнести подарочек Слиперу.

– О-о-о, глубоко копаете, уважаемый разумный собрат, – подбоченился лапищами Загрибука. – Ты ведь знаешь, Правило одно на всех. Возвращаются все и всегда. Лес – всего лишь голографическая замкнутость ума...

– Про порнографичности я уже слышал давеча от тебя. Так, я понял, аудиенция окончена, – быстро прервал его Дример и выплюнул окурочок в кучу земли.

– Моя обсерватория! – завопил Загрибука, пытаясь затоптать «бычок» без потерь для научной архитектуры. – Ладно, дикарь топоногий, так и быть, пойду с тобой! И учти, Дример, что я иду на этот подвиг ради науки и сострадания к вам, челобрекам недотёсаным!

– Ой-ой-ой, – усмехнулся Дример через плечо, поднимаясь и ломаясь с опушки. – Давай-ка пошевеливайся, буддист хредькин! Сострадание у него, понимаешь... Хе! Алга давай!

– Алга! – довольно хмыкнула Соня.

– Что-что? – обернулся я. – Соня, а где Терюська?

– На батаре греется, – наморишила усы Соня. А усы у неё, не в пример Терюське, были гусарскими, то есть так и хотелось браво подкрутить их слегка смоченными в добротном коньяке пальцами. Но они были-таки прямыми, как проволока вокруг лагеря беженцев в Бейруте разлива 1969 года.

– «Алга!» – пояснила нехотя Соня, – означало у монголо-татар команду «Вперёд!». Армия выстраивалась в боевом порядке, и командир кричал: «Алга!» Монгольские brave отряды шли вперёд. Слова «назад» у монголо-татар не было в лексиконе и в словаре не значилось. Поэтому, когда нужно было развернуть армию «к лесу передом, к нему задом» или наоборот, командир поворачивался на сто восемьдесят градусов и кричал: «Алга!» Вот смотрю я на Дримера со Слипером, и единственное, что мне приходит в голову, так это «Алга!».

– Хм-м...

– Да уж, не зря хвостом машу! Ну, давай уже дальше! А то на балкон уйду нафиг.

Слипер легко бежал по сухим иголкам высохших листьев. Рюкзак болтался за его спиной, а в голове билась истерично об затылок идея. Наконец-то он придумал, чем удивить по-настоящему Дримера. Сколько братья прошли по этому Лесу в своё время, сколько излазали болот и оврагов! Везде братцы искали лазейку, но всегда глумливый волшебный лесопарк возвращал их к тому месту, откуда Слипер и Дример начинали свои прогулки, к месту их утреннего пробуждения. Это незыблемое правило, с одной стороны, гарантировало им невозможность заблудиться, но с другой стороны, братья всегда чувствовали навязанную ограниченность своей свободы передвижения. Дом стал казаться им тюрьмой. И эта мысль в последнее время стала уж и вовсе навязчивой.

Стоило им пойти в Лес бесцельно, как он возвращал их кругами обратно.

Их путь всегда был ограничен конкретной целью. Стоило её достичь – и н[а] тебе снова и с начала, ты опять пришёл к Дому, куда бы ни ходил. Цели сами как-то прикипали к братьям периодически. То письмо придёт странное на порог, а то кто-нибудь из жителей Леса сам принесёт весть о ком-либо, нуждающемся в братьях. И они сразу собирались в дорогу. А что было ещё делать? Кормёжку искать да на вызовы по «03» выезжать.

Лес определенно был в чём-то разумен, в этом братья не сомневались. Но был ли этот разум механическим устройством или потешающимся над ними существом – оставалось непонятным. Им было подвластно менять в Лесу многое, но не сам принцип постоянного навязанного возврата к Дому. И это оставалось той занозой, которая не давала им покоя. И братцев можно было понять. Никто из нас не любит чувствовать себя направляемым против воли. Братья втайне лелеяли мечту докопаться до этого секрета, и вот Слипер теперь радостно мчался по прорезаемому лучами солнца Лесу, предвкушая победу. Ещё только пришло письмо от Эников и Беников, как он сразу сообразил – вот шанс разорвать цепи круга. Ибо Эники и Беники жили весьма на краю лесном, который по преданиям тишиной был нехило помят. Теперь братья обрели шанс пройти до конца Леса и узнать, что же находится за ним. Слипер рассуждал так: «Если принять за отправную точку с запятой обстоятельство, будто Дом всегда является центром Леса, что неоспоримо за неимением доказательств, то вся эта Котовасия так или иначе вертится вокруг... – Слипер так и подскочил: – ...нас, что ли? Да ну? Да не может такого быть! Ты, браток, не торо-писька и не отно-сиська к этому так серьёзно».

Он остановился, перевёл дыхание и думкнул вслух:

– Интересно. То есть вроде как Лес отражает наше состояние. А вдруг наоборот? А вдруг я – отражение своего отражения?

– Вау! – ухнула восхищённо притаившаяся наверху в ветвях Зверогёрл и поскакала прочь по сучьям, обгоняя Белок-Паращютыг и вереща: – Я, блин с компотом, отражение своего отражения! Я – отражение своего отражения! Вот это мне крышу-то отбросило, аж черепица визжит!

Слипер рассеянно покачал головой ей вслед и зашагал дальше уже медленнее, рассуждая спокойно, с разумением:

– Надо бы к братьям Водянистым зайти. Они-то уж про отражения всё знают. Всю жизнь в воде сидят да болтают заумности. Забалтывают, понимаешь, нашего брата путника. Тут он отражением своим и становится, заболтанный путник, и как спутник сам вокруг себя болтается запутный... Ох, что-то я совсем запутался непутёво!

Перед его ногами через тропинку запрыгали Тютельки, как всегда ловко попадая друг в друга. Слиперу пришлось остановиться и подождать, пока те закончат свою чехарду, а затем он продолжил ходячую беседу с самим собой:

– Нечего вибрировать самому напрасно. Мозги – не пейджер! Спокойненько ща доковыляем до перепутья, а там у кого-нить запросим маршрут до Водопроводных братьев по разуму.

Так он, бормоча себе под нос, дошёл до развилки. Глядь, стоит камень посреди неё в аккурат. На нём, как водится в Лесу, небрежно накаляканы были разные жизненно-бытовые

объявы и самоутверждения всяческих личностей. Слева – «Рейв гавно! Рэп круто!», чуть выше – «Панки хой!», внизу шёл бытовняк – «Ищу моржу, в сердцах стужу!» и «Стираю всё, от постельного белья до секретных файлов!». Вверху сияло «Всю власть ...!» (последнее слово в надписи было не раз стёрто и заменено, как и водится в любой истории любой планеты) и «Здесь был Топоног, затоптал кого мог!», а внизу шло наперекосяк утверждение, обратное первому, то есть «Рэп гавно! Рейв круто!».

Крупная официальная надпись посередине каменюки гласила: «Куда ни пойдёшь – везде какая-нить херь да случитца!»

– Мудро. По крайней мере, с иронией и большим жизненным опытом написано, – утвердил Слипер прочитанное, поправив на спине жёлтый рюкзак. – Один хрен с редькой, куда идти, если знаешь, что куда ни иди – везде слаще не будет, всё равно придёшь к тому, к чему тебе нужно было прийти по-любому!

Краем уха услышав эту фразу, задумалась на лету и врезалась в дерево Белка-Дельтапла-нерюга. Слипер поймал её на руки, когда она, сложив смиренно лапки на груди, вошла в пике, словно Бом-бам-дировщик.

– Эк, блин. Надо бы её куды сунуть. – Карман на красном анораке Слипера был явно маловат, в штаны белку не запихаешь, а про рюкзак он и вовсе забыл. – А то ненароком съест кто-нибудь, или Топоног Многопятковый наступит. Он вечно ни шиша под ноги не смотрит, да и куда ему под столько ног сразу смотреть? Вот природа несуразная. Нет чтоб и глаз животному дать, аки и ног у него сколько, а то мучается сам иль кого мучает. Одно мучение, ёжкины кошки!

– Котов попрошу не поминать всуе! – раздался шершавый мягкий голос с ветки над головой. – Не гламурrrrrрно сие и не учтиво, молодой чемодан.

Слипер задрал голову. В этой позе, с бессознательной белкой на руках, он напоминал святого мученика, допросившегося с небес неожиданного презента.

На ветке не спеша проявлялся силуэт весьма-не-в-меру-упитанного, полосато-невнятного кота с огромной широкой пастью и репейником в хвосте.

– Ап-чи! – от неожиданности громыхнул Слипер на весь Лес.

– Хи... хи... хи... – понеслось эхо.

– Здоровеньки будь, аднака, ара-джан! – откликнулся кот, подмигнув в воздухе всем собой.

– И тебе не хворать, коли не шутишь. Ты чего, Башкирский, пугаешь спутника болтающегося?! Тьфу, блин, совсем меня с толку сбил!

– У нас прррофессия такая, баламутно-запутная, – промурлыкал довольно Башкирский Кот, выписывая крендель хвостом, чтобы скинуть с него репей.

– Как же, вот белку-то и сожрал бы сейчас! – Слипер захитрил на кота глаз.

– Ой-ой-ой! Больно нужна мне эта дохлятина, как ослу перья. Я вообще вегетарианец, меррртвечины вашей в пасть не положу! – Кот залихватски заложил лапу за лапу в предвкушении долгого, приятного во всех отношениях разговора и улыбнулся отнюдь не вегетарианской пастью, в которой виднелись в семь акульих рядов остро наточенные зубы, более сотни количеством. – Что это ты, друг? В «Гринпис» записался? Суицидных тут всяких, понимаешь, таскаешь на руках. Вот Дример – тот не чета тебе, оболтусу! Всё о вещах мудррррых говорит, спокойно, не спешаааа. О преимуществах сметанной диеты мы тут с ним давеча мяукали недуррррственно. Хорррошая была вечеринка. Посиделки такие, понимаешь, богемные. Сметана, дык, сливки, моррроженое...

Кот закатил радужные глазищи и стал заваливаться набок.

– Эй, ты там, на крае, осторожней! – Слипер отскочил в сторону, благоразумно решив, что громадный зубастый котяра – это тебе вовсе не белочка, и поймать его на руки будет себе дороже в травматологическом смысле. К тому же место на руках уже было занято.

Кот ухватился за ветку и вернулся из мечтаний, приняв устойчивое положение.

– Слушай, – Слипер покрутил затёкшей шеей, – мне по всем раскладам идти к Беникам нужно.

– Слышал я. Мы здесь за новостями следим. Не дерррёвня какая, понимаешь. Мы – существо воспитанное и сообррразованное. А у них там раздоррры, делёжка территорий, политика, извечные кататонические клизмы неразвитого общества. Никакой тебе ни культуррры, ни мультуррры! Совнархоз один, понимаешь ли, и дискотека. Примитивизм.

– Ну ты это, не суди и в судах не будешь. Ты лучше, чем тут пузо греть, прогулялся бы за компанию со мной.

– Хммм... вареники... сметана... гламурррненько!

– Ну что? По рукам?

– Тож мне, рэпер нашёлся. Это ты с братвой своей на районе по ладошкам хлопать будешь в радостях. Ладно, чего уж там. Убедил. Всё одно тут скукота колхозная. То этот рассеянный мужлан Топоног громыхает внизу, то Бронходилататор Муколитический как раскашляется, так хоть уши в трубочку сворачивай. И никакого тебе, блин с компотом, стиля. Никакого вкуса. В этом нет ничего, что нравилось бы мне! Никакого высокого общения. Никакой пищи для интеллекта. Па-а-а-шли, кароче, отседова, братан, как говорят у вас на хате. Верррно, Слипер?

Кот плавно соскользнул с дерева, и на мгновение Слиперу показалось, что он стал каким-то эфемерным. То есть попросту исчез в воздухе. Ну не могла же, в самом деле, эдакая туша да с гламурным изяществом неслышно вмиг преодолеть такую высоту. Башкирец и на земле продолжал нервно мигать в воздухе. Глаза его поменяли цвет на изумрудно-зелёный.

– Только, чур, ты перед носом не мельтеши, как кинолента, – попросил Слипер. – А то я пугаюсь.

– Пугаются они... Да вы сами же есть те, кем вас пугали в детстве! Темнота одна, жуть по углам разводите! Вот Самсумей, мастер на все ноги, мне давеча приносил книгу некоего Куртки Ваня-Гутта. Умный, аднака, человека. Случай мой эстетически описал да названием каким вычурррным обозвал, – кот опять закатил глаза, – Синкластический Инфундибулум! Во! Понимаешь теперь, ЧТО Я ТАКОЕ? В Красной книге на первом месте, прежде заглавия иду!

– А почему книга Красная? – удивилась Терюська.

– Ой, – подпрыгнул я. – Опять ты?!

– Пора бы уже привыкнуть! Я всегда не на месте и не к месту. Ты же знаешь. Ты, корюшка мне в пузо, ничему не учишься, человеке. Вот кто так еду кромсает в миску, к примеру, а?

– Ну ладно, ладно...

– Так почему Красная?

– Хм, наверное, по той же причине, что и бывшее когда-то красным знамя. То есть цвета крови! У-у-у-у! – сдвинул брови я.

– Не хотела бы я попасть за свою редкость в Книгу Цвета Крови! – подала голос Соня с холодильника.

– А каково было некоторым жить в стране с Флагом Цвета Крови?! Совсем и вовсе не весело, – кивнул я.

– Да уж, как-то не фэниуйненько! – проорал с улицы через открытый балкон Ёик. (Вы его ещё не забыли?)

– Наточняк, мой иглоукалывающий друг! – проорал я в ответ и уже тише добавил Соне и Терюське: – Но Башкирский Кот был занесён в разные списки редкостей многих космических поселений и миров, и уж так получилось, что на одной из этих планет книга эта оказалась

Красной. Сия мракобесная жуть так понравилась нашему усатому товарищу, что он часто вспоминал впоследствии о своей принадлежности именно к этой готической Красной книге.

– Ну крут ты, крут! Спору нет! – одобрительно закивал Слипер с белкой на руках. – Только ты, чур, постарайся этот свой Синкопированный Фурункулёз сдерживать хоть иногда.

– Чуррр-чуррр, начальник. Нет вопроса. Всё под контролем.

– Вот и гламурненько!

Кот скосил громадные, разом пожелтевшие глазищи на Слипера, не издевается ли тот над ним, но челобрек и ухом не повёл. Новый попутчик, одобрительно фыркнув, зашагал по тропе, а его глаза стали спокойно-зелёными.

«Хорошие зубы, быстрая реакция и такая маскировка всегда пригодятся в дороге! – решил про себя Слипер. – Это я вовремя и дипломатично догутарился, а то сейчас за белку эту пришлось бы вписываться в конфликт. Кстати, как она там?»

Белка лежала в ладонях, открыв глазёнки, и тарасилась в священном ужасе на смутно-полосатую задницу кота впереди. К тому же филейная часть эта помаргивала в прохладном лесном воздухе, несмотря на кошачьи заверения в будущей стабильности визуального контакта.

– Очухалась? – тихо спросил Слипер.

Белка в ответ на обращение к себе вышла из ступора, издала внутри своего организма на уровне инфразвука визг ужаса и всеми четырьмя лапами сиганула вверх.

– Что? – Кот обернулся.

– Ничего-ничего. – Слипер растёр ладони и сныкал руки в карманы оранжевых штанов.

Кот поднял морду кверху, досадливо клацнул своей сотней зубов и зашагал дальше, расслабленно бросив:

– Пошли уже, спа-са-тель...

– Иду! – Слипер поправил на плече неестественный в лесной чаще яркий жёлтый рюкзак и поспешил за маячившим впереди хвостом. – Слушай, а ты, чай, не знаешь...

– Чаю не предлагать! Я хоть и Башкирский, но касаясь всех этих этнических штук типа чаёв с молоками и чак-чаками не очень-то. Я ж всё-таки кот как-никак! – Он приосанился и поднял хвост трубой.

– Как скажете, уважаемый Башкир-Ата, да ведь я не о том.

– А о чём?

– Ты вот дорогу к Водопроводным знаешь? Мне про отражения надобно у них расспросить.

– На кою мормышку тебе эти аквалангисты сдались? Я для твоего уразумения сейчас наглядный пример вредности покажу ентю самого отражения. Как раз по дороге.

– Это где? – вытянул шею Слипер, высматривая тропу вдаль и поперёк.

– Да там и сям! – Башкирский Кот, не оборачиваясь, топал впереди.

Слипер хмыкнул:

– А что Водянистые?

– Слушай, прррямоходячий, коли тебе невтерпёж дайвингом заняться, дык зачем в такую даль к ним переть? Я тебя быстрее этому научу. Вот только до Дому вашего вернёмся, так ты там сразу перегнись подальше носом в колодец, а уж я подсоблю обучению старым дедовским способом, – захихикал кот. – Сам-то я, как ты понимаешь, не особо до воды любознательный. Прррирода такая, ничего не попишешь. Но ради помощи и из буддийского сострадания ко всем живым существам помогу тебе окунуться. А по части отражений, мячу тебе уж на который раз-два, эти несчастные томатные кильки ничем не помогут. Они столько дури курят на своем болоте, что кроме пузырей к детскому празднику от них ничего не добьёшься.

– А что за пример наглядный по дороге?

– Да вот! – Кот неожиданно спихнул Слипера с дороги прямо в кусты, и тот, проломившись сквозь них, вывалился на полянку.

Посреди поляны стоял огромный трухлявый пенёк с сердцевинкой, заполненной водой. А над пенёком зависла странная живность. Слипер никогда такого существа не видел. Нечто, похожее на прилично откормленную галапагосину, вцепившись передними когтистыми лапами в край пенёка, развернуло перепончатые тонкие крылья и неотрывно смотрело в глубь образовавшейся посередине пенёка лужи.

– Здравс-сте! – Слипер решительно шагнул вперёд, но кот ловко подставил ему подножку, и братец неуклюже завалился в траву. Рюкзак шлёпнулся сверху.

– Не ори! – зашипел Башкирский Кот, накинув капюшон анорака Слиперу на голову и прижав братца к земле. – Не то на пару тут в пенёк куковать будете!

– Енто что?

– Не что, а кто. Это, бррратец, самое что ни на есть совершенное оружие массового отражения из земель чужестранных. Пострашнее бомбы водобродной будет.

– А вроде пенёк как пенёк, – промышчал невнятно Слипер, так как рот был занят набившейся в него нуихмыть-травой.

– При чём тут пенёк? Пенёк-то Ясный, как пить дать, ишь сколько накапало. Я о том, кто на нём сидит! И говори потише, а то, не ровён час, отвлечёшь эту зачарованную крылатую боеголовку, и будем вместо него тут туканить до скончания веков, пока будильник Великого Ежемгновенного Обновления не прозвонит!

– Да не топчи меня в грядку! Затих я, затих! Кто это?

– Василиск это, турист! Ва-си-лиск! Вася не самый Премудрый, как сходу видать, но с чётко вооружённым глазом.

– Да ты чё? – Слипер пытался освободить глаза от навалившегося капюшона с кошачьей лапой в придачу.

– Говорю ж, zenки свои держи подальше. Прямо не зырь. И не шуми. Попался он, не видишь разве? – Кот нервно крутанул хвостом из стороны в сторону, опять замигав.

– Как же енто? Откель в нашем Лесу Вася-то такая Немудрая? И чё он тут в пне забыл?

– Слушай, кто тут из вас очарованный, он или ты? Ты ещё до Водянистых не дошёл, а уже тормозишь, словно обкуранный до пузырей. Крути процессором в головушке. Или у тебя голова – просто расстояние между ушами? – Кот укоризненно навис над Слипером. – Он же в воду смотрит. А вода что?

– Хм...

– Ты ж сам спрашивал меня про отражения! Ну? Шевели ластами, водолаз ты чугунный!

– Ёлки-палки-лесоповал! Да он в себя, что ли, упёрся?

– Соображалка у тебя с напрягом догоняет, начальник. Пора апгрейд на кушетке у психолога делать. Но на этот раз ты попал в точку с запятой. Бинго! Он, нездетутошный Тутытам ему в крылышки, на отражение своё и любитесь!

– А что, он реально в пятисотой марки цемент превращает всё, на что взглянет?

– Сам знаешь, строительный материал нынче безбожно бодяжится, но пожизненная катания тебе всё равно будет обеспечена. – Кот искоса зыркнул на Васю нездешнего. – Под таким наркозом тебя до пенсии вешалкой в коридор можно поставить! Один разок в очки ему заглянешь – и можешь отдыхать до второго пришествия, если только волшебник страны «03» мимо пролетать не будет случайно с мигалкой, да тебя по настроению хорошему не размагнитит обратно. Как говорится, первый блин – комой!

– Я вообще-то о таких летательных аппаратах только читал. – Слипер осторожно попытался выглянуть из-под мохнатой кошачьей лапы.

Кот ослабил хватку и сел задницей в пожухлую траву рядом, опасливо косясь на здоровенную крылатую ящерицу. Слипер вздохнул свободнее и приподнялся, шёпотом вещая:

– Мда, Василиск и нарциссизм – вещи явно несовместимые, аки молоко с огурцами. – Стараясь не шуметь, он привстал, но решил особо не поворачиваться во весь анфас к чужестранной странножуги. – И откель он тут?

– Да кто его знает. Радар наведения сбился, – Башкирский Кот заходил кругами вокруг Слипера, и глаза его забаламутили жёлтеньким. – С Незапамятных Времён откуда-то и свалился. Видать, в акаша-потану попал.

– Куда? – спросил Слипер кота еле слышно и пригнулся на всякий случай.

– Это по словарю сан-эпидем-скрита, дурррень! В Блуждающий Коридор По Связям С Общественностью! Есть такие в пространственно-временном континууме тоннели. Войдёшь в одной точке, а выйдешь чёрт знает в какой запятой! Этот вот вывалился над самым вашим Домом. Тут его Грызлик и погнал по Лесу. Василиск сдуру ошалел – небось, шавки дворовой сроду не слыхивал. Прямо в карьер галопом своим галапагосским и понёсся в Лес. Даже не обернулся ни разу. И хорошо, что не обернулся. Не то вместо вечно чешущегося Грызлика у вашего Дома сейчас бы стоял нерукотворный памятник «Белке и Стрелке, первым собакам-космонавтам», аккуратно исполненный в зачарованном пенобетоне!

– Ай да Грызлик...

– Да уж, пустолаять горазд, аж уши закладывает. Прибабах ему знатный достался от рождества! Короче, пёс ваш шибанутый до самой этой поляны и гнал гостя незваного. Вася этот Непремудрый к пню подлетел на перекур отдышаться, да в серёдку пня и поглядел, головушку склонив. И что он там увидел?

– Ну?

– Выдыха-а-а-ай!! – Кот сделал страшные глаза. – Себя, бррратец! Кого ж ещё? Ты вроде с Водяными дурь не мутил, а притормаживаешь ручником в асфальт! В свои очи ясные он и глянул! По закону подлости в зрак свой ледяной и упёрся! И зависло там что-то в его оперативке. Короче, сам себя заморозил. Вот теперь и висит Вася наш над пнём, хоть мухобойкой сбивай, да сны смотрит. И крутятся его сны известной нам по учебникам петлём Шмёбиуса, и ни конца ни краю их совершенно никак не предвидится, если только кто-нибудь его отвлекать не надумает на свою же панамку.

– Сны смотрит? – Слипер всё не мог отвести загипнотизированных глаз от чудосветного когтеящура.

– Да уж, не чета твоим лёгким порханиям по астралу, – ухмыльнулся Башкирский Кот, собирая хвостом по траве новый лесной мусор. – Тут, блин-оладушка, посерьёзнее музыка будет, натуральный трэш! Многослойное сновидение, что твой гамбургер – семь в одном. Знал я одного любителя бумагу помарать. Странно, вроде как мужик был, а имя у него девчачье имелось – Люся Кириллова. Этот самый Люся хорошо сказал по самой сути обсуждаемого предмета: «Вздремни, и пусть тебе приснится сон про то, что тебе снится, как ты спишь и видишь, как во сне тебе снится, что ты заснула. И летишь... летишь...» Вот и долетался в аккурат по теории этого самого Люси Кирилловой!

– Слушай, а как мы его теперича домой того, ну туды, обратно в эту Связь С Общественностью отправим? Нам тут такая гонка вооружений совершенно ни к чему.

– Знал я как-то одну девчушку. Вот кто помог бы! Она всё шастала с потребительской корзиной пирожков по этим самым тоннелям акашным да потановым, то к своей бабуле в Малый Нижний Дальнепердищенск, то от ночных мотоволков обратно по этим же тоннелям бегала, только визг стоял на всех перекрёстках. Да только не помню, и где же это я, как говорится в протоколе, видел потерпевшую в последний раз? Она ведь по всей вселенной шныряет со своими тошнотиками...

– Эй, Башкир-Ата, может, нашёл бы ты её? – Слипер забеспокоился по части судеб лесной братии. – А то не ровён да кривен час разбудит кто-нибудь этот истребитель с вертикальным улётом и боекомплект на борту.

– Где же... где же... – Кот всё морщил пушистый лоб. – И тошнотики у ней стррранные такие были, как щассс помню. На одном «куси меня» было написано, на другом «дэнс пати форева» накалякано, на третьем и вовсе велосипед намалёван был да матюги заборные, даж говорить не буду, стыдно и пошло. Я сквознячком прикинулся как-то, слямммзил с краешку горбушечку, дык меня с ништяка того так тряхануло, что хвост с усами собрать не мог. На третьи сутки только отпустило. А, вот ещё чё! Она всё время Красную Тюбетейку таскала на себе. Несуразную такую малиновую шкандыбобину. Сразу видать, с колдовством каким-то, как у бррратца твоего смурного. Ну прям как этот самый его заколдованный дырявый шерстяной носок, который он на голове таскает!

– А-а-а, Шапка-Невредимка, что ли?

– Ну, по-вашему вроде так. Только вот благодаря этой самой Красной Тюбетейке девчушка та по тоннелям, сдаётся мне, и бегала, аки тётки с кошёлками в пятницу по универсаму! Но вот где я её видел в последний раз – не помню, – с видом бывалого следователя вёл кот допрос самого себя. – Меня ж самого иногда швыряет, ну ты уже знаешь. Я ведь феноммен, – Башкирец прижмурил позеленевшие до изумрудности глаза, мурлыкнул и вздохнул.

– Это я помню! – поспешно согласился Слипер. – А ты, коли вспомнишь, кричи сразу, – сдвинул он брови, – а пока давай-ка выбираться отсюда. Что-то мне про отражения всё стало ясно-преясно, вот прям как этот самый Ясный Пень.

– Хе, Пень-то Ясный, как пить дать! Небось, если Вася с перепоею очухается, да ещё и лакать с него вздумает, – всё про себя на три юги вперёд знать будет! Наточняк диагноз ставлю, и к гадалке не ходи!

В зарослях на окраине поляны произошла какая-то сумятица, и из кустов выглянули две лупоглазые головы Лопы и Антилопы.

– Так, ну-ка, брррысь! – зашипел на них Башкирский Кот и сверкнул внезапно гепатитно-жёлтыми монгольскими глазищами. – Кончаем тут смутную движуху!

– Ребята, вы бы тут не шастали... – начал было Слипер разъяснительную беседу с пунктирно-аннигилирующей парочкой, но тут перед его лицом образовался из лесного полумрака переместившийся кот.

– Линяем! – шикнул он, а после растворился в воздухе. И клочок его линяющей шерсти аллегорично остался колыхаться в пронизанном солнцем лесном воздухе.

Лопы с Антилопой, икнув, ломанулись в чащу, а Слипер, подобрав рюкзак, поспешил включить заднюю передачу и ретировался на тропинку, с которой его сюда ловко спихнул Башкирский Кот. Воцарилась полуденная чащобная тишина, и в этом оцепеневшем пейзаже лишь Василиск встрепенулся и тихо что-то проорчал на своём чужестранном языке, видимо, совершая в заколдованном ледяном сне немыслимый захватывающий вираж.

На четвёртом или пятом повороте Дример услышал сзади тяжёлое дыхание запыхавшегося Загрибуки, совмещенное с нудным ворчкованием:

– Куда ты без меня дойдёшь? Ни компаса, ни знания астрономии, ни навыков ориентирования! Ладно, человеке, иду уж с тобой, провожу до Эников, а там поглядим.

– Вот и молодца! – Дример шёл себе вперёд и в ус не дул, благо его попросту не было. – Ориентирование и всё такое – енто круть! У тебя ж опыта больше...

– С каких таких у меня жопа-то больше?! Так, Дример, ты мою жопу не трожь! У кого она там больше – ещё присмотреться нужно.

– Не бухти, Загрибыч! Идём и идём. Так бы сразу жрать зразы и мочить потом заразу! А то загигать стал мизинцы, по понятиям раскладывать... Ентого я, брат, не понимаю. Голова у меня пустая! – Дример хитро прищурился.

– Пустая, пустая, – охотно согласился Загрибука, пытаясь отдышаться на ходу. – Нет чтоб мозг наморщить лишний раз, так всё вам с плеча смоленского капуста рубить по-тайски!

– О, словами-то какими забормотал! – скакнул бровями Дример. – Думать, типа, говоришь? А не лучше ли перестать думать и начать наслаждаться? Вот я о чем думаю. Круголя даю мозгами, как видишь.

– Думаешь о том, что надо перестать думать? – Загрибука попрыгивал сзади, отплёвываясь от пищаlistых мушкарей, которые норовили поселиться у него во рту. – Интересное думание, и сказать нечего. Просто наслаждаться, говоришь? Но и это не мешает думать! Блин с компотом, где стенографисты?! Записывайте! Записывайте! Чёрными граффити на бетонных стенах! Какие мои думания уходят в Канучую Лету!!! – Загрибука заломил к небесам загибающие ручки.

– Да уж, тут либо чуют и фигеть от кайфу, либо морщить извилину, – умудрил Дример. – Ёп-штейн, понимаешь ли, относительность, наука. Ага. Да-с.

И пошли Дример с Загрибукой дальше, морща периодически совместно мозги и жмурясь от накрапывающего дождика. А лес тем временем заметно поредел. Начались невнятные болотца с неприлично наплюханнми то там, то сям кочками, поросшими лишаями да мхятиной всякой. Небо стало совсем серым и негостеприимным. Ветер крепчал градусами. И попутчики решили привалиться где-нибудь в чилаут, то бишь сделать привал. Расположились на пригорке, выбранным Загрибукой по всем правилам фэн-шуя, заморской науки «как правильно привалиться или что-нибудь привалить». Дример свернул листик с трухой, щёлкнул пальцами и, выбив искру, закурил. Загрибука тоскливо поглядывал вверх, но просветов в баблах не предвиделось. Ночевать в лесу в неизвестном месте ему как-то не улыбалось. Не смешно, блин, было. Не ха-ха. Тут тебе и какой-нибудь Топоног затопчет вприсядку, али Кот Башкирский, им не раз виданный, ради забавы подкрадётся да укусит, благо удаль свою стоматологическую девать ему вачепта некуда. В общем, со всех сторон, куда ни посмотри, одни инфаркты имени миокарда или переломы оконечностей, тоскливая медицинская явь в склянке с анализом.

Загрибука уж стал изгибаться умом, как бы Дримеру намекнуть, мол, пора на отдых безопасный расположить ноги-руки, но челобрек и сам уже смекнул, что в темноте идти несподручно даже при его навыках и преимуществах.

– Кочумаем до утренней звезды! – Дример снял и стал стелить фуфаечную кенгурятину с капюшончиком на мох.

– Это дело хорошее! – приосанился Загрибука. – Пойду я покуда дровишек на костёр собираю.

– Давай. Вон у тебя какие ручки!

– Но-но! Попрошу без дискриминаций! Вы бы на себя с братцем поглядели. То там шкуру сбросят, то здесь оставят. Шерсть зачем-то стригут с башки. Вы сами-то в Лесу, как негр в снегу!

– Ты енто откуда таких слов нахватался? – Дример удивлённо вскинул бровь.

– Да сам не знаю, – честно признался Загрибука. – Так, во сне привиделось-прислышалось. В этом Лесу бесятском никто ни шиша не может упомянуть толком, что да откуда берётся, включая себя самого.

– Это ты верно подметил, – согласно кивнул Дример и глубоко задумался.

– Ой, а мне-то какие Страстные Мордасти снятся иногда! – возбуждённо подпрыгнула Терюська у меня на столе. – И самое странное: порой что-нибудь во сне кажется совсем не страшным и очень простым, но потом оно на поверку оказывается ваще нелепым и очень даже жутким, когда вспоминаешь сон после пробуждения.

– Слухай, я и наяву-то иногда ка-а-а-а-к загутаю не по-нашенски с какого-то перепугу, что потом и сам стою, глаза таращу и удивляюсь, откуда это во мне такое? – Я нервно закусил карандаш.

Терюська на мене странно поспотрела, внимателно заглянула в зрачки и вкрадчиво спросила:

— А ты давно у врача был?

– Та-а-а-а-ак, поехали дальше...

Загрибука зашагал в Лес, заложив за спину руки, словно профессор вдоль доски через аудиторию, насвистывая мелодию, смутно напоминающую 467-й ненаписанный концерт Шуб-стаковича для дисканта с контрабасом.

В природе потемнело, смутилось, надвинулось. Над верхушками деревьев пролетел, харкая, Мудод, птица пакостная и крайне му... ну, в общем, вы понимаете.

– Не радуйся, падлюга, скоро кончится Кали-юга! – плюнул вслед ему Дример, лёг на мох и завернулся в кенгурятину, напялив Шапку-Невредимку по самые глаза.

Мудод отхаркнул что-то липко-пакостное в ответ и скрылся за деревьями. Темнота навалилась на Лес быстро и жадно. Отовсюду стали слышны невнятные бормотания, подозрительные похрюкивания, леденящая кровь одышка.

– Ёкить, вот ежежуть копошащаяся, – по-стариковски просопел Загрибука, нервными приставными шажками подбегая к вытопанной полянке, на которой они с Дримером расположились. И эхом ему отозвался затяжной кашель Бронходилататора Муколитического.

– Ыть! – сердцем ёкнулся Загрибука. – Тьфу! Пёс грызлючий с ним, с этим костром! Ещё прибегут тут всякие на пикничок позыркать.

Он по-собачьи потоптался вокруг себя, посмотрел ввысь, надеясь определить по звёздам правильное положение тела для сна, но небо плотно затянуло тучами.

– Ёть, – снова обиженно тявкнул Загрибука, свернулся невесть каким калачиком и обхватил себя огромными ручищами, будто медвежьим капканом, для пущей сохранности. Вдохнул разок-другой. Засопел. Закряхтел во сне.

И приснилась ему Будорожь Вещая. Ну та, которая до кишок всё перемутит и проснуться не даёт ни разу. Жуткая, словно пересказанная вдоль и поперёк кинолента «Кошмар на улочке Тополей Плющихинских». Глядь, Лес весь инеем покрылся. Воздух отмороженный мелкими льдинками летает. Топоноги в валенках стоят, что твоя крыша над платформой вокзальной, вымороженные напрочь, без движения, седые все от дубака несусветного. И посередь этого всего, по самые что ни на есть коленки в манной снежной каше, одиноко торчит, словно пень, он, Загрибука, и держит в руках последнюю спичку, от которой «взовьются костры», как ворчливо спел Дример, проходя мимо него третьего дня кряду.

Ледяной ад захлопнувшейся морозилки навязчиво свистел в уши циркулирующим фреоном. Последние капельки загустевшего от морозу воздушного коктейля оседали неповторимыми, как известно науке, снежинками в воздухе. И в этой катастрофической клизме (развёрнуто по понятиям от древнего сокращённого «ката-клизма») наш в меру мохнатый друг, задержав вдох, будто на флюорографии, чиркает последней в мире спичкой и...

– Аааааааааааааааааа! – Загрибука взвился в воздух гагаринской ракетой.

– Шо такэ? – Дример приподнял Шапку-Невредимку над бровью в тот момент, когда наш псевдокосмонавт бесславно окончил свой первый полёт и брякнулся в траву, громко и натужно пукнув.

– Фи-и-и, профессор! Что это вы надумали тренировочными полётами заниматься без приказа ЦПУ? И что за выбросы в атмосферу? – Дриммер подтянул грязно-травяные штаны и уёжился в серую футболку под кенгурятиной.

– Ыть, челобрече, что ты понимаешь?! Да я такое увидел! Одна искра, блин... Одна искорка, катет мне в гипотенузу, а от неё цепная реакция! Весь Лес к чертям собачьим мелкой крошкой разнесло! И я стою посреди всего этого Великим Ноем, оставшимся в пупе этого великого бардака несусветного, и нытьё моё – не чета волчьей опере зимней.

– Спи уже, чурчель летучий! Не буди зверьё! Ну, кошмарик вязучий приснился, с кем не бывало. – Тут Дример оглянулся тоскливо. – Звезда вот взойдёт, протрём зенки, да и созовём кворум для обсуждений. А покуда спи, несуразный.

– Дык вещей сон-то! Не хухры с мухрой! – Загрибука наборщился и опустил до земли загребушие ручищи.

– Верю охотно. Кстати, мухры надо бы набрать, а то курево скоро кончится. Да только что нам, Загрибыч, сейчас извилину напрягать? Отдохнуть нужно, сил набраться от земли. Похрапи немного, успокойся. Два раза одна и та же бомба в сто пудов никуда ва-а-а-ще не падает в течение одной калпы – ты ж в курсе! Так что больше кошмар этот тебе сегодня не приснится. Уж. Типа.

– Успокоил, блин с компотом, усатый нянь, – Загрибука недоверчиво зыркал по сторонам.

Дример опять надвинул Шапку-Невредимку на глаза, поудобнее завернул руку под голову приёмом «ухом в локоть» (не путать с древним боевым приёмом «локтём в ухо») и затих в траве.

– Словно кокон Бом-бам-дировщика, – поёжился Загрибука, глядя на завернутого в серую свитерюжную кенгурятину Дримера. В воздухе было совсем не жарко, и не июль вовсе, и не пальмы кругом даже. Так что сидеть и трястись особой жажды у него не было. И он тоже, побряхтев, улёгся вторично за эту ночь и теперь уже без тревог «придавил уши» до самого рассвета.

Лес мирно спал, и только вечно простуженная Муколитическая тварь всё время будила слишком близко расположившихся соседей надтреснутым кашлем и сипом отёчных лёгких. Ну и нефиг! Курить надо бросать!

В то же самое время Слипер бодро шагал под палящим солнцем, немного нервничая из-за нового попугайчика, который шнырял по зарослям с довольным урчанием.

– Прррелессно! Прррелессно! – то и дело слышалось из растительной околodорожной неразберихи.

Потом вдруг из внезапно образовавшегося сбоку выхода вываливался Башкирский Котяра, путался под ногами и тут же нырял в случайно возникший с другой стороны вход.

Ага! Я вижу, что внимательные читатели уже спотыкнулись о моё «в то же самое время» в начале этого абзаца. Ну как же! Пока Дример с Загрибукой спят в мёрзлой болотной ночи, Слипер тут под солнышком среди бела дня оттаптывает километры невесть-откуда-взявши-мися-в-этой-глуши кроссовками фабрики «Красный Треугольник». Но я не оговорился. День и ночь сменяли друг друга в Лесу не как положено в приличных лесопарковых насаждениях, деля сутки налопопам, но как попало уж кому куда и чем на душу придётся. А вот на чью душу что пришлось – зависело от личного времени каждого из братьёв. Ещё в далёком не знаю каком году человеческий детёныш по имени Алик со странной фамилией Ёп-штейн, которую при желании можно перевести как Первый-Камень-Брошенный-В-Огород, вскормленный отнюдь не доблестной, такой же человеческой, как и он сам, цивилизацией, открыл вопиющий факт: время – штука настолько круто-туто-светная, настолько несусветная круть, что д[о]лжно ей себя вести так, как Великий Степной Дух решит с перепугу. А это значило, что все мы с вами, и кое-кто с ними, живём совершенно отдельно друг от друга, и всё, что нас объединяет, – тикающее устройство, визжащее по утрам, которое заставляет нас пребывать в иллюзии общности восприятия окружающего мира. Это я так витиевато и научно об обычном будильнике тут распространяюсь. На самом же деле (ёктить, как же я всегда хотел посмотреть именно на это «самое же дело») всё обстоит гораздо запутаннее. И каждый из нас, или из них, живёт в своём личном времени, пытаюсь безуспешно пристроиться под вращение вокруг звезды планеты, на которой волею судеб оказался в Пути.

Слипер не помнил ни о будильниках, ни об астрономии ничего конкретного, поэтому доверял в этом вопросе исключительно светилу, которое проливало свой свет над Лесом и подсказывало, когда настал срок шагать, икать и молоть языком, а когда – повалиться на что-нибудь мягкое и смотреть сны, бе-бе-бекая губами. Над головой у него сейчас было светлее, чем в операционной, поэтому наша парочка бодро приближала стопы своих ног к заветной цели, нисколько не беспокоясь, что день весьма затянулся. Дни и ночи в Лесу имели свойство ненормированно удлиняться или укорачиваться в зависимости от только ему, Лесу, известных причин. А так как эти самые причины у Леса никто не удосужился спросить, они остались в статусе «инкогнито», или, по-босьяки, «а чё я сделал-то?». Башкирский Кот к исходу третьего часа ныряния в кусты, учуяв запах подпалённых пельмешек, издал победоносное урчание и ломанулся было вперёд. Но Слипер приложил тут же палец к губам и произнёс таинственно:

– Цыц!

– Тс-с-с! – повторила за ним ныкающаяся в верхних ветках Зверогёрл. – Тс-с-с! – повторила она ещё раз. И ещё раз. И ещё. Да так и осталась на осиновых антресолях замороженно тсыкать, замерев на суку смесью сыча и гадюки обыкновенной, или попросту как забытый на плите в коммуналке чайник.

– Ни с каких идей нам спешить не стоит! – заметил Слипер, сбавляя шаг, и зловеще подмигнул коту.

– Пельмешшшки... Варрренички... Вечеррринка... – довольно прижмурился котяра, мечтательно закатив зелёные бинокуляры.

– Они самые, но, как в каждом порядочном стане, их наверняка охраняют до общего звонка к приему пищи и...

– Бррратец, какие звонки? – Башкирец возмутился до окончечностей. – Мы не в школе, не охреневай. Ты видел когда-нибудь организованные походы Эников? Да это стадо ополумевших кроликов, случайно вывалившихся на грядку с морковкой! Дисциплина и Эники – вещи такие же нестыкующиеся, как кинза и кин-дза-дза. Соединить можно, но результат всегда слегка воняет и стабилизирует экспериментатора на некоторое время в положении сидя, с морщинами на лбу, оседлавшего скоропалительно фаянсовую посудину. Как говорится в известной уральской песне: «Селёдка, кефир и ломтик дыни – и я снова дома, и я точно дома!» Уймись. Пошли попросту пожрём. Белку облезлую тебе, видишь ли, жалко, а кота, занесённого в Красную книгу испокон веков, уморить голодом – прям подвиг жития Святых и Замученных. Ты зачем сюда пришёл? – спросил кот и мгновенно ответил, не дав Слиперу даже сообразить что-либо: – Пррравильно! Порядок навести в рядах хаотично живущего населения, дабы прекратить всяческие тенденции к развитию анархии и, естественно, вкусно пообедать! Анаррррия, мой друг, – кот внезапно сел на тропинке, обвив хвостом все четыре лапы, – никогда не способствовала укреплению традиций в приготовлении пищи. Наоборот, она всячески проявляла стремления к деградации вкусовых качеств истинно национального продукта и разрушала культуру созидания оного. Люди, озабоченные сменой политического строя или отсутствием такового, не могут в принципе создать ничего стоящего, ибо их мозг занят всякой ерундой, а не действительно важными в жизни вещами, такими, к примеру, как свежесть и аромат с любовью сваренных пельменей. Посему смысл жизни ускользает от них...

– Про смысл жизни давай потом, – поспешил оборвать его Слипер, убоявшись, что лекция Башкирского Кота затянется до того момента, когда у докладчика просто крыша стечёт, шариками сцепившись с роликами, или попросту иссякнет желание удовлетворить потребность в ораторстве.

– Ка-а-а-арррр-оче, амиго, – мявкнул воинственно Башкирский Кот, встряхнувшись лесной пылью, – направь свои стопы к несчастным народам для воистину святой цели восстановления йерархии и последующего повышения качества изготавливаемой ими пищи, как следствия общего роста сознательности.

– Чё? – помялся оранжевыми штанами Слипер.

– Шевели лапами, аквалангист! А то остынет! – закончил кот, подняв свой полосатый зад с тропы.

– А как же стратегия переговоров?

– Стратегия, промозгованная на голодный желудок, обречена на поражение, мой дrrrrруг. Историю войн нужно изучать. Хотя ты же не хищник, тебе незачем. Но уж коли выпал тебе случай мудрости набраться, то изволь. – Башкирец поднялся на задние лапы и важно раззявил ужасающую пасть: – Главное в войнах – это снабжение!

– И днём и ночью кот учёный... – промямлил подавленный потоком информации Слипер.

– Знаю, знаю я этот фольклор. Глупые стишки, никакой логики. – Кот крутанул усы лапой. – К чему учёному коту ходить по какой-то цепи кругами? Владение знанием никак не способствует любви к цепям, а наоборот, подразумевает вожеление свободы. Кругами же ходят только психи по коридору в дурке или зэки в камере. Зачем уважаемому учёному коту нарезать круги вокруг будущего штабеля древесины? Задумайся. Это же чушь! Свободная разумная личность и цепи кругами – антагонисты, как Марксон и Энгельсон. Рrрезультат всегда...

– Я помню про смысл жизни! – поспешил его заверить Слипер.

– Ну вот и хорошо, – сразу успокоился кот. – Разгладь свой лоб, о несущий исцеление народу. И приготовь ложку, ибо любые переговоры по важным вопросам д[о]лжно начинать с приёма пищи. Так шо «Алга!», как говорят мои братья татары и коллеги их монголы!

– Ну убедил, убедил, – недоверчиво пробурчал Слипер. – Пойдём откушаем.

– От! – Кот распушил хвост и гордо направился вперёд, держа нос по ветру.

Перекись населения, или От-воротца-поворотца-ламца-дрица-умца-ца (глава в нарезке, платить в кассу)

Мне этика и эстетика написания книжек до лампочек бараньих. «Какой курдюк! Какие лампочки!» – как говаривал Башкирский Кот в чрезвычайно добром и кулинарном расположении духа.

Один мой знакомый, батюшка Николай, и вовсе по сему поводу чётко и кратко выразил сиятельную мысль: «В мире нет таких правил, чтоб стихи были с рифмой!» И в этом я целиком и полностью нахожусь в согласии с вышеупомянутым духовным лицом. А посему тут же, в начале главы, отойду от дальнейшего описания и прибьюсь к теме. Эники да Беники были не просто упёртыми до жратвы оглоедами (не путать с алкорэперами), но истинными ценителями кулинарии. И здесь нельзя не затронуть вопрос образования и его полезной и для всея вселенной применяемой процентности. Вопрос сей весьма и весьма актуален для вас с нами, уважаемые читатели этой белиберды. Вопрос сияет. Он актуален в наше с вами время жития-бытия. Скажите мне, по совести зрочки тараша, вот вы много из изученного вами в школе помните сейчас? Сколько минут, часов, дней и ночей, лет из конца-то в конец и в конце концов, вы потратили на обучение совершенно бесполезным для себя вещам? Скольким из вас понадобились в жизни интегралы алгебры или теоретические задачи физики? Возьмите для интересу в руки учебник по физике седьмого класса, откройте на любой странице посередине. Ну хорошо, лентяи, я сделаю это за вас! Итак, у меня в руках «Сборник вопросов и задач по физике». Я нашел его в шкафу у дочери. Она учится нынче как раз в седьмом классе. Открываю. Страница 166. Тыкаю пальцем. Упражнение за номером 1576. Читаем: «Электронный луч скользит по экрану телевизора со скоростью 2500 км/сек. Определите время перемещения электронного луча слева направо по экрану, если его размеры 50/38 см». Да я отсюда чувствую, как запахло палёным от ваших напрягшихся процессоров. (Ты, снисходительно улыбнувшийся ботаник, не в счёт. Мы о нормальных людях сейчас говорим.) И почему именно слева направо? У экрана этого размер справа налево другой, что ли? И кому из вас это пригодилось? Да для половины из вас знакомство с этим самым электронным лучом закончилось на второй свежести футболе да на телесериале «Рабыня Изаура», чтоб ей икалось в своей Бразилии с вечными соплями и сексопатологией! А геометрия с её а-прим и бэ-прим? А котангенсы вам очень облегчили жизнь? Или, может, изучение истории монгольского государства под управлением Ых-Жмых-Пыхтынбая Семнадцатого вас сделало чуть более счастливым человеком? И всё это вместо того, чтобы потратить угробленное веками веков количество времени на обучение воистину полезным вещам!

Может быть, кто-то из вас мечтал стать гениальным поваром? А вот чему может научиться ученик повара за три года в сомнительного уровня кулинарном училище? А в училище Захудалинского района города Задрипищенска? Печь вокзальные тошнотики? А если б он учился этому не три года, а все десять-двенадцать, да в специализированном заведении с заточенными под енто дело учителями? И не по два часа в день, тратя остальное время на историю монгольских братьев Ыхтынбая и Пыхтынбая, которые чёрт-знает-когда в XIV веке носились чёрт-знает-зачем по своей монгольской степи, кромсая друг друга из-за сомнительной красоты потной и сальной дивчины с небритыми подмышками. Нет уж, никаких эпосов! Ученик прилежно занимался бы изучением искусства кулинарии в теории и на практике по шесть часов в день двенадцать лет подряд. И всё это при изначальном выборе учеником своего будущего ремесла. То есть он бы испытывал к своему образовательному процессу самый неподдельный интерес и чувствовал себя, как минимум, на своём месте. (Колбасу резать будем ЗДЕСЬ!) Да за такое время можно даже жирафа научить готовить французский омлет на голове

бегущего леопарда. И что выросло бы из такого ученика? Верно. Мастер. Мастер своего дела. Не посредственный полуисторик монгольской республики в пополаме с подмастерьем вокзального спеца по травле голодных пассажиров, а Мастер своего дела. С тысячами рецептов в голове, с отточенными годами движениями ножа, с лёгкостью фантазии, вкусом, стилем и другими сопутствующими Мастеру приятными вещами. И люди, отведав его стряпню, уходили бы чуть более добрыми, чуть более весёлыми, чуть более довольными жизнью – чуть более счастливыми, а может, и не чуть! И то же касается музыкантов. Кто-нибудь из вас, как я, таскал ли по три раза в неделю 15-килограммовый аккордеон за восемь троллейбусных остановок после основных занятий в пятом классе средней школы? Я ведь любил музыку. Честно. Любил. И даже исхитрился впоследствии сделать её таки своим основным занятием в жизни. Я хотел играть. Я хотел писать шедевры классической музыки. Но, видит бог, как я ненавидел её к концу уже первого года этих адских мучений, когда после шести уроков, помня о несделанном домашнем задании величиной с докторскую диссертацию, я еле живой и голодный пёрся в зимний, холодный и тёмный вечер в эту да-штоб-ей-провалитца-ламца-дрица музыкальную школу!!! А художники? Где вы, о великие художники, оставившие свой талант в жалких закорючках, выведенных на партах вечно пачкающейся шариковой ручкой «Союз»? Не знаю, как вам, а мне жаль этих лет, этих просиженных штанов на абсолютно неинтересно преподающихся уроках! Жаль этих бесполезных лет зубрёжки совершенно чуждых моей природе знаний. Лучше б я спокойно занимался музыкой все эти тринадцать лет с утра и до вечера. И, вполне возможно, сейчас я бы не марал бумагу этой чушью, а сидел перед пианино и писал прекрасную симфоническую музыку для мира, для людей, будучи абсолютно счастливым. И многие люди были бы тоже счастливы, слушая мою прекрасную музыку.

Да, прав, четырежды на восемь пятых прав был Шерлок Холмс, когда заявлял, что ему всё равно, крутится ли Земля вокруг Солнца, или наоборот. Ибо он не хотел захламлять свой далеко не безграничный чердак ума бесполезными для сыщика знаниями, сосредотачиваясь на прикладном мастерстве. К тому же, сей астрономический факт до сих пор находится под большим вопросом, как и всё в науке. И в конце всех концов, всегда есть Мастера по части астрономии, готовые дать такую справку любому Сыщику, если тот вдруг в ней станет нуждаться.

Так пусть же Стрелок учится стрелять. Повар – готовить еду. Пожарный – тушить пожары. Инженер – создавать проекты. Строитель – строить, и т. д.

Давайте же растить с самого детства Мастеров! Неужто не видно, к чему тянется ваш ребёнок, что ему более интересно?

И знаете, к чему я это всё гнул?

Правильно!

Эники и Беники были настоящими Мастерами своего дела. С самого малолетства, с самого сопливого возраста. Да, Башкирская раскосая Котья рвалась туды не зря! И надо ж случиться такому совпадению, как раз был Рыбный день! Ну натурально фартило нынче уса-той братии.

Слипер вышел на лужайку, чавкая ногами в мокрой траве. В аккурат посередь лужайки стояли светленькие фигвамчики. Курился дымок, пахло школьной столовой. Нет-нет, не советской школьной столовой, а обычной парижской школьной аристократической столовой, пардон-её-месье-в тужур!

– Эники! – радостно мявкнул Башкирский Кот за спиной Слипера и, в три прыжка обогнав его, полетел колхозным комбайном под-над травой в сторону соблазнительных ароматов с диким башкирским воплем: – Байрам мэнэн!

– А... э... – только и успел парировать Слипер. – Действительно, Эники. А вроде должны мы были выйти на Беников. Котовасия какая-то попутала...

Котовасия где-то далеко в Лесу напрягся, беспокойно понюхал воздух носопырками, замер на мгновение, а потом КААААААК ЧИХНУЛ!

– Вспоминают где, шо ли? – утёрся простой воронежский родственник нам уже знакомого Башкирского Кота, оглянулся воровато и сгинул в траве с лихим: «Ыть, трепых мои рыбёшки!»

Эники были странным народцем. Вы когда-нибудь якутов видели? Так вот, совершенно ни фига не похоже! Щурясь и жмурясь, Эники месили тесто в кадушках-болтушках и приговаривали сообща: «Ом, бхур бхувах свах тат савитур вареньям бхарго девасья тхемай тан но нангах прачьо дайят!» (Это на сан-эпидем-скрите, языке давно мёртвом, а потому готично-небезопасном. Вслух повторять с осторожностью.)

Тесто пузырилось и согласно булькало, наполняясь золотистым цветом. Травки душистые, собранные в задуманное время и убранные в берестяные бутылки, ждали своего часа в тёмных уголках фигвамчиков, чтобы кувыркнуться в чудо-котел с пельмешками за мгновение до их полной готовности и совершить волшебство чудесатое. Погода была осветлённая, и вся канителица с варкой заветных рыбьих подушечек расположилась на улице посреди саморучно образовавшейся окружением домиков площади. Кот сунул было нос в котёл, но тут же получил по усам деревянной поварёшкой и, нисколько не обидевшись, осадил назад с довольным урчанием.

– Глаза б мои не сводились! – Закосив зрачки к носу, Башкирчатый плюхнулся мохнатым задом в траву, позабыв тут же про своё упомянутое вегетарианство, и аскетично начал дожидаться заветного гонга, бурча под нос мотивчик: – Прррросто я живу на Ленин-урамы, и меня зарубает время от времени, мама...

– Буэно провеччо! – поклонился Слипер, подойдя к костру.

– Век фестала не видать! – отозвались Эники и деловито суетнулись кто куда.

– Мы тут с братцем корреспонденцию давеча вскрыли, дык в ней всё ужасы да Страстные Мордасти мерещатся! Говорится там, что у вас разобшение произошло с братьями Бениками!

– А скоро пожрать-то? – рявкнул было кот, но тут же был прерван многозначительным пинком слиперовской кроссовки «Красный Треугольник».

– Разобшение наше премного опечалило нас, да из-за фигни вышло! – Эник, который из старших, поник головой.

Башкирский Кот зыркнул по сторонам в поисках «фигни», за которой могла прятаться ента самая разобщённость и откуда она столь внезапно могла выйти на свет ясный. Но тщетно. Ничто в обозримом пространстве не было откровенно фиговым.

– Нашли мы, вместе гуляючи, травку странную, – продолжил пожилой Эник.

– Ы-гы-гы, – хитро скрючился котяра, – уж не Хмарь-Ивановну-Траву ли?

– Да тихо ты, ботаник тож нашёлся, – цыкнул на него Слипер, но Эники и ушами не повели, пропустив кошащее замечание.

– Травка странная, лиловая, – Эник покачал головушкой, – пахнет, как лучшая наша приправная травка-малявка. Растёт веерочком, листики кружком-ромашкою, неприметная такая...

– Веерочки-ромашечки... крендельки да бараночки... Дык чё еда-то, бррратки? – снова было потянулся кот и вторично схлопотал кроссовкой.

– Дальше, други! Что с травой-то приключилось с этой? – Слипер страшно округлил глаза на кота и опять поворотился к Эникам.

– Заморская травка, приبلудная, нездешняя. Мы её с интересу в котёл и киданули! А чего? Кто знает... Может, рецептура какая откроется новая, – Эники переглянулись и пожали плечами.

– Прррактичность, энтузиазм, смелость новаторских решений – вот та дверь, что откроет нам светлое и прекрасное будущее нашего покрытого закорюками и мхом региона! Но всё-таки как насчёт немного пожрать? – Щёлкнув сотней зубов, Башкирский Кот замер в ослепительной улыбке.

Слипер в который раз собрался пнуть пушистого собрата по разуму своей неизвестно-откуда-в-этом-лесу-взявшейся спортивной обувью. Эники уже вытянули откровенно-довольно свои шеи, чтобы подглядеть сей акт возмутительного попирания кошачьих прав, как вдруг кусты на окраине опушки раздвинулись, и на поляну вышел... КТО?

Точно, дорогие и уважаемые читатели! Это был Дример собственно с персоной, а точнее, с Загрибукой, у которого рот ни на секунду не закрывался:

– Перво-наперво, тут полный несходняк относительно кривоплющности сухоштанных дефекций, и уж второ-навторово, я ва-а-а-аще ни в ус бровями, почему вы, уважаемый, столь категоричны в своих замечаниях относительно креативности моих претенциозных изысканий на пользу отечества и всего вразумительного сообщества!

Эники разинули рты, а кот, воспользовавшись замешательством и запустив лапу в котелок, выудил славную наваристую пельмешку, ловко закинул её себе в пилорамную пасть и как ни в чем не бывало промуррчал:

– Дорррогой вы мой, я с вами абсолютно согласен! Буквально только что я пытался открыть глаза этим добрым существам на совершенно неоспоримый факт, который ясным светочем сияет нам во мраке окружающих болотных угодий. И вот что я имею сказать на сей счёт. Десятиверстовыми шажищами мы несёмся к светлому и прекрасному будущему, и наши потомки...

Дример к тому времени подошёл к собравшимся и закрыл кошачью пасть ладонью, прервав доклад о перспективах развития чего-бы-там-ни-было.

– Здорово, ёктить, – Дример протянул свободную руку Слиперу и по очереди всем Эникам, стоявшим кружком с разинутыми ртами.

– Про смысл жизни я всё знаю, братан! – повернулся к коту Дример и освободил его пасть. Тот только развёл лапами, мол, и сомнений не было в том, брат. Ёу!

– А в чём, как ты думаешь, смысл жизни? – пошкрябала меня Соня лапкой по ноге.

– Ааа... нууу... эээ... – Застигнутый врасплох, я пытался найти приемлемую отмазку.

– Не улавливаю пока сути, – поторопила Соня.

– А где ж её ловить-то, суть енту? И на какую мормышку? Я вот чую внутри, а выразить не могу.

– Так нечестно получается. Скарманил и держишь.

– Ну хорошо. Посмотри в окно. Видишь, дерево во дворе?

– Вон тот старый дуб? Было бы неплохо полазить, век шпроты не видать!

– Это не просто старое дерево! Про него много песен сложено людьми. Есть даже песня о его листьях. Так и называется: песня о деревянных одеждах.

– И про что в ней поётся?

– Да всё время про одно и то же: шуба дуба – шуба дуба – шуба дуба – да! Куплеты про пальто, если вкратце. Опус о поздней осенней листве дубовой, покрытой снегом. Поэтично, не правда ли?

– Здорово! Так что там насчёт смысла?

– Ааа... Так вот, смотри, лист падает с дерева, видишь?

– Вон тот жёлтенький?

– Точно! Вот это и есть смысл жизни!

– То есть?

– Вот целое дерево напрягалось, копило соки, заманивало в себя солнечный свет, пило воду. Вырастило сначала малюсенькую почку. Затем появился крохотный зелёный росточек. Он рос, питался солнечным светом, дарил кислород другим живым существам, разговаривал с ветрами, стучал дождём, шелестел грозью, дышал вечерними сумерками. Затем этот лист осознал своё единство с деревом и своими братьями, познал окружающий мир

настолько, насколько позволяли возможности восприятия. Он праздновал радость существования и готовился исполнить свой самый главный танец. Готовился всю жизнь. Потому что этот танец должен был стать самым высоким достижением красоты листочка, его способом восхитить других живых существ, вселить в них надежду и чувство нежности к миру. И вот пришла осень. И настал его день. Настал его час. Настал его миг. Лист готовился к нему с самого утра и ещё издали почувствовал свой, именно свой порыв ветра. Он почувствовал его тогда, когда эта волна лишь родилась за горизонтом и пошла над землёй, задевая другие листья, сметая мусор с улиц, унося шляпы случайных прохожих. И вот волна достигла его и... сорвала с ветки. И лист отправился в своё самое великолепное путешествие к земле. Он бесподобно кружился в воздухе, танцевал на этой волне ветра, и вся вселенная заворужённо смотрела на этот танец. Прошла целая вечность неземной красоты, вечность великолепия, вечность благодарности за чудо и тайну всей вселенной. И лист упал на землю. Его танец был окончен. И это было лучшим из всего, что происходило в мире в этот миг! Ты видела его танец?

– Слушай, я как-то не особо всматривалась...

– Вот тебе и ответ. Чтобы увидеть, понять и осознать смысл жизни, нужно всего лишь внимательно всматриваться. И тогда тайна и волшебство станут для тебя не просто очевидными, но ясными, волнующими и полными великого смысла.

– Но что стало с листом потом?

– Он закончил свой путь листа и родился заново, но уже кем-то совсем другим, возможно, насекомым или рыбкой. Родился кем-то с более высоким уровнем сознания и восприятия.

– Как так?

– Он просто выполнил своё предназначение. И выполнил его безупречно. И вселенная в благодарность за великолепный последний танец дала листику шанс обрести новую жизнь, но уже в форме более развитого существа. Чтобы он мог ещё лучше научиться танцевать и радовать других, ещё больше наполнять вселенную красотой.

– Я поняла. Прости, но я не могу дальше сидеть с тобой. Мне нужно срочно бежать под то самое дерево и кое-что рассмотреть внимательно!

– Я так и думал. Конечно, беги, Сонечка! Это действительно самое важное! А книгу... Я потом тебе прочитаю, что успею написать, пока ты занята по-настоящему важными вещами! Торопись, скоро осень, дуб оденется в шубу, и придётся тебе уезжать с дачи на зимовку в город. Так что беги, беги. Я тебе зимой прочитаю пропущенное.

– О'кей! Я побежала!

– А я пока вернусь к пельмешкам...

Загрибука остался топтаться поодаль, издали с явным интересом и восхищением, хоть и не без опаски, поглядывая на Башкирского Кота. Тот ему нравился заумными речами и стоматологической внушительностью. Но хоть в кошачьем лице Загрибука и почувствовал наконец-то равного себе собеседника – ах, эти упоительные вечера с длинными и запутанными разговорами ни о чём под вкуснятинку! – но у него ещё не было полной уверенности, что вкуснятинкой к кошачьей беседе не окажется он сам, оставшись наедине с оппонентом. Уж больно улыбка кота напоминала своими ровными острыми зубьями противотанковые заграждения.

– Здравствуй, брателла! – Слипер хлопнул ладошкой сверху Дримеровскую ладонь. – Мы тут как раз пытаемся выяснить причины конфликта. Суть да дело оказывается в некоей растительности, которую Эники...

Один из Эников молча выудил откуда-то из-за спины пучок лиловой травы и протянул Дримеру. Слипер нахмурился и замолчал.

– Так... – изрёк неопределённо Дример.

– Нет, ребята, всё не так, всё не так, как надо! – затащил Башкирский Кот прилетевший в голову из ниоткуда мотивчик и, недовольно поднявшись, двинулся размять лапы к краю опушки. – Позовите, как надумаете трапезничать! Не обрекайте редкое животное на голодную смерррть!

– Та-а-а-ак... – повторил Дример и прищурил глаза на редкий гербарий. – Что-то я вас не узнаю в дриме.

– Вот и мы не знаем такой! – Эники возмущённо завертели головами друг на друга.

– Ну и? – Дример выразительно поднял бровь.

– Ну, бросили чутка вкуса ради.

– Так... И шо?

– И вот тут-то главная ката-клизма и случилась! Как поели тех пельмешек... Ах, что за пельмешки получились! Румяненькие, душистые, аки урожай третьего дня...

– К делу! – Дример генеральски насупился, и если бы были у него усы, то он крутанул бы их тут же непременно. По-чапаевски. В супе.

– Дык сознанием-то замрачались братья наши Беники сразу!

Слипер, как услышал это, обернулся в поисках кота. Усатый ведь там что-то говорил про Хмарь-Ивановну-Траву.

– Забегали, значит, братья наши по поляне, загутарили по не-здешенски, всё пялились на что-то невидимое, да в жутком возбуждении были. Никого вокруг вообще не замечали. Мы сначала за шаманистом-блокнотником местным собрались бежать, мол, отравился честной народ невиданной заморской снедью, но тут ведь смекнули, что нас самих вроде как и вовсе не берёт!

Слипер с Дримером стояли и оба сосредоточенно чесали в затылках с протупающим удивлением на лице.

– Кхе-кхе, – подал сзади голос Загрибука. – На свете есть множество причин, славящих оболтусов, то есть обуславливающих, я хотел сказать, подобную разницу в сдвиге Точки Сборки Осознания. Генетика, состав крови, наследственность... Вкратце...

– Вкратце, товаррищ, вас мама в детстве не роняла? – вынырнул из невидимости Башкирский Кот и пристально уставился, как допросная лампочка, в глаза одному из Эников.

Загрибука от такого фокуса аж икнул, и в этом кратком «ик!» была смесь восхищения и первобытного ужаса, хоть о коте этом и его скру- и выкру-тасах он был наслышан. И вообще Загрибука наш был не промах, и весьма-а-а-а (именно с множеством «а» на конце) наслышанный.

– Н-не... н-не помню! – промямлил Эник.

– Слухай, Загрибыч, – Дример скрутил листик с мухрой, – скажи мне, ты что-нить такое когда-нить встречал?

– Ну, если рассматривать всю обширность ботаники...

– Загрииийбыч, ещё раз: ты что-нить...

– Нет!

– Так я и думал.

Эники тем временем сняли котелок с огня и наплюхали в миску Башкирскому Коту полкило рыбных вареников. Тот театрально закатил глаза, ставшие фиолетовыми, обнял миску и... пропал. И только вареники с тихим плеском стали вылетать из миски и исчезать прямо в воздухе.

Слипер морщил мозг, уткнувшись взглядом в новообретённую Эниками траву, но, почуяв образовавшуюся «рекламную паузу» в звуковом фоне, очнулся, оглядел собравшихся и остановился на Дримере. Тот, в свою очередь, задумчиво смотрел на него.

– Что? – Слипер пожал плечами. – Нет, даже не смотри на меня так. Я такой не видывал и не пробовал.

– Ну, ты всякого разного... – Дример прищурил глаз на братца.

– Разного – да. Всякого – бывало. И всё ради новых открытий и возможностей! Как там, Загрибыч? Подскажи.

– Ради расширения сознания, – подсказал Загрибука, – что ведёт к новым горизонтам понимания жизни путём тщательного анализа собственных, называемых так невеждами, галлюцинаций. Галлюцинаций, порождаемых исключительно изменением частоты вибраций энергии индивидуума, который в жизни-то своей, по сути, окромя этих самых галлюцинаций ничего никогда и не наблюдал. Ибо сама жизнь есть не что иное, как поток галлюцинирующего сознания, текущего сквозь океан ополоумевшей от завихрений энергии. Дзогчен по этому поводу высказывается весьма вкратце...

– Загрибыч, округляйся! – предупредил Дример.

– Вкррратце, – промурлыкал, смакуя понравившееся словцо, полунакормленный кот, – можно венцом изысканий всех праздношатающихся по астралам провозгласить, а для лучшего усвоения и вовсе попросту проорать, следующее (Дример заткнул уши): «Жизнь – это само-достаточная галлюцинацияяяяяяяяя!»

Загрибука захлопал ручищами в бурных овациях, а Кот шаркнул реверанс, буркнув на башкирском:

– Рэхмэд йохбар мэнэн, кэзэрлэ дуслар!

– Так, умники, с вами мы тут до ночи будем лекции мусолить. – Дример пыхнул папироской и зашагал по кругу, потирая небритости лица.

– Братья-то наши кровные хоть и отошли от чар этих, только теперь косятся не по-доброму, стороной обходить стали, – Эники скорбно глядели на Слипера и Дримера. – Так быстро-наскоро и на стычки перешло. Глядишь, междоусобица начнётся...

Башкирский Кот, вылизав миску, отодвинул её от себя одной лапой, покрутил другой круги по пузу, зевнул притворно и тихо кы-шыкнул на Загрибуку. Тот приподнял брови. Кот выразительно вылупил глаза в сторону Дримера и симитировал его манеру курить. Загрибукины брови поползли вверх. Кот повторил театр с курением и нарочито дернул травинку перед собой. Если бы на лбу Загрибуки оставалось ещё место, то брови уползли бы и выше, но увы, а потому гримаса удивления стабильно застыла на его лице пугающей недвижимой маской. Кот картинно втянул воздух и щёлкнул когтями. И тут Загрибука всё понял и усиленно моргнул.

– Есть такое предложение, – начал он, разведя загибающие ручищи в стороны.

Слипер с Дримером повернулись.

– Может, попробовать Дримеру её ну-у-у-у...

– Что ну? – Дример шагнул к Загрибуке.

– Ну покурить?

– Шо-о-о-о-о? – Дример изумлённо подскочил.

– Милая идея, – быстро подхватил Слипер. – Как знать, что может произойти?! Трава нездешняя. Мы с тобой тож типа того, незнамо откуда. Может, срастётся котангенс с гипотенузой-то?

– Сам и кури, коли ума до одури! – Дример покосился на свою самокрутку и затушил её скоренько, бросив под ноги.

– Гламурррная идея, – встрял тут же Башкирский Кот. – Может, действительно вам оттянуться на качелях в добром спарринге? Вот Эников с Бениками показательно развело на перекрёстке восприятия. Может, и вы поймёте на примере друг дружки, в чём тут фокус и с чем его едят или, простите, дуют!

При слове «едят» кот покосился в сторону костра и облизнул свои семирядные акульки зубья, но Эники котелок уже унесли на раздачу родне.

Слипер подошёл к Дримеру и положил руку ему на плечо:

– Ладно, – ответил он, и все заулюлюкали. – Наркодиспансер какой-то, а не лесохозяйство! Только учтите, если мне кошмары будут сниться после этого, я всех по очереди отловлю и привяжу у забора, чтоб Зверогёрл вам свои тупые анекдоты сутки травила!

– Чудовищно! – мяукнул Башкирчатый и упал навзничь, закрыв глаза хвостом.

Зверогёрл в Лесу встрепелась, почуяв лёгкую добычу.

Надо сказать, это вообще обычная история. Ну, эта самая... про различных Зверогёрлов. Да вы и сами их, небось, много раз встречали в своей жизни.

Сидишь с друзьями в компании, и вдруг подваливает чья-то приبلудная подружка. Из тех, кто носит блядские колготки в сеточку и юбочку из бабушкиного плюша с рюшечками. Из тех, кто в футболке с надписью «Ай лав ю бэби, возьми меня скорей!» делают кривыми ножницами декольте до пупа, открывая всем напоказ немытую шею. И эта милая кучеряшка открывает рот, размалёванный самой яркой помадой цвета запрещающего сигнала светофора, и произносит милую, непринуждённую фразу:

– Ой, п-цаны, ай-я ща вам та-а-акой анекдот расска-а-ажу – оборжётесь нахер!

Все «пацаны» смекают, в чём дело, и внутренне сжимаются в страхе перед пыткой. Остановить этот размалёванный кошмар никто не может, ибо хоть, возможно, у «пацанов» и нет трёх высших образований, но все они люди тактичные и воспитанные, и как-то ни у кого язык не поворачивается сразу закричать «Вооооооон!». Поэтому все джентельменски улыбаются, притоптывают, мнут сигареты в руках и затравленно озираются друг на друга:

– Вау... хе-хе... анекдот... хм... как миленько...

При этом каждый тихо себе думает: «И что ж за мудод эту тварь с поводка спустил?»

И тут приبلудная зверогёрл выплёскивает на уши взрослеющих господ чудовищную ересь, обильно политую пошлостью, а в конце её заливается лошадиным ржанием над собственным «тонким» юмором. Джентльмены издают что-нибудь типа «хо-хо». И у них одновременно рождается мысль: «А не забыл ли я дома выключить утюг?» Или: «Ой, а семеро по лавкам, небось, соскучились по мне». Мозг фонтанирует любыми подобными идеями, лишь бы срочно найти причину убежать и спасти свой интеллект от судорог и агонии в компании этого монстра. Ты вот, дорогой читатель, сколько минут выдерживал, прежде чем вырваться из этого кошмара хотя бы в туалет полить голову спасительной водой из-под крана? Ну, сколько? Пять минут? Десять? А как насчёт суток? А теперь представь самую ужасную зверогёрлу, которую ты видел в жизни, и поверь мне на слово: она – сама милашка по сравнению с той Зверогёрлой, которую знали не понаслышке все обитатели Леса.

– Чудовищно! – мяукнул Башкирский Кот и завалился в траву лапами кверху.

Загрибука задрожал, распластав уши и поджав хвост.

– Ладно, искусители-закусители, – сказал Дример, – только отойдём куда-нить подальше, что ли. А то ненароком разнесём в бурном веселии этот прелестный образчик кулинарного профтехучилища!

– И нарушим тем самым этно- и мутно-мотологическую связь, – вякнул Загрибука, но был прерван лёгким толчком Слипера в спину.

– Пошли, энтомолог! – Дример сурово зыркнул на Загрибуку. – Вот мы сейчас позырим, на каком наречии ты нам лекцию энту прочтёшь.

Они двинулись неспешно к краю опушки, стараясь не привлекать внимания Эников. Но те откровенно проигнорировали столь внезапное перемещение, копаясь в своих повседневных закопушках, а потому вся процессия незаметно вошла в Лес.

– Немного огня – середина пути, – пропел Башкирский Кот и чиркнул когтем о коготь. На конце этого зазубренного скальпеля вспыхнул слабый синий огонёк.

– Йошкин Код! – только и подивился Дример. – А я думал, что один так умею!

– Как говорил древний чудостряпник и волшебник Амаяк Акопян, главное – в конце фокуса дунуть! А то, если не дунуть, чуда не произойдёт! – Кот торжественно поднял лапу с горящим когтем.

– Амаяк Акопян? А кто это? – спросил Загрибука.

– Да пёс его знает! – ответил кот.

– Никакого Акопяна я не знаю! – попытался оттявкаться по-собачачьи Грызлик из глуши Леса, но на него не обратили внимания.

– Только уговор. Раз затеяли всё это вместе, то и отвечать так же. Каждому по сачку и на охоту. – Дример обвёл присутствующих тяжёлым взглядом: – Чует моя щетина, тут на всех бабочек хватит, забегаешься!

– О чём ррречь, начальник! – Башкирский Кот выхватил самокрутку из рук Дримера и лихо прикурил.

Запашок пошёл подозрительно сладкий и дорогой.

– «Джанфранко Ферре», не иначе! – Кот оглядел папиросу со всех сторон, замерцал в воздухе и, приняхавшись, с отчаянным «Ыть!» сунул в пасть. Глубоко затянулся. – Оглы-бюль-бюль! – выдавил он сдавленно и протянул предмет искушения Слиперу.

Тот секунду смотрел на Башкирца, но котяра не падал и даже не растворялся в воздухе, как обычно бывало. Только его башкирские глазищи стали бордовыми и слегка растарацились.

– Триетить мои кроссовки! – вздохнул Слипер и отправил порцию дыма в себя.

Следующим по очереди оказался Загрибука. Тот, трясаясь до родовых коликов, взял трижды-чтоб-её папиросу, зажмурился и с видом севастопольского моряка, бросающегося на вражескую амбразуру, одним быстрым движением запихал её в рот. Он натужно посипел ею, заполнив лёгкие парфюмерным ароматом, и тут же присел на земельку.

Дример последним взял спокойно окуроч, деловито и не спеша послуныявил его, зажал в губах, зацедил оставшуюся часть сизого дыма. После чего бросил под ноги обгорелый листик и затоптал.

– Береги природу, мать твою! – мудро изрёк Дример, а затем обвёл взглядом компанию: – Ну шо? Все живы?

– Надолго ли... – тихо ответил Загрибука.

– Не вибрируйте, коллега. – Башкирский Кот участливо положил лапу Загрибуке на плечо и мило улыбнулся, словно коварная нянечка в детском садике. – Не пейджерите за напрасную! Мужество есть неотъемлемая часть любого научного эксперимента. Сейчас мы, закончив одноместное топтание мозгами, семимильными парсеками унесёмся в широкие дали пространств необозримого мышления! И там, познав абсолютную свободу идейного максимализма, мы найдём ответы на те вопросы, кои народы всех земель испокон веков задавали друг другу, светя своим собратьям на допросе в лицо яркой лампочкой!

– Я пока ничего не понимаю, – неуверенно ответил Загрибука.

– Именно с этого утверждения и начинались все известные мне допросы за всю историю Всея Сангхи! – Башкирец почесал полосатые бока, закрыл глаза и внезапно завалился в мох.

– Будем ждать, – Дример подстелил свитеруюжную кенгурятину и сел, прислонившись спиной к дереву.

Соучастники этого псевдошаманского колобрда расположились рядом и стали вдумчиво следить за тем, что происходит у них внутри. Глаза понемногу стали слипаться, и прошло не так уж много времени, как все они потихоньку уснули. Загрибука ёрзал, сучил лапками и повизгивал, свернувшись в клубочек, зарывая себя понемногу в землю вращением вокруг собственной оси. Слипер молча спал на боку, уютно подложив под голову согнутые в локтях руки и поджав к животу коленки в оранжевых штанах. Дример так и уснул, сидя у дерева, и лишь недовольно что-то ворчал во сне утробным баском. А Башкирский Кот и вовсе завалился на спину, раскидав лапы, и победоносно храпел, сотрясая удмуртским горловым хрипением

нижние ветки дерева. Кругом было тихо, и только листья шуршали лёгким ветерком в верхних этажах Леса. В этой тиши Зверогёрл незаметно соскользнула сверху. Она опустила грязные пятки на землю, воровато оглянулась, заметила окурок, подняла его, понюхала.

– Ва-а-ау! – И без того огромные глаза Зверогёрлы округлились до пугающего размера. – Шарма-а-ан! Надо бы Грызлику обнюхать дать, он и оттавкается, чаво енто там намешано! А и вообще, надо бы у этих тупиц Эников ещё такой же травки стырить! О! Шарман!

Она подхватила «бычок», зажала его в ручонках с обгрызенными ногтями, свирепо зыркнула по сторонам и взлетела по стволу вверх, сверкая пятками.

– Шарман! Шарма-а-а-ан! – исчезал вдаль её хриплый голос, когда в Лесу вдруг стремительно стало темнеть. Чёрные тучи совсем сгустились над поляной Эников и нашими четырьмя естествоиспытателями. Бронходилататор Муколитический, закричав, посмотрел на природный потолок, да так и подавился своим кашлем. Там, в вышине, посреди непроглядных лохматых облаков, стала образовываться воронка. Из неё вниз протянулся винтом неприятно подрагивающий хвостик. Кашлючая тварь завершала:

– Чтоб мои глаза антилопнули! Дык это ж Страстная Напасть! – Муколитический Бронходилатор бросился с невиданной прытью сквозь чашу, отхаркивая крепкие выражения. Лопы с Антилопой переглянулись и, не сговариваясь, сиганули вслед. И как это часто бывало, они тут же нечаянно столкнулись, будучи очень рассеянными и безалаберными. А далее, как всегда, произошла короткая вспышка света, и парочка исчезла во взаимной аннигиляции до своего следующего внезапного появления. И даже Тютельки, почуяв неладное, попрыгали друг в друга, затаившись в колыхастом одеяле самого-что-ни-на-есть буддистского бардо.

Жители Леса в ужасе разбежались кто куда, подальше от растущего небесного хвоста нападающей Страстной Напасти. Небесная же ежежуть гудела, что твой соседский вентилятор, и бычилась, набухая в вышине чёрным пузырём гудроновой жевачки. И только четверо известных нам персонажей продолжали мирно спать под деревом, погружаясь своей точкой сборки всё глубже в лиловый туман.

– А – Я – ЩЩЩЩАЗ! – чихнула молния из небесной воронки, и всё погрузилось во тьму.

Буль-буль, Оглы, или Про то, как Миклуха Барклай с Толиком околесиционно занеслись в чушню околосветную

Что тебе снится, Крейсероввора, в час, когда Му так встаёт?..

И приснился Дримеру сон-про-не-сон. Пронесло его в странных клетчатых трениках с подтяжками и пропеллером над крышами чумазого транзитного поезда и брякнуло прям внутрь на нижнюю полку последнего, плацкартного во всех отношениях, вагона, который шёл себе, подпрыгивая на неровностях советской железной дороги, куда-то по своим собачьим делам из Калинина в Тверь. А брякнувшись туда, неожиданно увидал Дример, что напротив него за откидным столиком сидит та самая таинственная и никем не виданная, мистическая до печёнок Укладчица Номер Четыре, чудн[о]е и нарицательное имя которой стоит на бумажке, вложенной в каждый пакет с ж/д бельём в каждом поезде, которые многопятковыми топоногами как бежали, так и бегут по необъятной и напрочь светлой Руси, развозя туды и сюды её напрочь тёмных во всех отношениях жителей.

Автограф? Будьте любезны!

Авосия Батьковна Заворотник, друзьями нежно именуемая просто Авоськой, в народе всесоюзно известная как Укладчица № 4, на которую годами сыпались проклятия советских путешественников, укладывающихся спать на свою полку и разворачивающих её прилежно покладенные в пакет рваные и сырые наволочку, простыню и пододеяльник. Понятно, что за такой сервис многие туристы откровенно мстили, попросту клептоманя полотенце, которое также входило в спальный боекомплект. Никто из вышеупомянутых советских пассажиров никогда в глаза не видел эту самую Укладчицу № 4, и Дример не очень сейчас понимал, а так ли ему повезло, что он первым нежданно встретил таинственную и мистическую гражданочку – личность, годами остававшуюся для всех в статусе «совершенно секретно», под грифом «личные материалы Ка-Гэ-Бэ», в положении «инкогнито», али, как попросту в народе говорят, «а какое ваше собачье грызлячее дело?!».

«Тёмная-претёмная личность!» – перво-наперво подумал Дример, уставившись на Укладчицу Номер Четыре, даже не удивившись, откуда он знает всё то, что написано мной в первом абзаце этой главы. Четвёртая Укладчица покоилась у окошечка в форменном пиджаке и в такой же оформленной юбке, на голове её в свою очередь упокоился витой тюрбан крашенных стрептоцидом волос, то там, то сям уколотый многочисленными заколками. Нос у неё был цвета свёклы и напоминал позднюю белорусскую картошку. Уши враслопырку. Глаза – полинявшие и усталые от жизни. Она хрустнула сушкой и хлюпнула чаем из стакана тонкого стекла в подстаканнике из нержавейки. За окном хихикнул Мудод, но его тут же снесло с диким воплем турбулентностью куда-то вдоль поезда назад, в плохо проглядываемую тьму.

– Салют, командировочный! – Укладчица № 4 пошло подмигнула Дримеру.

– Чур меня, чур! – попытался отмахнуться от чужеродной магии тот, но Укладчица № 4 даже ухом не повела. Видимо, умение водить ушами не было в числе её возможностей.

– Чего людёв-то сходу чураешься? – парировала она и подхватила из замусоленного пакета ещё одну сушку. – На-ка вот, куси! А то чуркает тут, чурчхела пахлаватая.

– А енто шо? – нахмурился Дример.

– Говорю ж, нака. Кусай. Станный ты, как с луны свалился. Ты с луны свалился, ась?

– Всё может быть, – напустив на себя таинственный вид, ответил Дример и подумал: «Чем я не лунатик?»

– А-а-а-а, оно и видать. Совсем одичал мужик. Сушек не видел. Чем вас там, на луне, кормят только.

– Шо?

– Чем, говорю, кормят-то? Шокает тут... Из литовских евреев что ли?

Дример пожал плечами.

– Ну не хошь хговорить – и не надобно! Мнохго вас тутa шляется разных. Ты енто, куды едешь-то?

– Шо?

– Да заладил, шо да шо... Куда путь держишь, отшибленный? Ась?

– Туда и сюда! – по привычке ляпнул Дример и, нащупав на голове Шапку-Невредимку, натянул её поглубже.

– Козырненько! Энто ж нам по пути! – весело хохотнула Укладчица № 4, уперев руки в бока. – Так бы и сказал!

Она, крякнув, встала (утки и клюва не наморщили, ибо были и вовсе далеко), выглянула в коридор вагона и заорала:

– Сяськи-мосяськи, Тибидох Шамилевич! Клиента доставь!

– Куда, Авосия Батьковна? – раздался старческий надтреснутый дискант.

– Куда-куда... – Укладчица № 4 вдруг стала серьёзной, как становятся серьёзными гардеробицы, стоит им только почуять свою власть над раздевающимися и одевающимися посетителями поликлиники: – Ещё один туда же отшибленный... Туда же, говорю! Туда-а-а-же-е-е!

– А, понял, понял, – ответили из коридора. – Я щас, пошукаю... Щас-щас...

– А – Я – ЩЩЩЩАЗ! – чихнуло оглушительно за окном, там же мелькнула перекошенная от ужаса рожа Мудода, искрами хлопнула лампочка в плацкартном во всех отношениях коридоре, и стало мгновенно темно, как в срочно политически утопленной жёлтой подводной лодке.

– Хау мач из зе фиш? – проорал кто-то над ухом Слипера, и тот вывалился в отнюдь не детский и ну вааше ни разу не поллюционный сон.

– Три пятьдесят за полкилоуку! – мгновенно заорал в ответ братец и лишь потом стал озираться.

Кто-то хохотнул рядом.

— Мудод, ты, что ли?

Но разнопёрой твари не было.

Зато имелись в наличии другие и во множественном числе. Вокруг бились в конвульсиях люди. На костюмчиках – что твой Мудод, пёстро и без разбора. Некоторые пытались проломить ногами пол, усиленно топоча в него, но конструкция была ещё дедушкиной сборки, стало быть, знатного цемента и по-честняку.

– Добротно сделано! – отметил Слипер несокрушимость покрытия помещения. – Для Топоного Многопяткового в самый раз!

Цемент был замешан на совесть, но людей это не останавливало. Отовсюду летел страшный грохот. Слиперику показалось, что рядом долбит стены некий огромный и тяжеловесный агрегат. А может, это был тот самый «кто стучится в дверь моя, видишь, дома нет никто»? Знаменитый стучащий во все двери почтальон настойчиво и нудно бумкал в стены, но людям это не только не мешало, а наоборот. Они, подстроившись под гулкое и грохочущее «бум-бум-бум-бум», топтали ожесточённо пол, обливаясь потом.

– Отличный прикид, чувак! – хлопнула его по спине топчущая мимо девица радужно-нелепого расцвету.

– И ты ничего, – отозвался Слипер, оглядел её и подумал: «Мда, с одежкой тут всё в порядке. Последний Визг заткнулся бы от зависти. Только зачем голову-то зелёной мазать? Перешибленная, никак?» – И он с опаской предположил родство сей мамзели со Зверогёрлой.

– Чего не танцуешь? – Девушка, запыхавшись, кружила вокруг него, словно кавказский продавец арбузов вокруг немецкого туриста.

– А что, праздник какой-то?

– Праздник жизни на дворе с толстой сумкой на ремне! Станный ты какой! Устал, что ли, али не хватает чего в нутрах? – Она ехидно заулыбалась радужной наружностью и свесила зелёную растительность головы набок.

Слипер прислушался к себе.

– Да нет, не устал. С чего уставать-то?

– А чего пришёл? Ищешь кого? – Девушка слепила ему глаза причёской, и Слиперу внезапно показалось, что и мозг у неё внутри тоже должен быть зеленоватый.

Он отмахнулся от наваждения и героически отвечивал:

– Смысл жизни ищу. Деваться бы надо куда-то.

– А тебе куда надо деться? – Она огляделась вокруг.

Станные пёстрые люди всё так же продолжали усиленно бить ногами в пол под тяжёлое «бум-бум-бум-бум».

– Да туда и сюда.

– А, так сразу бы и сказал, что тебе в шиномонтаж надо, к Айболиту!

– Куда?

– Ну, в смысле, резину переобуть. – Мамзель притопнула пару раз усиленно в пол. Смысл этого действия для Слипера так и потерялся в непонятках.

– Чё? – «оттормозился» он.

– Ну, на «колёса» встать.

– А к чему колёса? И куда ехать?

Слипер живо представил в сию же минуту, как внутри её зелёной головы среди зеленеющих мозгов куда-то в необъятную неизвестность едет с чемоданчиком Червячок-Мозгоед, изрядно изголодавшийся по пище.

– Почём колёса? – не расслышала его девушка. – Так ты у Айболита и спроси.

– И где тут этот самый Ой-Болид? – Братец оглянулся. – Метеоризмом страдает, что ли?

– Метеоризмом? Ха, верно! У нас тут все космонавты! Сейчас покажу, танцуй за мной. – Девушка довольно бесцеремонно схватила его за рукав синей футболки и потащила сквозь толпу оттаптывающихся, страдающих метеоризмом космонавтов.

Только сейчас Слипер провёл краткий самоосмотр личности и заметил, что одет в синюю майку с надписью на башкирском «Иисус Христос – суперйондоз» и портретом Эла Йоргенсона. Братец опустил глаза в мельтешащем свете и смутно узрел выцветшие синие же шорты-«варёнки» и всё те же выстиранные до ультрафиолета кроссовки «Красный Треугольник», уже давно просящиеся на помойку в пособничество акции «радость бомжа». Слипер почему-то не удивился. И даже не задался вопросами «Откель я тут взялся?» и «Что означает этот самый красный треугольник по последним сведениям каббалы?». Единственное, что его сейчас радовало, – верный жёлтый рюкзак тут-как-тама был за спиной, словно приклеенный, и верно болтался влево-вправо. Слипер ломанулся вслед за шизанутой девушкой, боясь потерять из виду единственного человека, которого хоть примерно одну минуту, но всё же знал теперь тут и здесь. Девушка притащила его к барной стойке, где восседал марсианского вида парень в обклеенной фольгой кепке и в оранжевых уксисленных очках. Тренировочный костюм на нём также намекал, видать, что он постоянно не вылезает из тестов и тренировок для подготовки к полётам.

– Молодой чемодан, я к вам пациента привела! – Девушка плюхнулась на высокий табурет рядом с марсианином.

«Наверное, это и есть Ой-Болит», – подумал Слипер, подтянув шорты, и, глянув на девушку, растопырил рукой на своей голове светлые патлатости.

– Айболит, – протянул руку космонавт, – прошу любить и не жаловаться! – Он с уважением глянул на майку Слипера, где красовался портрет Эла Йоргенсона.

– Слипер, – протянул в ответ руку братец, – оттуда и отсюда.

Бумкание в баре глушилось стекловатыми стенами, а потому здесь можно было хоть как-то разговаривать.

– Чего и сколько? – приподнял серебряный козырёк инопланетянин, упёр в Слипера оранжевые очки и пукнул.

– Колёса, – выдохнул Слипер, с состраданием уставившись на космонавта, который, как братец сейчас же решил, точняк заработал вспучивание живота благодаря фастфудовой пище из космических тюбиков с башкирской надписью «азык-тулек» и вопреки долгому пребыванию в невесомости среди прекрасных звёзд.

– Да понятно. Антигриппин и прочие порошки не по моей части. Я спрашиваю, каких и сколько?

Слипер затравлено воззрился на девушку.

– Ему смысл жизни нужен. Чтоб и туда и сюда уехать. – Мамзель, скривившись, глянула на Слипера.

– Сколько? – спросил Айболит.

– Да один я тут, сиротинушка, – ответил братец, взглянув на девушку и узрев её отрицательное мотание головой.

– Двадцать рупасов или десять шакалов. – Оранжевые очки с подозрением метнулись по сторонам, и обладатель космического кепкошлема положил на стойку руку с зажатым в ней чем-то маленьким.

Слипер понял, что речь идёт об оплате, но ни о каких рупасах, понятное дело, и знать не знал. Шакалов и вовсе боялся. Он задумчиво наморщился, полез в карман вываренных шорт и вытащил оттуда неожиданно для самого себя целую горсть металлических кружочков. Оба-на!

– Сдачи нет, – глядя на них, произнёс Айболит. – Уже третий сегодня с евросами подъезжает!

– Да и не надо, – ответил Слипер, ничего не поняв, и вывалил кругляшки на стойку.

Айболит отсчитал три больших железячки, вернув остальное.

– На-ка, езжай! – и Айболит сунул братцу в руку «наку», которую держал до этого момента в кулаке. – И да благословит тебя Великий Степной Дух!

Крутанув па на табурете, гагаринец потерял интерес к клиенту, развернувшись к нему тренировочным задом с тремя белыми полосками.

«Оба-на! – отметил про себя Слипер. – Дикари, ну как есть дикари. А про Великого Степного Духа знают!»

– Пока, чувак! – махнула рукой девушка, ухмыляясь. – Надеюсь, ты нам расскажешь, в чём же этот самый смысл, который все тут ищут, если что вдруг найдёшь.

– А где тут выход? – спросил Слипер.

– И там и тут! – ответила девушка, неопределённо махнув зелёной головой, и Червячка-Мозгоеда внутри неё тут же затошнило от укачивания. Он бросил свой чемоданчик и печально свернулся в затылке, лишь простонав: «Ну как здесь можно, пи-лять, жить? И в чём тут смысл?»

Слипер кивнул и отошёл от стойки. Оказавшись в гуще людей, он незаметно заглянул в свой сжатый кулак. Там лежала маленькая таблетка с надписью «ван вэй тикет» и нарисованной озорной девчачьей рожицей с бантиками и зашитым ртом.

– Как скажете, – согласно кивнул Слипер и заглотнул «колесо». Он икнул, поболтал за спиной жёлтым рюкзаком, но, судя по отзвуку, там не было чем запить чужестранную пилюлю. – Что ж, надо валить отсюда.

Он выбрал направление и твёрдо зашагал сквозь толпу ультрафиолетовыми кроссовками с красными треугольниками, пока не упёрся в стену, на которой светилась стрелочка с надписью «выход». Следуя указателю, он двинулся направо и вскоре заметил в стене проём. С выдохом облегчения Слипер вывалился из помещения и оказался сразу на улице. Задрав голову вверх, он увидел странного лилового цвета небо, прорезаемое яркими всполохами. Вокруг был город. Мимо Слипера проносились машины, но было совершенно непонятно, куда ехать. Он сел на ограждающий дорогу бортик и решил просто проветрить мысли и понаблюдать за окружающим. Примерно через двадцать минут его окликнули сзади:

– Эй, чувак!

Братец обернулся и узнал сходу ту самую мамзель, которая его познакомила с очкастым гагаринцем.

– Втыкаешь?

– Ага, – на всякий случай согласился с ней Слипер, хотя абсолютно не понял, что она имеет в виду. Ничто в обозримом им пространстве не желало быть чем-то утыканным, да и чем тыкнуть в него – тоже не отыскалось.

– Ну и как?

– Красиво! – неопределённо кивнул братец, уёживаясь слегка то ли от зябкости вечерней, то ли с пилюльки, которая начала радостно и быстро расфуфыриваться у него внутри.

– Быстро тебя взяло. А ты куда сейчас вообще?

– Туда и сюда.

– Хе, енто ж нам по пути! Поехали!

Девушка выбежала на дорогу и подняла руку. Какая-то машина послушно подрулила к ней. «Магия! – подумал Слипер. – Бытовая магия! Чур меня, чур!»

– Садись, поехали! – Девушка залезла в машину и призывно помахала рукой.

Слипер поднялся и послушно полез за ней внутрь машины. Плюхнувшись на сиденье, он снял кроссовки со внезапно ставших тяжёлыми ног и расслабился.

– Айда в Грибыч! – предложила девушка.

– А это возможно? Интересно, я никогда не был внутри Загрибуки!

Девушка захохотала всеми расцветистыми своими тряпочками и гремелками в одежде.

– Загрибуки-и-и-и... Ой, не могу! А ты прикольный! Тебя как звать-то?

– Слипер.

– А меня Нагваля Хуана Хасановна! Ну что, ёу-брат-Слипер, понеслась?

– Ну, алга, коли так.

Машина сорвалась с места.

Новоявленный ёу-брат качался на заднем сиденье, вполуха слушал непрерывающуюся болтовню Нагвали Хуаны Хасановны и чувствовал, как нечто пробирается в сознание и мутит его.

– Ты чего, Слипер? – встрепелась Хасановна. – Тебе что, плохо?

– Да я чё-то... Я чё-то... Уж не знаю и чё! – Слипер внезапно ясно представил себя на месте приунывшего от качки Червячка-Мозгоеда. И всё стало вокруг голубым и зелёным. Зелёным в особенности.

– погоди, я сейчас, – Нагваля Хуана Хасановна полезла в свою сумку. – Тебе воды надо! Или чайку несладкого!

– Что-то у меня пред глазами всё плывёт...

– Потерпи... Я сейчас... Я сейчас...

– А – Я – ЩЩЩЩАЗ! – взвизгнули тормоза, кроссовки подпрыгнули, и всё погрузилось в непролазную тьму Гримпенских трясин, окружавших вымазанный зубной пастой пионерский лагерь «Лотос» совхоза «ДАО – Средний Путь».

Башкирскому Коту и Загрибуке совместно снились в это время разные и совершенно неопишуемые вещи. В этих снах рыбы в пенсне читали лекции по навигации перед аудиторией бравых балтийских моряков. Взрывались фейерверком банки с килькой в томате. Ёп-штейн вместе с дядей Кацманом и его другом Боцманом сидели в трусах на облаке и пели старую песню про еврейскую девушку Любовь Как-сон. Священник в форме швейцара совал в рот своей пастве вместо облачков градусники. А сама паства, состоявшая сплошь из отутюженных балерин и вымазанных в нефти шахтёров, переругивалась в очереди за облатками чудовищной смесью из отрывков Бадлера и простого пуэрториканского мата.

– Почём рыба? Что дают-то вообще? – заорал прибывший очередной шахтёр, распахивая яловым сапогом дверь магазина «Леноблпродукт», где и происходило причастие.

– То да сё! – отвечали проносящиеся под облаками Марксоны и Энгельсоны. Они кидались сверху в прихожан сомнительной свежести студнем и злобно косились на праздных дядей Ёп-штейна. В общем, было весело и разгульно. Башкирский Кот и Загрибука всё это время сидели в Жёлтой Подводной Лодке, устоявшейся на пьедестале посреди площади, и ошалевшими глазами наблюдали разухабистое светопредставление, перемежая увиденное восклицаниями типа «Якорный бобёр! Отстрадамус верно усё подметил!» и «Шоб моей бабушке век шпроты не видать! Ты глянь, яки маяется планете вся!»

Когда ж над Жёлтой Подводной Лодкой ихней пронёсся Бом-бам-дировщик «Бэ-52», разбрызгивая ликёр «Бейлис», громкоговоритель на площади заорал на чистом башкирском, мол-де:

– Снимайте обувь! Помывочный день, а попросту Чистилище, объявляется раскрытым! Байрам мэнэн! Всем кумыску накатить! Срочно!

Загрибука заикал и весь пошёл пупырышками. Точнее, пупырышки сами пошли по нему в круго-загрибукинский поход. Башкирский Кот, стараясь сохранять самообладание, сощурил грозно свои японо-корейские глаза цвета расцветающей сакуры и повернулся к приятелю:

– Сдаётся мне, угодили мы под самый каррррнавэл в город Хера-Сима.

– К-к-к-куда? – трясущимися губами спросил Загрибука.

– Это древняя история с двумя попрыгайскими хвостами. Если пойти по одному хвосту до самой кисточки, то имеется документация прокуратуры, что некий слепой даосский старец Хера-Сим и его верный тибетский пёс Му...

– Му?

– Вот именно, Загрибука. Ты не ошибся. Он нёс гордое тибетское имя Му, которым древние Мастера родом из Нижнего не то Тагила, не то Тибета именовали поле с нулевым содержанием информации. То бишь был он никем и звать его никак.

– Это к-к-к-как?! Это когда совсем пусто?

– Пусто, мой научный ддррруг, – это тоже какая-никакая, но таки идея. Пустота есть информационно наполненная концепция ума. А Му – это отсутствие любой информации. И никаких тебе там воображений! – Кот упялился в иллюминатор с хмурным выражением усов.

– Ничто?

– Нет. Ничто – тоже концепция. Му – это отсутствие даже всяких концепций!

– Полный апгрейд! Кюнте! – закончил Загрибука внезапно на башкирском, родном коту, языке и свесил уши по щекам. Они, конечно, до щёк не достали вовсе, ибо коротки были. Бурая шерсть от нервов и вовсе тронулась сединушкой.

– Вы очень точно описали данный феномен, коллега! – щёлкнул пилорамной пастью кот. – Именно. Но так как невежественные собаководы-любители не обладали знанием ни об

информационных полях, ни об отсутствии таковых, то они всё время переспрашивали у Херасима имя его собаки. Примерррно так... – Башкирский Кот скривил глумливую физиономию: – «Эй, Хераська, как там зовут твоего пса? Му?»

– А Хераська чт-т-т-то? – Зубки у Загрибуки стучали от страха и неведомости.

– А Хераська им и отвечал: «Му! Му!» Так и стали они – Херасим и его Му-му, то бишь Дважды-Му. И в честь этого великого даоса представители народа Встречающих Солнце, али попросту народа ёп-понского, назвали свой город Херасима-таун. Со временем приставка «таун» как-то сама собой отпала, как и хвост у нашего четвероногого тибетского друга, когда он съел недозрелый мухомор. А вскоре после этого такой же мухомор, только куда как более огромный и ужасный, вырос над городом в небе голубом и все его жители натурально поотбрасывали хвосты вместе с копытами.

– Чт-т-т-то?

– Ласты склеили! Конец всему дайвингу! – Башкирский Кот стал ковырять механизмы на потолке, пытаясь выбраться. Удалось отшкрябать замок. Наморщив усы, кто натужно вытолкал люк на поверхность. В лодку ворвался свежий воздух, насквозь пропитанный сброшенным на город Бом-бам-дировщиком ликёром.

– Жут-т-т-ткая история! – Загрибука совсем сник.

– Всё просто, дррруг мой. Если в тебе нет Тибета, тебе не поможет Тибет! Есть и второй попрыгаестый хвост этого длинного неторопливого восточного эпоса. И он гласит, будто высидились в далёком городе Одесса два Встречающих Солнце ёп-понца, дабы искать мудрости у многоколенного народа, младенцы которого жертвуют Облачение Нижнего Намерения ради аскезы чистоты. И приплыли они к чистому в крайностях народу за советом, как назвать свой новый город, чтобы он процветал и развивался в веках вечных до самой Великой И Окончательной Нирваны Без Нирватрёпки. И подошли ёп-понцы, как и было указано, на площадь на центральную, к первому же попавшемуся многоколенному шлемазлу и испросили его: «Уважаемый, как нам назвать наш новый город, дабы он процветал и развивался в веках по самое что ни на есть?»

А тот вытащил из груды рыбы, что лежала на прилавке, большую склизкую медузу в виде мерзкого полупрозрачного гриба, оборотился будто бы в сторону солнца, а попросту к стоявшей невдалеке тётке в грязном фартуке, и заорал благим еврейским матом: «Какого хера, Сима?!»

Видишь ли, Загрибука, эти два уважаемых самурррая были не очень внимательны. Мало того, что они перепутали площади и пришли не на центральную вовсе, а на центровую в натуре на районе, так ещё и еврейский мат был для ёп-понцев в новинку, посему доблестные путешественники расслышали только «Хера-Сима». И вернувшись, назвали город, как им было сказано, то бишь пополам человеческим половым членом и женским еврейским именем. А это не фэншуйненко, брат Загрибука, как ты понимаешь. Не прошло и половины Кали-юги, как полупрозрачный, мерзкий гриб вырос над этим городом и стёр его к херам собачьим с лица планеты, превратив всех жителей в испарившихся на солнце медуз.

– Т-т-т-то есть? – Загрибука вслед за котом вылез из Жёлтой Подводной Лодки, и теперь они восседали на рубке, наслаждаясь зрелищем исторической ката-клизмы.

А вокруг их пьедестала славянским хороводом бравые моряки танцевали хава-нагилу. Шахтёры, измазавшись в белых отутюженных пачках балерин, стояли на своём в очереди за градусниками, то есть натурально падали на четвереньки с перепою и радости. Марксон и Энгельсон в небе становились всё злее и злее. Студень в их руках кончался.

– Сдаётся мне, мы присутствуем с тобой в самом начале коды этой пьесы. Ещё немного, и грянет крещендо! Ты когда-нибудь видел в небе больших медуз? Как насчёт мухоморрров на закате?

Загрибука сполз задницей на жестяное покрытие лодки и позеленел ещё больше. Хорошо хоть, что оттенок его зеленоватости скрывала пусть короткая, но чрезвычайно бурая шерсть.

Кот, глядя на Загрибуку, понял, что перестарался с историей градостроения, обмахнул его хвостом и бодро произнёс:

– Спокуха, Загрибыч, я сейчас что-нить придумаю!... Я щас... Щас-с-с-с..

Ну а дальше вы, дорогие читатели, сами знаете, что произошло.

– Туши фары, отец! – заорал в очереди поддатый стахановец и схватил за задницу стоящую перед ним балерину, которая в свою очередь шмальнула его по кадыку невесть-откуда-взявшимся зонтиком.

– А – Я – ЩЩЩЩЩАЗ! – закончил свою проповедь помятый бодуном святой отец с истошным воплем на частоте Робертино Лоретти, и всё жахнуло в холодную темень захлопнувшегося холодильника тёти Нюры из Кронштадта меж куском селёдки и шкаликом водки её мужа, Артемия Феоктистовича Шматко.

Глава о снах, копошащихся внутрих, и о снах, шастающих вокруг да около

И жуть была превыше ожидания,
Визжала пицца-дрицца над жестью старых крыш,
Все ёжики Мересьеву внезапно отрыгнулись,
И, сидя в правом лёгком, скреблась об сердце мышь.

- Ни зги не видно! – раздался тихий тонкий голос.
- Зги отсутствуют, – подтвердил другой такой же голосок чуть громче.
- Слипер, ты, что ли?
- Я, Дример. Я.
- Мы енто где?
- Напрашиваешься на рифму. Пока ничавошеньки не видать.
- Я вот сижу где-то. Что-то мягкое под задницей.
- А я лежу на боку. Подо мной тоже что-то мягкое.
- А шо голос-то такой странный?
- А у тебя?

Темнота начинала отступать. Глаза привыкали к ней. Первым прозрел Слипер. Появились очертания комнаты. Она была совсем небольшая, два-три шага туды-сюды и обчёлся. В углу у окна с плотно задвинутыми шторами стоял письменный стол. Над ним висели две полки. У противоположной стены приютился маленький комод, а напротив окна вдоль плинтуса при-
мостилась тахта, на которой теперь и приподнялся Слипер.

– Оп-ля! – спустила на пол ноги в кроссовках «Красный Треугольник» девчушка со взъерошенными светлыми волосами. – Никак мы скаканули кенгурятно?

– Похоже, – отозвался из соседней комнаты тонкий задорный голос. – Очень похоже на Скачок.

– Старое забытое чувство чего-то смутно припоминающегося, – произнесла Слипер.

– Да уж, – раздалось из-за двери. – Тебя чего, сильно пришвартовало?

– Похоже, да, – ответила Слипер, ощупывая гудящую голову, и стала озираться. Она заметила свой валяющийся рядом жёлтый рюкзак и машинально схватила его. Затем вышла в соседнюю комнату. Та оказалась гораздо больше первой. Во всём доме было темно. Но Слипер разглядела кресло у стены, на котором сидел Дример, подогнув под себя ноги.

– Ну и где мы? – Она подошла к братцу и заулыбалась.

В кресле сидел подросток лет четырнадцати, со слегка раскосыми глазами, одетый в поношенные серо-зелёные широкие штаны, затасканную серую футболку да сандалики. Единственное, что выдавало в нём всё того же Дримера, так это старая добрая свитерюжная кенгурятина с капюшоном да Шапка-Невредимка, сдвинутая на затылок.

– Ты молод, как никогда! – захохотала Слипер.

– На себя посмотри, коли смешно очень! – ответил Дример.

Девочка-подросток оглядела себя. На ней, помимо известных уже нам кроссовок, были синие застиранные шорты в нелепых белых пятнах да такая же синяя футболка с не менее нелепой надписью на башкирском «Иисус Христос – суперйондоз» и портретом Эла Йоргенсона.

– А неплохо! – закончила осмотр Слипер.

– Да нет же, ты на СЕБЯ погляди! – Дример заулыбался.

– Ну что ж, вот пойду и погляжу.

– Только свет пока не зажигай, а то мозгой завернёшься, да и мало ли чего...

– Понятное дело. В первый раз, что ли. – Слипер вернулась в комнату, внимательно пробежала её глазами ещё раз. Она заглянула на полки, но там была всякая ненужная всячина – карандаши, линейки, пара скрепок, обрывки билетов, календарики...

– Стоп! Это же календарь!

Слипер схватила кусочек плотной бумаги и в темноте попробовала прочитать буквы и цифры:

– Хм, братец, тут календарик нашёлся, но особо ничего по нему не скажешь.

– Шо там?

– Написано «2012».

– И всё сразу стало как Ясный Пень! И что это?

– Ну, видимо, местное время.

– Да это я и без тебя понимаю. К чёрту подробности, мы на какой планете?

– Судя по всему, мы с тобой тут уже были! Что-то смутно мне всё это напоминает...

– Не может того быть! Теория Случайных Невероятностей исключает двойное попадание Скачка в одно место в течение одной кальпы.

– Что я слышу? – раздался вдруг чей-то голос. – Кто тут по астрологии будет мне лекции читать?

– Йошкин Код! – аж подскочил с перепугу Дример на кресле. – Кто здесь?

– Да я это, я, Загрибука! – Из-под стола вылез маленький-премаленький карлик с морщинистым лицом, одетый в смешные гномичьи тряпульки.

– Загрибыч!!! Триетить твою налево! Ты-то тут откуда?

И тут в мозгах Слипера и Дримера нечто скрючилось, а потом приподнялось, и они вспомнили Лес! И явились им во всей ясности памяти и лесопарк заколдованный, и его обитателей полный пофамильный список. Прошрое, таким образом, постучалось и осталось. И теперь они тарасились друг на друга, ожидая продолжения этой нелепости и возможных последствий.

– Видимо, он попал в зону Скачка, – предположил Дример, – и тем самым нарушил равновесие!

– И не только он собирается нарушить ваше триетитьное равновесие! – прошипело что-то сверху, из-под потолка, и с невидимого в темноте шкафа, который стоял в углу большой комнаты, прыгнул на пол – кто? – да, верно, дорогие читатели, это был огромный полосатый кот!

– Ёлки зелёные, брызги шампанского! – вытаращилась на него Слипер. – Да это ж Башкирец! Салам алейкум!

– Молекула в салями! – отозвался Башкирский Кот.

Кот, в отличие от Загрибуки, нисколько не изменился. Хвост был на месте, уши послушно вертелись по сторонам, хамство не претерпело никаких мутаций. Облизнув все свои акулы зубы, он деловито обнюхал кресло, на котором сидел Дример, и зевнул:

– Хорошо подрыхли, зайчушки-попрыгушки мои! Чего бы нам пожрать таперича, а?

– Ёктить-намокнуть, шо делается-то! – Дример окончательно обалдел. – И этот тут же!

– А чё? – как ни в чём не бывало промурлыкал кот. – Хотели спихнуть с вечеринки своего сотоварища по миске?

– Слипер, глянь на него! – Дример ошеломлённо взирал на кошачьего родственника акулы. Тот сиял зубьями и пребывал в прекрасном расположении духа.

– Бред какой-то! – только и ответила Слипер.

Башкирский Кот обошёл карлика кругом и понюхал, пока тот стоял, трясаясь от страха. Кошачьи жёлтые глаза тускло сверкали в темноте, а затем позеленели и сузились.

– Век трески мне не видать! Загрибыч, ты, что ли? Что за маскарад?

– Я это, я. Да только поди пойми, что такое со мной произошло! В какую библиотеку теперь ломиться? Где правды искать?! – Загрибука чуть не плакал, оглядывая себя.

– Волшебство а натюрэль! – восхищённо твякнул кот. – Ты ж теперь как я, Загрибыч, зачарррованный! Ты что, не чувствуешь себя очарованным? Всё, по-моему, прекрасно! Жисть удалась, очарование моё! Только вот жрать охота. Пойду-ка я посмотрю, что здесь подают к позднему ужину.

И кот, смазав свои очертания, исчез из видимого спектра, неожиданно быстро потеряв интерес к внезапному превращению Загрибуки.

– Он что, не заметил, что мы тоже стали другими? – спросила Слипер.

– Вы, ребца, вроде умные всегда были, а городите чушь околосветную, – промурлыкал кот из-за угла комнаты в темноте. – Вы ж всегда выглядите одинаково в моём диапазоне, сколь личин не примеряйте! Что я, сновидящих не видел? Хе, только их и видели, как говорится. Куды усы ни напорщишь – круголями шастаете где ни попадя, чайник отсвистывая да каску отхррапывая.

– Ладно, потом с этим всем будем самоизучаться! А пока выбираться надо! – Дример соскочил проворно с кресла. – Сигай, Загрибыч, на плечо, так вернее да быстроходнее будет.

Испуганный собственными изменениями Загрибука послушно вскочил на плечо к Дримеру и спрятался в капюшоне. «Что ж, определённые преимущества в таком виде есть!» – подумалось ему, ибо сразу он почувствовал себя в безопасности.

– Пошли потихоньку, – буркнул Дример и двинулся шаркающими сандаликами по комнате в дальний угол, за которым исчез Башкирский Кот.

– Чует моё сердце, там кухня. Иначе куда бы ещё попёр наш кот? – Слипер оглянулась назад, на дверь в маленькую комнату, откуда вначале вышла. Замявшись на мгновение, она, словно передумав, плюнула и двинулась вслед за Дримером.

За поворотом, буквально в пяти шагах, они увидели проём в стене и на цыпочках, пригибаясь, вошли в него.

– Кухня! – довольно хмыкнул Загрибука, который после кошачьего замечания или просто с перепугу тоже почувствовал, как в его животе голодные лягушки стали мять лапками своё убежище. – Чавкнуть бы чем...

– Цыц! – шёпотом бросил Дример и шаг за шагом стал продвигаться внутрь помещения.

Там было темно. Единственное окно было так же, как и везде, зашторено. По стенам висели полки и шкафчики, у подоконника приютился стол с табуретами, а у стены слева возвышался холодильник. Судя по тихим бумканьям и клацаньям, по кухне уже шарился Башкирский Кот.

– Ну что, уважаемый, – вкрадчиво «мазнул масла на хлеб» Дример, – нашёл что-нить?

– Пахнет невкусно, – услышали они ответный шёпот. – Но чует моё сердце, что в белом холодном гробу, который стоит слева от вас, скрываются удивительные открытия гастрономии. Как бы нам кррышечку его сковырнуть?

Слипер вошла вслед за Дримером на кухню, сунулась к холодильнику и потянула дверцу. Та липко отчмокнулась, и комнату прорезал луч света.

Все прикрыли глаза. Только серая пунктирная тень прошмыгнула по кухне. Это кот быстрее пули метнулся к открывшемуся агрегату и шумно потянул воздух.

– Я так и знал! – довольно промурчал он, приобретая затвердевшую в воздухе форму. – во всех вселенных в самых жутких местах почему-то хранятся самые что ни на есть вкусности!

Он в мгновение ока выудил какой-то плоский пластиковый пакет, полоснул его зубами и стал обладателем куска ветчины.

– Погоди, не ешь! – по возможности тихо шикнула Слипер, но было поздно. Ветчина исчезла в пасти кота, которая, подобно электромясорубке, пилорамно взвизгнула, прекратив короткий век куса свинячьего бока. Все замерли.

Кот облизнулся, закатил глаза...

– Ляпота-а-а-а! Прррелестно! Божественно!

Остальные облегчённо выдохнули.

– Если вот так будешь жрать всё подряд в неизвестных местах, – Дример назидательно уставился на кота, подняв послунявленный указательный палец к потолку во разумение, – то скоро Красная книга, в которой ты якобы числишься, переключит в твою лапу в виде красной книжечки инвалидного удостоверения! Пойдёшь на пенсию пить пожизненно компот из сухофруктов!

– Фу! – Кот икнул и растворился в воздухе. – И здесь завистники не дают вкусить обладателю бесценного меха немножечко нектара! Я, триетить мою кильку в томат, на ваших глазах, о мои изумлённые и потрясённые зрители, только что повторил великий подвиг Александра Матрррrosoва, лёг, можно сказать, грудью в меру упитанного размера на амбразуру врага, макнул усы в чашу с ядом, открыв путь к избытию этого дрожащего и ворчащего ящика, а вы... Всё! Ухож-ж-ж-жу...

Кот юркнул между ногами и исчез в темноте.

– Далеко не уходи. Мало ли кто здесь пасётся! – вслед ему шикнул Дример, разглядывая шкапчики и полочки.

– Что может быть страшнее Зверогёрлы? А её здесь нет! – прошипело ему в ответ.

Слипер протиснулась мимо Дримера и заглянула в холодильник. Взору её предстали многочисленные железные баночки и такие же пластиковые пакетики, как тот, что, искорёженный кошачьей пилорамой, остался сиротливо лежать на полу. Девчонка подцепила с полки пакет, осмотрела со всех сторон и, надкусив, порвала плёнку. Понюхала.

– Вроде мясо, – констатировала Слипер, выудила кусочек и положила в рот. Пожевала осторожно. Проглотила. Протянула Дримеру. Тот попробовал, отломил кусок и протянул Загрибуке.

– Неплохо, – резюмировал Дример под тихое чавканье из глубин своего капюшона.

– Угу. М-м-м-м... – Длиннорукий карлик был занят уничтожением ветчины.

– Короче, быстро наполняем бензобаки и давим на педаль! – Слипер стала споро вытаскивать и раскладывать на столе разноцветные баночки и упаковки.

– А коли хозяева нагрянут? – воровато осведомился Загрибука.

– Кричи «милиция!». – Слипер надкусывала и открывала вакуумные пакеты.

– Ежи сии на небеси! А кто это?

– Если не побьют, то помогут! И небесные ёжики тут совсем ни при чём! – Дример разделил хлеб на куски и сооружал теперь подобие бутербродов.

– Никакой логики, – печально и испуганно вздохнул Загрибука. – Мамочки, куда я попал?!

– Ешь, пока не пропал! – Дример сунул ему бутерброд со шпротами. – А то скоро как Башкирский Кот мерцать начнёшь! Надо тутошней материей застолбиться тут, типа, внутри чего-нить местного принять, а то колбаснёт дальше по автобану Млечного Пути! Бросай якорь, короче! Швартуйся!

Загрибука послушно впился зубами в чужестранную снедь.

Слипер и Дример присели на табуретки возле стола и молча погрузились в процесс поедания. Мальчишка уплетал бутеры, но старательно прислушивался к тишине из-под Шапки-Невредимки. Девчонка же так и не сняла закинутый на спину рюкзак, тоже решив пока всё время быть начеку. Тьма кругом как будто стала ещё гуще. Из-за окна не доносилось ни звука. Только холодильник нудно гудел, да откуда-то из глубин дома, из непроглядной темноты, то

и дело возникали порой тихие брякания и постукивания, при каждом из которых Загрибука переставал есть и, вытянув шею, напряжённо вслушивался.

– Успокойся, это кот мародерствует, – с набитым ртом произнесла Слипер.

– Разведка не дремлет! – улыбнулся Дример, и эта улыбка сразу как-то разрядила обстановку.

– На границе тучи ходят хмуррро, край суровый тишиной помят, – слышался напев из соседней комнаты.

– Цыц ты! – шикнул Дример.

Слипер хохотнула.

– Чего ржёшь?

– Да ты по-дедовски гутаришь, а сам по виду – хоть сейчас сопли утирай.

– Ладно, ладно. На себя погляди! Посмотрим, что ты скажешь, когда в туалет заправишься. Давно в последний раз с таким телом управлялась?

– Ой-ой, напугал! – Слипер кокетливо вздёрнула нос. – Ничего, разберусь. Зато у тёток есть полный боекомплект секретного оружия напроць массового поражения.

– Ну-ну, – Дример недовольно скривил физиономию, – только задницей не начни вилять! Ладно, давай сворачивать этот пикничок с обочины и двигаться куда-нить.

В четыре руки собрав всё со стола, частично на ощупь, они распихали обёртки по карманам, чтобы не оставлять ничего после себя. Слипер протёрла подолом футболки стол, заметя окончательно следы их пребывания, закинула в рюкзак пару кусков хлеба с мясом, и вся компания двинулась обратно в основные помещения. Пройдя проверенным маршрутом до комнаты, в которой очнулась Слипер, наши разведчики вошли в неё и огляделись.

– Что-то тихо совсем, ни чихнёт никто, ни вздохнёт, – подал голос Загрибука.

– Да чую, чую. – Дример недоверчиво озирался.

– Сейчас приоткроем люк! – Слипер шагнула к окну и потянула за тяжёлую занавеску.

– Только осторожно! – пискнул Загрибука и вжал голову в плечи где-то в глубине складок Дримеровского капюшона.

– Аля-улю! Курбат-байрам начинается! – с этими словами Слипер раздвинула шторы.

– Не высовывайся! – коротко бросил Дример Загрибуке и замер сам, ошалевший. И было от чего.

Окно находилось достаточно низко, метрах в двух над землёй. И первым, что предстало перед глазами Слипера и Дримера, были огромные цветы, по форме сильно напоминающие навыверт раскрытые до упора маки. Они начинались от самого подоконника и тянулись бескрайним полем за горизонт. Диаметр в два-три метра, пугающе лилового цвета, чужестранный гербарий плотными рядами покрывал собой всё обозримое пространство. Глянув вверх, Слипер увидела примерно такого же сиреневого оттенка небо, по которому короткими вспышками пробегало нечто, похожее на северное сияние. Иногда в нём длинными ручейками протекали тонкие разноцветные нити, смахивающие на электрические разряды.

– Йошкин Код! – Дример прикрыл от неожиданности глаза. – Такие фиалочки хорошо пошли б по рушь двадцать на рынке!

– Глянь! – Слипер указала пальцем на горизонт. Там, вдалеке, на грани видимости, посреди этого волшебного поля, стоял многоэтажный дом. Угрюмая громадина со множеством окон своим серым правильным прямоугольником смотрелась в этом месте настолько же обычно, как Дед Мороз в окружении Кошечев Бессмертных. И наши друзья наверняка ничего и не заметили бы в сиреневой полутьме, если б не свет из крайнего верхнего окна. С такого расстояния он был подобен малюсенькому светлячку, и среди окружающей темноты этот яркий огонёк сейчас выглядел и пугающим, и манящим одновременно.словно далёкий маяк среди бушующей бури, он звал к себе в неизведанную гавань.

– Там кто-то есть! – Слипер возбуждённо завертела головой и затопала кроссовками.

– Тих-тих! Хорошо, если этот «кто-то» всё ещё жив и рад будет нас увидеть, – ответил Дример и потёр задумчиво лишившийся привычной щетины подбородок. – А если нет?

– А-а-а...

– Вот и ага! Надо подумать, извилину, так сказать, напрячь...

– Вот и я говорррю, – нарисовался из сумеречного воздуха комнаты Башкирский Кот, – не всё то Золушка, что блесит! Но с другой обратной стороны луны, кто не рискует – тот что попало не дует. Так что фигли тут копошиться у подоконника, словно осенние мухи?

– И вправду, фигли? – мявкнул из недр капюшона братца осмелевший там Загрибука.

– Фигли-мигли, – задумчиво пробормотал Дример, послуныявил указательный палец и поднял его вверх, хотя не только окно, но даже и форточка была закрыта, а потому направление ветра определить было слегка затруднительно. Слипер тоже топталась в нерешительности.

– Есть рац- и двац-предложения! – сказала наконец она. – Ща открываем окно, ждём, нюхаем, смотрим в оба-три и, коли за первый раунд всё пройдёт тихо, будем спускаться.

– А если?.. – начал испуганно Загрибука.

– А если то – иначе всё! – закончил за него Дример и решительно дёрнул ручки окна.

Оно распахнулось без скрипа, и пряный знакомый запах ворвался в комнату.

Загрибука поёжился:

– Ох, блин комой, а пахнет-то той самой травкой-муравкой...

Кот мечтательно закатил глазищи, очевидно, вспомнив о наваристых рыбно-мучных кулёчках Эников, а затем взметнулся на подоконник:

– Товарррищи! В этот торжественный миг, стоя на пороге величайшего открытия недо-развитой современной научной мысли, я искренне, от всего сердца до самой селезёнки, благодарю вас за молчаливо предоставленную мне возможность войти в историю Великого Веретена Миров! И если я погибну, пусть красные отряды – да-да! – пусть красные отряды заплатят за меня и за мои пельмешки! – закончил певуче пламенное выступление усатый оратор, а затем неожиданно кувырнулся полосатой задницей прямо за окно с диким монголо-татарским воплем: – Алга-а-а-а-а-а-а-а!

– Вот собака! – Слипер крякнула с досады, но уток рядом не было, а потому возмущаться никто не стал.

– Кот никак не может быть собакой! – возразил Загрибука из-под капюшона. – Биологическая и психологическая несовместимость видов...

– Ну-ка, Загрибыч, – аж подскочил Дример, – по поводу видов... Глянь-ка на небеса сии здешние обетованные да узри нам как на уху, узнаёшь ли ты там хоть что-нибудь? У тебя ж прибабах есть, шоб сквозь туманы и дожди на звёзды глазеть.

Загрибука недовольно вылез на плечо Дримеру, оглядел себя снова и печально вздохнул. Он всё ещё не мог привыкнуть к своему виду.

Карлик опасливо покосился за окно, высматривая потенциального любителя подзакусить в этот час случайно попавшимся любопытным Загрибукой, но кромепряного ветра ничто не нарушало покой его нюхательных рецепторов. Запахов живых существ либо не было, либо сладковатый аромат цветов его полностью скрывал. Посторонних звуков тоже не наблюдалось, хотя грозовые разряды в небе вполне могли их заглушать. Дример подошёл к самому краю окна и аккуратно перегнулся через подоконник.

– Эй, уважаемый Башкир-хан, ты там живой? – спросил с плеча Загрибука.

В шумящей от ветра траве, под цветами, раздалось тихое ворчание:

– Да тута я, Загрррибыч! Пока всё тихо и мирно. Но чует моё сердце, есть тут загвоздка с зашурупкой. Ничё не просекаешь, Слипер? Ты ж прибабахнутая, в корень зрачки уткни!

Слипер вслед за Дримером перегнулась через подоконник и напряжённо замерла.

– Они живые!!! – Слипер слегка отшатнулась. – Цветы живые!

– Вся мировая ботаника рукоплещет тебе, сестрррица! – раздался из зарослей кошачий тихий голос. – Я тоже как-то не думал, что у кого-нить хватит фантазии заставить всю планету до горизонта бумажными искусственными цветочками! С чего бы это нам такая почеть?

– Да не, ты не понял. Они как мы. Они разумны. И от них прут какие-то волны. Что-то типа эмоциональных переживаний, но почему-то чересчур агрессивных.

– Я ничего не понял! – Загрибука, заслушавшись, даже забыл об осторожности и спустился на подоконник с плеча Дримера. – Что значит направленная эмоциональность?

– Так же, как мы передаем друг другу образы в словах, уговаривая таким манером понимать какие-то вещи интеллектом, так они передают эмоции, заставляя других существ переживать напрямую то, что в послышке мыслительной отправлено. Более высокая частота энергии.

– Ёктить-мог-ведь! – поёжился Дример по-ежиному. – Как-то не хочется тут напереживаться неизвестно чего!

– Эй, человека, аднака, – раздалось снизу, – спускай свои ноги на эту грррешную землю и позволь Великому Степному Духу направить их куда-ни-глядь-а-пофигу.

– Ша, котеич! – пообещал Дример сверху. – Загрибыч, давай, нахмурь интеллект!

Загрибука очнулся от задумчивости, осознал свое неожиданное местоположение на краю подоконника, едва не лишился чувств, но мужественно сгрёб себя в самоохапку и героически взглянул на небо. Ему тут же пришлось слегка присесть и прищуриться, ибо прямо над окном прошла зигзагом здоровенная ярко-красная молния. Но зато сразу стало видно, что они находятся на первом этаже такого же высотного дома, архитектурный собрат которого смутно угадывался вдалеке.

– Разглядишь тут шо, – занял он.

– Не дрейфь, героический ты наш! – погладил его Дример. – Вытаскивай прибабах и на фарватер!

Загрибука, опасливо жмуря глаза, уставился в небо.

– Восемь пятых в зените, касательная поворота под сорок пять, пять лепестков справа... Ну, ничего нельзя сказать наверняка...

– Мудро! – заметила Слипер нетерпеливо. – Наверняка можно сказать, что жизнь – такая штука, в которой ничего нельзя сказать наверняка!

– Ну дык вот, – продолжил Загрибука, – похоже, мы совершили самый что ни на есть Прыжок и теперь зависаем где-то возле Восьмой Спирали Великого Цветка, Лепестке эдак на двадцатом-тридцатом, коли считать от ближайшего к нам Северного Шва.

– Шо? Это ты с кем сейчас разговаривал? – Дример сдвинул юные нынче мальчишеские брови под Шапкой-Невредимкой.

– Не парься, бррратец. – Башкирский Кот высунул морду из-под огромного лилового цветка. – Просто мы далеко от истины, как и всегда. Всё, что он только что сказал, объясняет, например, следующее. Тута коротенько пролетает весна, но очень занудно с осенью. Здесь мерзкий климат, холодно и слякотно. Часто идут дожди али вовсе грозы. Это не самый уютный уголок во вселенной. Но в этой глуши хорошо думается. Сосредоточена энергия высокой частоты, а потому любое существо, зависшее в этой деревеньке, может неплохо подкормиться силёнками и восстановить душевное равновесие. А ещё на этом поле множество Путей Дхармы сходятся. Загрибыч просто дал нам примерные координаты нашего местоположения в Великом Веретене Миров. Вам, бесшкурррные, повезло. Сейчас тут короткий затесавшийся период тёплых ветров, а потому... Чувствуйте себя довольно сухо и комфортно!

– Это ты всё из его астрономно-ботанической галиматьи вывел? – удивилась Слипер. Она глянула на небо, а вместе с ней туда глянул с запачканной футболки совершенно натурально размагниченный Эл Йоргенсон.

Загрибука печально вздохнул. О нравы. Мол, вот она, молодёжь, ничего не шарит в точных науках исчисления звёзд.

– Слух, – Дример нахмурился, – а почему ты так складно всё это расписал сейчас, а в Лесу когда были, не мог ни черта сказать толком о том, где мы находимся?

– Видишь ли, – начал извиняющимся тоном Загрибука, втянув голову в и без того высоко задранные плечи, – я не хотел признаваться, что, как бы это сказать подобающе...

– Да уж говори как есть, чего теперь пузыри пускать! – Слипер нависла над карликом, засунув руки в карманы настиранных по самое полинялово шорт.

– Ну, в общем и целом, звёзды в Лесу были ненастоящие!

Слипер присвистнула и подтянула потуже рюкзачок за спиной, а Дример покачал головой. Кот же только странно хрюкнул где-то под окном, и на мгновение показалось, что это был таки кошачий сдавленный смех.

– Тэк-с, чё-то я не уловила тонкости шутки, – наклонилась Слипер к Загрибуке.

– Да какие тут тонкости? Ну, господин соврамши слеганцухи был, а теперь в чистосердечном признании срок себе коротит в надежде на амнистию. – Башкирский Кот взлетел на подоконник и сел, обвив лапы хвостом.

Он весь был в фиолетовой пылице, которая снежинками покрывала спину, уши и оседала на усах смешной бахромой, отчего кот стал немного смахивать на пыльного дедушку, надолго забытого в шкафу. Обмахнув лапой морду и смачно чихнув, Башкирец продолжил, сверкая зелёными блюдцами глаз:

– Засим, кладя руку на печень, клянусь перед всем комсомольским собранием селезёнкой, что господин ентот самый, сей же час, молвил поражающую своей прямотой пррравду!

Дример с подозрительно ласковой миной обратился к коту:

– Потрудитесь разъяснить, уважаемый, а то век вам шпроты не видать будет! – И он грозно упёр руки в бока.

– А чего, чего? – Кот деланно сконфузился. – Да всё верно говорит Загрибыч. Звёзды тамошние Лесные какие-то были странные. Они вроде как светят, а излучению от них нету вовсе. Я тоже долго гадал, откель такое чудо.

– Похоже, мы с тобой, братец, как два лопуха у сельской дороги, одни тут не в теме! – Слипер обернулась к Дримеру.

– П-п-п-поймите, ребзя, – подал голос карлик извиняющимся тоном, – не хотел я ронять честь и достоинство учёное, а потому приукрасил доводы и выводы свои пред вами тама, в Лесу. И всё время сам искал отгадку чуда ентото несусветного. Строил разные обсерватории по всем законам друидской механики и фэн-шуя таки ёп-понского, и так крутил и эдак, ан результат был всегда один.

– Но вы же сами оттуда, местные. Вы же Лесные! Вам ли не знать было? – Слипер отчаянно смотрела на кота и карлика. – Что ж вы нам извилину морочили столько времени? Мы с братом голову сломали, гадая, откуда в чаще той оказались, и шо цэ такэ.

– Ошибочка, сударррыня, – кот прищурил внезапно посиневшие раскосые глаза и изогнулся гадюкой, – мы в Лесу тоже взялись всем на радость вдруг и невесть откуда. Я туда попал во вполне упитанном размере, в самом расцвете и так далее по выкройке. А вы уже там и вовсе были. Так шо соблюдайте очередь, граждане!

– И я тоже. Типа, по очереди! – Загрибука, довольный кошачьей поддержкой, смело зататорил: – Просто однажды проснулся посередь круга земляного, и всё. Глядь, а вокруг Лес стоит. Ну и по каким исходным данным гадать-то? Стал потихоньку обосновываться. Жрать вроде было чего... Грызлик вот помогал, таскал всякое, что найдёт. Ягодки там, грибочки...

– Хе-хе, – усмехнулся кот.

– И обязательно было загреметь в данную милую фиолетовую оранжерейку, чтобы выяснить всё вот это и нормально поговорить между собой? – подняв глаза к потолку, вздохнул Дример.

– Дык ты, Дример, всё намёками да намёками, – пытался Загрибука оправдаться. – Спросишь чего коротенько, да и пошёл дальше бухтеть себе под нос. Откель нам знать, что и кто у тебя в мозгах копошится? Поселенцы лесные, наоборот, все думали, что вы сами когда-нибудь всё открыто расскажите про Лес, когда Час Че и Минута Му придут.

Поражённые, Слипер и Дример стояли и недоумённо смотрели друг на друга.

– Звёзды мёртвые. Лес кругами замкнутыми. Смекаешь? – Новоиспечённая сестра подмигнула брату.

– Я – существо исключительно понимающее! – кивнул тот в ответ.

– Если б не та травка...

– Да, могли бы основательно там подвиснуть! – вторично качнул головушкой Дример.

– Вы о чем, сапиенсы? – Загрибука заинтересованно глядел то на брата, то на сестру.

– Ловушка это. Лес – ловушка. Циклический капкан! – повернулась к карлику Слипер. Педагогический взгляд Эла Йоргенсона с её футболки уставился на Загрибуку.

– Не врубился я, – отрицательно замотал в ответ Йоргенсону головой тот.

– Дык, чай, не дровосек! – Слипер заходила вдоль подоконника туды и сюды. – Ты вот сам много помнишь из того, что было до того счастливого пробуждения на лоне природы?

– Ну... Да ничего! Ничевошеньки я не упомяну напрочь! Смекаю только, что как-то меня сразу собственный внешний вид смутил. Да и то не особенно!

Слипер в нетерпении развела руками:

– Вряд ли ты думал, что попал в салон красоты. Я по существу спрашиваю.

– Ну, типа, был я раньше не тем, чем проснулся в Лесу. Какие-то тёмные закоулки моих мозгов всегда это помнили.

– Смекаешь? – Слипер опять повернулась к брату.

– А как же! – Дример тем временем пытался в глубине своих широких карманов найти остатки лиственной трухи, ибо хотел закурить.

– А чего такое? – Загрибука, окончательно заинтригованный, вертел головой.

– Да то, что все мы там, в Лесу, оказались исключительно благодаря неуклюжести проведённого Прыжка. Допрыгались, зайчики. Такого, граждане, мы Тура Хейердала дали, что могли бы и вовсе среди чащи той Великое Ежесекундное Обновление встретить!

– Кхм-кхм, – прокашлял тихо Башкирский Кот, – не совсем так, ддррузья мои.

Все повернулись к нему.

– Я в некотором роде вольнонаёмный и праздношатающийся в этом палисаднике.

– Это как это так?! – Все воззрились на зубастую полосатость.

Кошачьи глаза приобрели янтарный оттенок, и исчезающая в воздухе пасть с явной неохотой проворчала:

– Хожу где хочу, типа, понимаете? Я по доброй воле в Лесу оказался. Точнее, по безалаберности природной своей.

– Так, стало быть, ты знал, куда направлялся и откуда явился, и молчал? – Слипер не могла поверить в это.

– Не совсем. Я ж феномен. Я уже говорил как-то об этом. Но вы не удосужились обратить всецело своё внимание на мои чуткие слова о тонкой природе кошачьей пунктирной вездесущности. А дело сложное, надо сказать. Во вселенной, ддррузья мои, есть много Блуждающих Коридоров По Связям С Обществом.

– А-а-а-а, это я помню, ты что-то такое говорил уже, – Слипер наморщила лоб.

– Не отшибло! – радостно подтвердил кот. – Так вот, я не только сам по себе имею возможность к расширенной воспринимаемой территории для променадов. Но меня ещё и стаскивает в эти самые Коридоры, едва они слишком близко появятся, шкандыбая по вселенной, словно пьяный почтальон ощупью по зимнему вечернему подъезду, в котором ещё весной подрезали все лампочки. И вообще, сдаётся мне, лучше б вам закончить это душевное собрание

и пойти до того самого дому, и спросить там живущего обо всём этом. Чует моя правая задняя лапа, что он вам больше интересного расскажет. И не спрашивайте, откель сие знаю. Я ж стррранный, сам себя не разумею. Знаю и всё. Приход у меня такой, напроць пунктирный. То здесь прихватит, то там подцепит. Короче, где накрыло – там и уразумел!

Все переглянулись и поняли, что, сколько ни оттягивай момент, а шагнуть в окно придётся. И от этого стало неуютно и чужедално.

– Ладно, феномен, пошли, – сказал Дример коту, залез на подоконник и сел, свесив ноги в сандалиях вниз. Затем обернулся к Слиперу: – Кота не сожрали. Глядишь, и нами побрезгуют!

– Какой цинизм! Какое варррварство! – Кот фыркнул и неожиданно пихнул Дримера задней лапой, столкнув его в окно.

Чертыхания на узбекском подтвердили посадку.

– Кутунгескэ джальяб! – прошипел Дример снизу.

– Извиняй, молодой чемодан, Котовасия вышла, – промурчал кот вслед.

– Вас бы с этим Васей... – Братец поднялся, потирая ушибленную задницу. – Ну, что замерли, словно субботняя очередь за пивом? Давай по одному сюда!

Слипер полезла на подоконник. Загрибука оглянулся и, внезапно осознав, что сейчас останется один наверху, на краю этой зловещей тёмной квартиры, дёрнул её за футболку:

– Слышь, Слипер, ты бы меня с собой как-нить...

– Залазь уж, только не щекотись!

Карлик поспешно залез за спину в рюкзак, и tandemным прыжком они сиганули вниз. Заученным до автоматизма приёмом девушка мягко приземлилась на три точки, то бишь на две полусогнутые ноги и согнутую в локте руку. В футболочке и шортиках тут было весьма прохладно и промозгло. Кот на подоконнике зевнул на всё это сверху и попросту неуклюже боком свалился вниз, исчезнув из видимого спектра ещё в полёте. Наши brave команды стояли, окружённые толстыми стеблями растительности с ветвящимися многочисленными усиками. В пояс челобрекам росла трава, по всему видать, вроде как тёмно-зелёная, смахивающая на болотную осоку, но в такой темноте было трудно что-либо разглядеть ясно. Над головами шелестели огромные лиловые лепестки. А выше них чужое сиреневое небо разрывало негромкими разноцветными молниями. Все четверо постояли некоторое время молча, чтобы привыкнуть к обстановке, заодно напряжённо вслушиваясь в заросли на всякий Противный Случай.

– Отличное место для любителей непрожаренных бифштексов с кровью, – мрачно заметил Дример, надевая покрепче Шапку-Невредимку.

– Не пугай Загрибыча, – шепнула в ответ Слипер на ухо, – он и так еле жив со страху.

Братец натянул поверх Шапки-Невредимки свой серый капюшон и по возможности ласково подмигнул:

– Ныкайся в капюшон, Загрибыч. Так и быстрее, и безопаснее будет. Только уши остро держи! И носом шмыгай, мало ли чего унюхаешь.

Карлик благодарно хмыкнул и перебрался из рюкзака Слипера под защиту к братцу, где сразу успокоился. Внизу, под ногами, неожиданно проявился Башкирский Кот, который кругами ходил вокруг, нервно подёргивая хвостом.

– Не елозь, уважаемый, щекотно же! – проворчал Дример, почёсывая лодыжки.

– Да па-ашшшли уже! – Кот вился вокруг гюрзой от нетерпения.

– Да идём, идём! – Дример встряхнул ношу на своей шее и обернулся на сестрицу: – Ну что, с Потолочным Разумением да во благой путь?

– Ох, было б неплохо! – заметила Слипер в ответ и улыбнулась: – Пойдём. Где наша не шастала!

Кот воинственно рыкнул, поводит вокруг ставшими ярко-жёлтыми окулярами, определил направление и решительно ломанулся в заросли:

– Ррррота, за мной! Держаться след в след! Вьетконговцы рядом, так что всё помним про боекомплект. Курить на марше запрещается...

– Триетить его в печёнки! – сплюнул тихо Дример и двинулся за котом, придерживая Загрибуку на шее.

Слипер хохотнула и шагнула за ним вслед.

– Смотри, кокосы падают с яблонь... Это жатва, это сентябрь... – затянул песню удаляющийся кот где-то впереди среди зарослей.

Трава сомкнулась, и стало тихо. Никто из них не видел, как в окне, из которого они только что прыгали, показалась очумелая физиономия с косичками набекрень и взглядом имбецила. Морда лица эта поводила ушами и, услышав удаляющиеся в траве куплеты на башкирском, оскалилась размалёванной улыбкой, от которой у всякого нормального человека наверняка сразу бы поседела причёска.

– Ад-пад! – пискнула Зверогёрл, сунула в глубь квартиры пятерню и выудила оттуда за шкуру трепыхающегося пса Грызлика с завязанной тряпкой пастью. Поставила его на подоконник. А затем шмякнулась с окна, не выпуская свою жертву, отряхнула свободной рукой мятую грязную мини-юбку и опустила на землю собаку. Глаза Зверогёрлы сверкнули радостным дебильным безумием, и, вытянув в направлении удаляющейся бравой разведроты указательный палец с обгрызанным ногтем, она тихо взвизгнула:

– Грызлик, след! Ищи!

Тот послушно и жалобно заворчал сквозь тряпку и потрусил в помятую траву. Зверогёрл, весело скалясь щербатыми зубами, припустила рысцей за ним.

Наши brave командос только начали свой переход через цветочное поле, а в голове у них уже звучали незнакомые голоса. Чувство тревоги мгновенно уступало место внезапному шокирующему счастью, а затем проваливалось в непролазную хандру. Кот, постоянно оборачивающийся на своих спутников, увидел их кривящиеся лица и нежно промяукал:

– Товарищи матррросы, не палите мозги в напрасной надежде понять своё ошалевшее настроение. Это всё цветочки, как говорится. Ягода-малина будет опосля. Там, на малине сладкой, вас и приютят.

– Что «васи и котят»? – Дример пытался стряхнуть с себя ботаническое наваждение.

– Я говорю, эти милые «анютины глазки» с вами играют в старинную татарскую игру «чехать-арда». Нечасто им приходится здесь пообщаться с загулявшими астронавтами. Главное, не трухайте! Покопшатся у вас в извилинах, да успокоятся. Ща доберёмся до шалмана, сразу всё закончится.

– Главное, с катушек не съехать до этого! – Слипер явно мучалась, испуганно пытаясь взять себя в руки. Она уже слегка порезала ладони о высокую траву и теперь старалась не касаться её ногами, ибо короткие шорты не больно-то защищали.

– Не ставьте барьеров в уме! Расслабьтесь! Вдохну-у-у-уть и не дыша-а-а-ать! – нравоучительно заметил Башкирец. – Помните главное правило любой движухи: то, чему ты упорствуешь, растёт!

– Ы-ы-ы-ы-ы... – тянул Загрибука из-под капюшона Дримера.

– Коллега, мужайтесь, скоро вы помашете представителям не в меру любопытной флоры «аста ла виста»! – Кот как ни в чём не бывало поскакал дальше, пошло виляя полосатым задом.

По всему было видать, что его ничто не берёт. Очевидно, за многие годы, проведённые в самых удивительных уголках вселенной, у него выработался некий иммунитет к инопланетным игрищам проживающих там субъектов.

А может, попросту мозгов ни шиша не было соответственных.

Лопочущим околёсную чушь шизофреническим табором путешественники шумно ломились сквозь заросли. Цветы поворачивали свои бутоны вслед за ними, встречая и прово-

жая гостей. Спустя какое-то время, в данных условиях тянувшееся словно заправский «бубль-гум», Слипер увидела сквозь одуряюще пахнущие парфюмерией джунгли серую громаду дома. Зрелище было, прямо скажем, зловещее. Вблизи дом показался ей ещё более мрачным, ещё более пустым и страшным.

– Триетить мою налево! Ни хрена себе охрененная хреновина! – Дример поднял глаза от кошачьих мелькающих пяток и тоже увидел смутный силуэт многоэтажки. Башкирский Кот молча шагнул вперёд, как к себе домой, ни в ус не дую. Внезапно они вывалились из зарослей и вышли на небольшую полосу травы, окаймлявшую дом по кругу.

– Вон подъезд! – указала Слипер на крайнюю слева облупленную дверь с выбитыми стёклами.

Вся компания притихла и замедлила шаг по газону, приближаясь к заветной цели, осторожно минуя прочие подъезды. А дверца искомая, хоть и изрядно потрёпанная, была-таки закрыта на кодовый замок.

– Ну и какой тут код? – подбоченилась Слипер, отгоняя неуверенность и страх. Эл Йоргенсон на её майке тоже напустил на себя грозный вид, отчего стал ещё более перешибленным в совокупности с башкирской надписью об Иисусе Христе.

– Кот тут только один! Полосатый, как и положено! – Башкирец встал на задние лапы и, прищурившись, оглядел замок, поведя ушами. – Ну-ка-ся, челобреки, дайте мне свои пятерни срочно!

Дример и Слипер подошли ближе.

– Ставь пальчики на замке через один. Все – на нечётные цифры, – уверенно отрапортовал кот.

– Позвольте спросить, Башкир-Ата, откуда... – Загрибука явил из-под капюшона лицо.

– Астррронавты, ну подумайте сами, – кот встопорщил усы, скроил издевательскую физиономию и сел под дверью, – это же Йошкин Код! Все чётные числа являют собой статику, а значитца, хронометрический крантец под еврейской фамилией «шлагбаум»! Двойка – равновесие, стало быть, ноль движухи. Четвёрка вообще у многих задумчивых не по годам народов Восходящего Солнца означает «аллес капут», или по-простому «всё, приехали!». Помнишь, Загрибыч, я тебе о Хераське и граде его, ёкнувшемся в Му, рассказывал? Вот! Ёп-понцы, народ тот местный, четвёркой крантусы скоропостижные обозначили, Великое Ежемгновенное Обновление, как заведено. О шестёрке мы благо разумно промолчим, пока Мудод не харкнул над головой. Восьмёрка есть бесконечность, два полных нуля в парочке, словно табличка на двери приличного сортира. А десятку-то уж не трожь вовсе. Туда вообще лучше усы не макать, а то потом спасательных плавсредств не напасёшься. По-всякому выходит, что конопулке «Enter» здесь будут соответствовать нечётные числа. В них вся мудрость двух стульев с тремя задницами.

– Да-да, точно! – Загрибука просиял, высунувшись храбро из-под капюшона. – Конечно! Ну, там, любовный треугольник с вечными перетасовками, неразменный пятак и так далее.

– Коллега, вы значительно сократили мой доклад, за что выражаю вкратце глубочайший ррресpekt и уважуху! – Кот шаркнул передней лапой по-мушкетёрски. Загрибука зарумянился довольный и сразу осмелел ещё больше.

– Хм... – Дример задумчиво смотрел на замок.

Кот поднял ясные бифокальные очи:

– Что «хм»? Суйте корявки в конопульки и «нах остен!», как говорили некие полководцы. Правда, они плохо кончили...

– А что с ними случилось? – Загрибука мгновенно встревожился опять.

Башкирский Кот подошёл к Дримеру и, задрав голову, пояснил карлику, восседающему на шее и выглядывающему из-за занавески, по-кенгурятски капюшонистой:

– Некогда солидные, дурное задумавшие мистики-самоучки навоображали завоевать одну большую страну с весьма прохладным климатом. – Башкирский Кот принял важный вид докладчика, глаза его стали серьёзными и синими. – Но не учли характера проживавшего там несуразного, а по сути просто окончательно офонаревшего от количества потребляемого сомнительного спиртного населения. Агрессивно настроенные вояки магично и дружно гаркнули своё «нах остен!», что означало упорно выбранное ими направление военных действий, а и попёрли в те гиблые места. Они, хоть и злые были и вааще неправы, но привыкли вести кампанию культурно и по правилам мультурным. А таки безбашенный разношёрстный народ не по-детски прохладной той территории, приглянувшейся воевателям непутёвым для пленения, поначалу сделал вид, что жутко напугался и разбежался по лесам от плюющихся злобой мистиков-самоучек. Но только военачальники приободрились быстрой победой, как их с тылу и с боков стали атаковать из лесов да болот злющие с похмела мужички вместе со своими бабами и отпрысками. Да вырезать их, захватчиков, стали подчистую в корень и кромсать всеми видами совершенно непригодных для ведения приличной войны средствами, как то: вилами, баграми, топорами и прочей сельскохозяйственной техникой. В конце концов недоучки-мистики поняли всю пропащую суть своей затеи и уж думали свалить обратно «нах хаус», но ошалевшее от нехватки харчей и бухла население вприпрыжку побёгло за ними с шутками да прибаутками в ихние собственные наделы, и своим медицински непредсказуемым поведением быстро довело главного давеча агрессивного полководца до натурального самоубийства. Тот, окончательно свихнувшись в тщетной попытке понять логику и юмор без-пяти-минут завоёванного государства, траванул свою ненаглядную с выводком молодняка, а затем и сам каккнулся в Канучую Лету путём «спэшали дофига драгз», неслабо оттопырившись напоследок контрольной дозой цианида. Такова история этого короткого боевого клича замочаленных злых дядек и бесславного их поражения от рук беспощадно безбашенного народа с неопределяемой национальностью, ибо людёв там намешано было до сломанной чёrrртровой ноги! Мозгам страну ту не понять, линейкой пьяной не измерить, ибо бодуна не переживёшь!

Дример и Слипер хмурились и морщили лбы. Что-то явно припоминали.

– Корявки к бою! – проорал истошно кот и ухватил за руки челобреков, воспользовавшись их замешательством. – Всё пррросто, как Кубик В Кубрике для котят! Бинго таково: один, три, пять, семь, девять. Пятернёй не ухватите, а потому друженько расписали через одного.

Слипер и Дример в две руки нажали нужную комбинацию. Что-то тихо щёлкнуло в замке, но дверь продолжала оставаться закрытой. Челобреки поднажали на створку. Она не шелонулась.

– И чё теперича? – Слипер, не убирая пальцы с кнопок, повернулась к коту, всё ещё с опаской поглядывая за его спину на стену зарослей лиловых цветов.

– А теперь шкындыр-бындыр! – Усато-полосатый со всей дури жажнул лбом об дверь. И она распахнулась со страшным скрипом, увлекая за собой навалившихся на неё Слипера и Дримера.

Башкирский Кот участливо заглянул в образовавшийся проём и вкрадчиво спросил:

– Ну и как обстоят дела с последними достижениями ЖКХ?

– Слушай, у тебя с нюхом получше будет, – Слипер пыталась встать, не поранив ладони о многочисленные осколки, которыми был усеян пол в подъезде, – так вперёд бы и шёл. Невзирая на благость обещающие приметы и типа прибавку к зарплате я бы предпочла не ступить здесь в чьё-нибудь иноземное дерьмо.

– Да уж, – проворчал Дример, поднимаясь вслед за Слипером, – парфюм тут ещё тот...

Загрибука выкатился из капюшона Дримера, встал на ноги и огляделся:

– Уху-ху! Места выглядят невесело. Навскидку пахнет отсутствием жильцов, и при этом каким-то ва-а-а-а-аще не радостным.

– Нас уже прочухали и взяли на радар, – заглянув в зловонную пасть подъезда, констатировал Башкирский Кот. Он завилял нервно хвостом.

Что-то противно скрипнуло в темноте, взвыли старые ржавые шестерёнки и, гулко ухнув, где-то в колодце этажей сорвался с места лифт и потащился вниз, соскребая стружку. Все замерли, затаив дыхание. Лифт дошёл до первого этажа, замедлил движение, заскрежетал по полозьям, собирая рыжие струпья отслоившегося металла, и наконец уселся в гнездо шахты на огромную змею вмонтированной в цементный пол пружины.

– Пошли, – решительно произнёс Дример, нахлобучил на глаза сползшую при падении Шапку-Невредимку и поднялся на ступеньки первого пролёта лестницы, ведущей наверх и направо за угол, к площадке лифта. Загрибука поспешил, семена, за ним. Следом, встряхнув на спине жёлтый рюкзак и зябко вздрогнув, шагнула Слипер. Битое стекло и куски цемента хрустели под её кроссовками. Хоть воздух вокруг и не казался холодным, но здесь, в подъезде, он был насквозь пропитан сыростью и гнилью, отчего озноб побежал по коже. Девушка скинула со спины рюкзак, сняла футболку, отжала её руками, встряхнула и надела наизнанку. Верный способ согреться. Башкирский Кот деликатно подождал окончания перемены гардероба и побежал было за Слипером, но когда её кроссовки с красными треугольниками уже практически исчезли за поворотом лестницы, он вдруг резко остановился, оглянулся и, вытянув шею, пригнул по-змеиному голову к бетонному полу. Монголо-татарские глаза зловеще сузились и зажелтели. Он втянул неспешно носом воздух. Прикрыл левый глаз, постоял, поводил ушами и наконец неожиданно ухмыльнулся в проём покинутой двери подъезда:

– Неугомонная дура уелапая! Ну конечно, кто ж ещё мог притащить сюда эту пахучую шавку!

Хихикнув, кот резко крутанул в воздухе хвостом и припустил к лифту. И едва его полозья зад исчез за углом, как в тот же миг из приграничной полосы травы возле дома высунулись две ошалевшие физиономии. Одна принадлежала размалёванной румянами девице, вторая – окончательно ёкнувшей от изумления собаке.

– Врррррррррррр! – довольно промычал Грызлик замотанной бинтом пастью и преданно взглянул на Зверогёрлу.

– Умничка, пёсик! – Она положила свою руку на голову собаке, отчего уши у дворняжки трусливо прижались к затылку. – Если будешь себя хорошо вести, то мы освободим тебе ротик.

Грызлик усиленно закивал. Зверогёрл развязала узел и размотала бинт. Шавка попыталась открыть пасть, но челюсть свело от долгого сжатого состояния. И пока она мотала головой, девица уж засверкала грязными коленками к открытой двери подъезда. Грызлик вякнул что-то нечленораздельно по поводу нарушенных собачьих прав, подпрыгнул и потрусил за ней, виляя потрёпанным жизнью бубликом хвоста.

– Дамы вперёд, – усмехнулся Дример и нажал на алюминиевую дверную ручку, открывая ржавую железную калитку. Сама кабина лифта была из дерева. Шахта, сделанная из стальной сетчатой проволоки, проходила по самому центру подъезда. Вокруг неё кольцами тянулась вверх лестница. Слипер зашла в лифт, который сразу заметно просел с противным скрипом. Загрибука следующим номером осторожно переступил с запачканного цементом пола на покрытую линолеумом площадку кабины, при этом задержавшись, чтобы заглянуть с интересом в щель между ними. Там, внизу, валялся всякий хлам и тускло горела покрытая пылью лампочка аварийного освещения. Дример слегка подтолкнул его коленкой:

– Не щемись по щелям, а то защемит!

Кот полупрозрачно юркнул в ногах Дримера, и стальная дверь с грохотом захлопнулась. Скрипя, закрылись и деревянные створки кабины. Дример внимательно осмотрел панель управления и, не найдя ничего предосудительного, нажал кнопку последнего, девятого этажа.

– Кхум! – сказал лифт, высвободился из заржавевшей купели и пошёл вверх.

Все молчали. Этажи медленно проплывали мимо. Загрибука стоял с краю и, невзирая на предостережение Дримера, заворожённо смотрел сквозь сетку в щель между дверными створками на уходящие вниз площадки.

– Штуки разные... – шёпотом заметил он.

– Чё? – отозвалась тихо Слипер сквозь нудный гул.

– Да штуки, говорю, разные возле дверей!

Проходя каждый этаж, лифт громко и протяжно щёлкал каким-то механизмом. Слипер прильнула к щели над Загрибукой. Промеж створок она увидела двери на очередном, проходящем мимо этаже. Квартир на квадратной площадке перед лифтом было, очевидно, три или четыре. Возле них на полу стояли коробки, ящики, какие-то коляски с погнутыми колёсами и ещё куча разных заброшенных бытовых вещей. Везде было темно. Да, везде было очень темно.

– А внизу, в шахте, лампочка-то работала! – заметил Дример, словно читая мысли Слипера. – И лифт...

– Верно. Значит, энергия к дому где-то подключена! – тихо ответила Слипер.

– И подключена откуда-то! – закончил Дример многозначительно.

– Это они о чём? – повернулся к Башкирскому Коту Загрибука.

Полосатый монголо-татарин спокойно сидел, обвив хвостом лапы. Он зевнул, приоткрыв на мгновение капкан пасти с сотней острых зубов, клацнул и по-дедовски взглянул на карлика:

– Не будоражь зазря, Загрибыч, безмятежный океан ума. Пусть вещи текут мимо в твоём созерцании. Трава растёт сама по себе. Дождь идёт сам по себе. И лишь беспокойный умишко дрожит и подпрыгивает посреди этого спокойного великолепия, словно взбесившийся пейзаж. Расслабьтесь, юнга, мы уже шваррттуемся!

В этот миг лифт жутко трянуло. Железные скобы, ожидавшие кабину, узнали в надвигающейся скрипящей коробке свою должную реализоваться задачу и радостно схватили её. Тормозной механизм лязгнул. Кабина замедлила движение и почти сразу встала. Эхо утихло. Все замерли.

– Так, уважаемое собрание, – оглядев команду, изрёк кот. – Минуту молчания считаю закрытой. Предлагаю открыть люк и выйти на свежий воздух.

Слипер справилась с ручкой-замком, и они шагнули на площадку этажа.

– У-ху-гу! – ухугукнул в темноту Башкирский Кот и хихикнул.

– Да тихо ты, бусурман! – цыкнула на него Слипер, вздрогнув. – И без тебя стрёмно!

– Кажись, здесь! – Дример указал на крайнюю левую дверь.

– Глядите, а там, за поворотом, ещё есть квартиры! – Загрибука, походив по площадке, увидел, что она заворачивает вправо. Там был длинный коридор, вдоль которого темнели провалы.

– Окно светилось только одно, крайнее, – повернулся к карлику Дример. – И сдаётся мне, в случайные помещения лучше нам не соваться по-любому.

– Мудррро, братец, – промурлыкал Башкирский Кот, подходя неспешно к обитой коричневым дерматином двери.

– Стучи! – бросил Дример Слиперу.

Та кивнула, встала перед дверью, собралась с духом и постучала. Три раза. Тук. Тук. Тук.

Кот быстро стукнул по косяку ещё раз – тук! – и недовольно повернулся к Слиперу:

– Что ж вы, дамочка, без этикету да в заблуд вводите? Нас ведь четверо! Эх вы, молодёжь...

Тишина. Но вот, когда Слипер уже собралась было постучать громче ещё раз, в глубине квартиры что-то бумкнуло, затем шаркнуло. Началось какое-то движение. Затем послышались шаги. Дример и Слипер, не сговариваясь, присели в коленях, инстинктивно вставая в боевую

стойку. Загрибука спрятался за ногу Дримера. И даже бесшабашный кот слегка попятился и сузил зрачки. Глазок посреди кожаной черноты осветился светом. Щёлкнул замок. И дверь медленно открылась.

– Уж заждался я вас, дорогие гости!..

А я ведь не писатель, помните? И уже говорил вам это в самом начале книги. Поэтому у меня нет никаких правил, по которым пишутся книги. А значит, буду я в этом самом месте, как и позже в других местах, вставлять в свою книгу рассказы и повести, кои имеют отношение к этому братскому эпосу весьма касательное. Они, словно спутники вокруг планеты, будут вращаться около героев нашего романа, и бросать свои отблески в период темноты. Кстати, как там Ёик?

– Не отвлекайся! – нервно порозовела носом Терюся. – Гони дальше!

Сказка дедушки Мытута номеро уно: Город стоячего асфальта

Жили-были Масявка и Масюська. Масюкали себе да масявкали, ничего эдакого да такого уж. Токма надобно сразу учитывать в учётной переписи населения, что и та и ся жили сначала порознь, то бишь отдельно самогулячими единицами бытия. Так вот, можно описать суть истории Масявки, и сразу станет аки Ясный Пень понятна история Масюськи. Они, истории эти, были до крайности схожи во всех детальках. Хочу сказать, что образ жизни их был символично одинаков. И хочу сказать... Да дайте же сказать! Требую слова! Трибуну! Ну хотя бы чаю и тубаретку на приличной кухне. И я продолжу. Вот и славно. Продолжим. Хлюп с блюдечка. А вы что, не пьёте чай с блюдечка?! А зря...

С кого бы начать? С Масявки или с Масюськи? Дхарма-то одна на двоих. Ну, давайте возьмём исключительно для протокола Масявку. Итак, с красной строки. (Кто её красной сделал и за что – невнятно и обидно. Какая-то дура уелапая, как выразилась бы Масявка. И вообще кое у кого на этот красный цвет явный пунктик в дурной садисткой головушке.)

Проживала Масявка (впрочем, как и Масюська, но речь не о ней) в Пургопетрике, который был одним из кривозеркальных отражений города А. Ага. Правильно. Зарубочку на носу сделайте, только не сильно, а то прыщик останется. И отражений кривых вокруг этого самого города А было много вачепто. Но мы об одном тут. Местные жители города Пургопетрика были сумрачные, не словоохотливые, на лицо ужасные и добрые внутри. А иногда и вовсе милы были со всех сторон, но крайне загадочны. В общем и целом, сильно напоминали Дримера и Слипера. Заезжих туристов, или «туриков», как их называли в сложнородье, было хоть запруду пруди. Все они желали позирить на «город стоячего асфальта». А называли так Пургопетрик за то, что в нём было множество этого дорожного покрытия, то бишь им были уложены улицы, и порою этот самый пресловутый асфальт вставал натурально холкой дыбом, чтобы освободить дорогу кораблям.

– При чём тут корабли? – вскрикнули теряющие нить логики и покой разума читатели.

Спокуха, друзья, логика есть, и сейчас она вам будет явлена во всей её уразумительной красе. Да при том тут корабли, что асфальт этот периодически пересекал реки и каналы, которыми был сильно богат сам Пургопетрик. Сплошной пересек и перетак! А по рекам этим шли корабли. Куда шли? Ну как куда? Да как всегда! Туда и сюда. Аки и положено. И вообще, разве вы не знаете, что все корабли всегда идут в далёкие чужеземные страны? И неужто не ведаете, что все настоящие моряки рано или поздно оказываются либо на дне, либо на Тортуге, либо в кресле-качалке с трубкой в зубах? И вот какой-нибудь кораблик шёл себе по реке и вдруг наткнулся на самый что ни на есть асфальт, который возмутительным образом преграждал реку. Кораблик начинал истошно выть. Вот так: «Ыыыыыыыыыыыы! Ну, ыыыыыыыыыыыы!» Жители подскакивали на своих кроватках, ибо почему-то сие случалось почти всегда ночами, когда они сладко сопели в подушку и видели сон номер 0208/72. А затем горожане начинали ворчать, мол, и чё тут такое, блин, нафиг происходит? И сонно бормотали, типа, чё за пожар, всем на гарботу с утра, поспать не дают, наложили тут асфальта, понимаэш. Асфальт интеллигентно краснел, дрыгался и поднимался вертикально, чтоб освободить кораблику путь. А так как корабликов было много, и сновали они по рекам и каналам туды и сюды в изобилии и разнообразии, то, в принципе, весь Пургопетрик превращался ночью в самый шо ни на есть город стоячего асфальта. И гулять по нему было весьма затруднительно, если только ты, уважаемый читатель, не умеешь ходить по вертикальным дорогам и ездить на трамвае по вздыбленным в небеса рельсам. Так что, если Пургопетрик и имел статус города на картах той далёкой, изрядно подвисшей в развитии, планеты, на которой кочумал, то на

деле оказывался сумбурно и симбиотично существующим архипелагом островов, повязанных между собой этим самым вздыбливающимся периодически асфальтом с рельсами. Где заканчивался один остров и начинался второй, большинство жителей не знали, не понимали и даже не задумывались. Жили они на этих островах, будучи наивно уверенными, будто прописаны в городе. По всему получается, что Пургопетрик был местом мистическим, не определённым ни с какого края, меняющимся в зависимости от натуральности своего положения и точки зрения на сию натуру. И горожане его, хоть и считали сами себя совершенно нормальными жителями, на самом деле, конечно, пребывали в полной астральной шизе. То есть ещё в дальнем своем прошлом плюнули на попытки самоосознать самое себя такое и жисть свою, не петря ничего в окружающей их бытовухе и плутая постоянно в непроглядной энергетической пурге. Они давненько потеряли адекватное восприятие, постоянно стоя одной ногой на общепринятом и договорённом между всеми людьми астральном плане, а другой – на личной льдине островного дробления реальности в этой местности. И сама их реальность жизни тоже уже давно разделилась на острова, как и сам Пургопетрик. И только жители его до сих пор были уверены (совершенно напрасно), что их собственная жисть такая же постоянная и непрерывная, как и бытие других приличных городов. Смех, да и только! В общем и целом, Пургопетрик был сильно размытым во всех отношениях и аспектах местом. Горожане в какой-то момент перестали даже пробовать обрести хоть сколько-нибудь принятый общественностью внешний вид и одевались исключительно в нейтральные цвета. Их же колбасило и сосисило из стороны в сторону постоянно и не по-детски. Уж и в глазах мельтешило. Если вы встречали в Пургопетрике кого-нибудь, одетого, скажем, в красную рубашку или зелёное пальто, то было сразу понятно, что этот кто-то приехал сюда издалека и явно ненадолго. Ненадолго потому, что с приезжими в Пургопетрике случались лишь нескольких вариантов возможного скоропостижного будущего. Вот они оба два. Для начала.

Первый был распространён и медицински описуем, хоть и не излечим амбулаторно. Приезжий в скором времени начинал впадать в необъяснимую депрессию. Его сначала подстерегал, а затем настигал упадок сил. Первыми покидали палубу силы психические, потом физические, а вскоре незадачливый турист и вовсе понимал, что его воли не хватает даже на то, чтоб поднять свой зад промозглым серым утром с кровати. Особенно, когда на дворе стоял месяц Гноябрь. Такой приезжий переставал следить за собой. Начинал пить огненную воду, которая, как известно, быстро стирает все достижения цивилизации из сознания человека, приводя его обратно в девственно животное состояние счастья с вонючими обоссанными штанами. За продуктами он больше не ходил, считая занятие поедания пищи глупым и бессознательным, а потому бессмысленным. Если он, будучи ещё при здравии, не успевал завести себе знакомых в городе, которые вовремя замечали его недуг и несли ему еду, потчуют с ложечки, то риск умереть от захирения становился весьма велик. И всё это в мирное спокойное время, без наличия какой-либо блокады со стороны возможных врагов. Больной же с течением времени становился буйным, с утра и до вечера пытаясь объяснить кормящим его знакомым смысл жизни и основы пилотирования звёздных кораблей (ко всему заметим, что на сей планете корабли эти самые пока что напоминали лишь самокаты, на которых дети катаются вокруг деревни). И вообще клиент начинал думать о любых возможных смыслах, существующих и воображаемых в природе Всея Сангхи. И если ентот задержавшийся турист не успевал вовремя понять своё состояние и кинуть клич «Мама, забери меня отсюда!» в сторону исторической родины, то вращал своими астральными корнями в стены этого серого и промокшего города навсегда. Вращал до своего печального конца, который и встречал с рассеянной улыбкой на лице под гноябрьские падающие листья вперемежку с мокрым снегом. Город высасывал из него всю его туристическую энергию, превращая в голое самоосознание, потерявшее всяческую связь со временем и полностью растворившееся в бессмысленности всего глобально сущего. Местные жители так сочувственно и называли сего незадачливого, задержавшегося слишком надолго

гостя – «утопленник», ибо сие было весьма созвучно этому городу, неустойчиво покоящемуся на воде. Вода, кстати, периодически затопляла и сам город со всеми жителями. Но существующие симбиотически со сквозняками и насморком горожане даже внимания на это не обращали. Лишь выливали воду из ботинок и покупали новые носовые платки с цветочками. Так вот, об «утопленниках». Таких затонувших мозгами туристов обычно вывозили из Пургопетрика родственники. Если успевали. Потому как сами «утопленники» уже не могли принимать никакого сознательного решения. Воля их была полностью подавлена городом и съедена им же на ходу, как вокзальный «тошнотик». Местные знали, что Пургопетрик был самым что ни на есть омутом в энергетическом поле планеты. Они, рождаясь здесь, либо умирали от психической, жадной до позитивности голодовки в первые пять-шесть лет своей жизни, либо приобретали иммунитет и становились такими, как Масявка. Но о ней, равно как и о Масюське, чутка позднее. В целом, будущее незадачливого туриста по варианту первому заключалось в аварийном покидании самолёта с парашютом или без, уж как успеешь.

Вариант будущего номер два, который ждал тормозящих с отъездом туриков, был более печален. Он назывался ни фига не понятным и совсем не русским словом «ассимиляция». Выглядело это примерно так. Приезжает некий персонаж по делам, али и вовсе мечтательно сдуру, на архипелаг Пургопетрик. Приезжает как нормальный человек. Одет в оранжевую рубашку и жёлтую куртку, в синих джинсах, с красной кепкой на голове. Улыбка сияет на чисто выбритом лице. Весь его счастливый интеллект состоит из набора наиболее ярких и запоминающихся фраз, которые этот выдвигенец выслушал по радио и высмотрел на экране телевизора. Будущее видится ему светлым и искрящимся, словно бликующий высокий лоб инженера с тремя высшими образованиями. В груди горит плакатный патриотизм к большой или малой родине. И этот прекрасный и светлый человек с чистыми, незапылёнными и выпрямленными извилинами уверен, что его счастье и блаженство уже совсем рядом с ним. Ну совсем рядом. А точнее, в этом самом Пургопетрике, куда нынче нелёгкая и занесла. И заключается это счастье, по его же мнению, в недостающих финансовых средствах. А также в духовном наследии, коим знаменит данный архипелаг островов, и кусочек которого турик намерен оттяпать и увезти с собой. Командировка в этот город кажется интересным приключением, поездкой на золотые прииски, с которых он уедет вскоре домой, богатый золотом и энтузиазмом, с таким же высоким и светлым лбом интеллектуала, как и инженер, спроектировавший его нафантазированное будущее. И вот «везунчик» идёт по улице, светя улыбкой, словно одинокий фонарь в опасном и тёмном переулке. Он оглядывает здания и одобрительно улыбается, заглядывает в лица прохожих горожан и видит, что ему тоже улыбаются в ответ. Весь город – одна сплошная улыбка! Вэлком, комрадэ! Мы очень, дык сказать, кен грейт ю лейшн! Если бы не масюсенький нюанс (о Масюське чуть позже). Улыбка прохожих имеет лёгкий оттенок сарказма и воистину буддистского сострадания, которого опьянённый не замечает в ослеплении. Наивный лопух думает, что улыбка жителя Пургопетрика – это веселье радушного хозяина, встречающего вас на пороге своего дома с бутылкой доброго вина, возвещающего скорые танцы и празднества под вечерний салют в окружении смуглых красавиц, которых ему уже и девать-то некуда. Но нет. Нет. Гримаса жителя Пургопетрика – это всё понимающая тихая улыбка дзенского монаха, смотрящего на птенца, к которому подкрадывается кобра, чтобы броситься на него и сожрать в мгновение ока. Монах не вмешивается. Он просто стоит и улыбается. Он знает – такова природа вещей, таков мир, всё совершенно. Так же и турист идёт по Пургопетрику и принимает буддистские тихие улыбки местных горожан за радушное веселье. Но горожане просто знают: скоро ты отдашь всю свою волю этому городу, а потом либо успеешь унести ноги, либо станешь одним из нас. Ты останешься здесь. Навсегда. Навечно. Отсюда никто не уезжает, если прозевал диагноз. В этот омут лишь всё стекается. Из него нет течения куда-либо. Это и есть – чёрная дыра, существующая на астральном плане бытия. Всепоглощающая. Но вполне себе густо заселённая. И турист остаётся. Вскоре он наденет вязаную чёрную бесфор-

менную шапочку вместо красивой и модной красной кепки. Он сменит свою жёлтую куртку на тёмно-серое пальто или такой же невнятно-серый с прикрасочкой пробензиненный скафандр с капюшоном, набитый синтетическим пухом. Он сменит свои синие модные джинсы на бесформенные серо-зелёные штаны. А место белых кроссовок займут тяжёлые чёрные ботинки с прошитой горной подошвой. Его широкая улыбка сузится и станет такой же тихой и светлой, как раннее зимнее утро. Цвет его глаз приобретёт обязательный для этих мест каменно-стальной оттенок. И на вопрос «Вы откуда?» он всегда теперь будет отвечать «Я из Пургопетрика!» И отвечать-то будет на самом деле не он. А это сам Пургопетрик говорит из глубин внутренних сознания незадачливого туриста. Это промокший замшелый город, который навсегда там, в пещере мозгов поселился, опутал сердце и разум приезжего, словно гигантский спрут. И всё. Ты – часть команды, часть корабля. Ты – фрагмент архитектуры архипелага островов под названием Пургопетрик.

Есть, конечно, и третий вариант развития событий, но он настолько же редкий, как Башкирский Кот в природе Всея Сангхи. Случается он, когда в город приезжает кто-нибудь с сильно развитым чутьём, с всешарящей интуицией, с внимательными глазами, с неторопливыми выводами. Вступив в город, этот гость останавливается, медленно вдыхает наполненный туманами каменный воздух, а затем внезапно и резко оборачивается к своим возможным попутчикам со словами: «Ребята, вы как хотите, а я валю отсюда и как можно быстрее!» И на вопрос «а чё...» они уже наблюдают удаляющиеся подошвы его всё ещё белых кроссовок. И в этом случае обладатель этих белых, исчезающих вдаль кроссовок, если напряжёт слух, может услышать, как Пургопетрик сзади досадно клацнет по его душу своим асфальтом, словно аллигатор, который не успел схватить зазевавшуюся антилопу.

Я вижу, вы уже более-менее представили место жительства Масявки и Масюськи. А жили они именно здесь. Но поначалу порознь. А чем занимались Масявка и Масюська? Да как и все коренные жители, бродили по асфальту и по камням вдоль воды, разговаривали сами с собой, или вообще с Пургопетриком. Ходили и бурчали себе что-то под нос. О чём? Да обо всём на свете. О своей жизни. О смысле. О цели. О прошлом, которое хочется стереть. О будущем, которого хочется достичь, чтобы потом так же хотеть его стереть, ибо оно так же превратится в прошлое. Об островном принципе дробления реальности. О далёких островах, где хорошо и тихо. О принципах. И о самой реальности. И очень редко о дробях, да и то разве что в школьные годы. А зря...

И ходила Масявка. И ходила Масюська. Ходили вдоль тёмной свинцовой воды астрального омута. А потом они неожиданно встретились на камнях, стоя ногами в ледяной воде. И у них обеих были холодные руки. И на двоих был один вопрос. Простой вопрос: «Какого чёрта лысого мы тут делаем, и каким лешим нас сюда занесло, и как отсюда нафиг срумбабумбировать?!»

Поглядели Масявка и Масюська друг на дружку, да и стали жить вместе. И хоть они всё так же бормотали себе под нос бормотания разные о смыслах и прочих чудесатостях, но и друг с дружкой начали шептаться о том же на кухне. Стали пить вкусный чай с морошкой и вместе смотреть на листья и мокрый снег, которые падали за окном в Гноябре. И стало им сразу легко и тепло. И тут же как-то сам собой смысл нашёлся. И жизнь сама объявилась и постучалась в окошко. Кто ж на вкусный чай с морошкой не захочет зайти и послушать бормотания о приятных чудесатостях? И цель засияла. И будущее замаячило. И прошлое отступило и потерялось. И острова реальностей стали постепенно и осторожно смыкаться берегами, чтобы обрести свою изначальную дробь – «один к одному». И стало к ним на кухню захаживать самое Потолочное Разумение – неофициально, конечно. А мораль сей сказки не проста и не сразу понята будет и не всеми до срока своего, но явлена тут же. Что Масявка и Масюська были суть две души. И что каждая Масявка свою Масюську встретит, и как бы ни были разделены острова архипелагов, на которых довелось свидеться, а совместное тихое бормотание способно

реальность воссоединить да над омутом поднять. И тогда случается самое главное. Потолочное Разумение дарит тебе крылья белые, как у птиц больших, что над водой во множестве летают промеж островов того архипелага. Только крылья оно дарит инкогнито. А поэтому никто не замечает, как ты взлетаешь всё выше и выше, а потом неожиданно в Пургопетрике становится на двоих сограждан меньше, ибо Всея Сангха меняет их прописку. И это четвёртый вариант будущего случайно или по ошибке попавших в Пургопетрик гостей. И этот вариант – единственный, дарующий свободу там, где другие её теряют.

А ещё я порой думаю – суть весьма хорошо, что есть среди нас такой человек, как Женя Гришковец, который всё, что мы сами себе или Потолочному Разумению бормочем, гуляя по камням вдоль воды, бормочет открыто всем вокруг. И от этого становится нам всем чуть более ясно и понятно, что все мы, суть Масявки и Масюськи, очень даже похожи между собой, и что нет особливо разниц никаких ни в нас, ни в наших бормотаниях.

Но это я уже от себя бормочу. Ибо с дедушкой Мытутом, сказку которого вы только что читали выше, Женя Гришковец пока вроде как бы и не встречался, а на самом деле просто забыл об этом знакомстве исключительно временно. Короче, человек человеку – бормотун! А вся вселенная – это просто процесс приятного бормотания на кухне с чаем и вареньем из морошки. Просто многие об этом забыли.

Дело № 0208/72

– Заждался, заждался! Уж и вечер давно, а гости куда-то запропали! Да не стесняйтесь, проходите! Звонок-то у нас токма по особым случаям работает, так енто вы правильно сделали, что постучали...

Голос у хозяина квартиры оказался хриплым и осевшим, хоть и вовсе не старческим. И был этот голос добрым, чуть насмешливым. Неопределённого, далече выше среднего, возраста, как и сам его сухощавый владелец. Лицо светило оладушкой, хоть и не широким было вовсе, прорезанное морщинами, не возрастными, но вроде как от засушливости и ветра. Задубелая, чуть загорелая кожа. Нестриженные, выбеленные солнцем до седины волосы. Тонкий длинный нос. Высокий лоб. Мутный взгляд круглых, затёртых до непрозрачности, очков из-под козырька выдавшей многие виды фуражки. Дядька носил невнятного цвета старый застиранный свитер с сиреневыми заплатами на локтях, поверх которого была наброшена на плечи оранжевая служебная жилетка. Помятые, такого же невнятного цвета тёплые штаны с теми же сиреневыми заплатами на коленях подхвачены были внизу шнурками, завязанными бантиком. На ногах его свободно болтались шерстяные, штопанные-перештопанные носки да стёртые войлочные тапки без задников.

– Шалом налей кум! – кивнул Башкирский Кот и бесцеремонно прошёл в квартиру, словно к себе домой.

– В аллейку, в аллейку, дарагой! – охотно кивнул крючковатый нос в оранжевой жилетке. «Это человек!» – почему-то облегчённо вздохнула про себя Слипер.

– Хм, – посмотрев пристально очками в глаза Слиперу, откликнулся дядька. – Стрелочник я. Просто Стрелочник. Стрелочник Белочкин. Всегда к нашим услугам по вашим заслугам! Повернувшись ко всем, он пояснил:

– Барышня ваша изволит думать, будто я человеческой породы. Токма ошибается слегка. Но беспокоиться на сей счёт вам не стоит ни в коем разе. Никакой ворожбы. И жути никакой заморской. Просто к чему пугать гостей сходу своим несуразным видом, верно, котейко?

– Верррнее не бывает, начальник! – Башкирский Кот, быстро вернувшись, как бы ненавязчиво ласково обтёрся хвостом о ноги странного дяденьки, видимо, завершив первую часть своего осмотра помещения. Да и тут же пошёл обратно внутрь квартиры, приступая ко второй части досмотра, постепенно теряя внешний вид. Простите, точнее, попросту исчезая на глазах. Сорри, меня частотный диапазон воплощения. Э, извините, ну, да вы уже всё поняли. Короче, кот и в ус не дул. Внимательный Загрибука не упустил этого странного обстоятельства из виду и тут же успокоился.

«Хитрый котище всё уже просёк и чует, что здесь всё ништяк!» – довольно решил он про себя.

– Верно, мой учёный друг! – внезапно повернувшись к Загрибуке, произнёс дяденька. Тот аж подпрыгнул, успев коротко икнуть в воздухе.

– Да не читаю я ваши мысли! – поспешил успокоить его Стрелочник, тем самым ещё больше убедив Загрибуку в этом факте. – Просто по роду профессии я очень и очень внимателен, – добавил дядька и тут же рассеянно стал рыскать по карманам служебной жилетки, явно что-то потеряв, – а у вас всё на лице само написано. Да и я бы думал что-нибудь в этом роде на вашем месте.

– Умение поставить себя на место другого, – неожиданно промурлыкал Башкирский Кот, проявляясь вторично возле ног Стрелочника Белочкина, – есть воистину величайшее умение! Целые народы, сумевшие поставить себя на место других, а других на своё место, исчезли в одночасье в самых что ни на есть других местах, а точнее, гикнули себя повсеместно. Целые цивилизации, изменявшие местным порядком свои и другие места, заместо себя оставляя

местечко в других, исчезали в порталах отнюдь не местечкового значения. Полный винегрет! Сам Абракадабр сломал бы палец в своей ноздре, пытаясь распутать это дело! Сконфуженный китаец Конфуз-ци в своё время написал трактат на тему разумной взаимности отражений, али попросту вменяемой зеркалки, и на основе этого высочайшего во всех различных смыслах труда было сделано немало открытий чудных, и расцвело немало гениев, парадоксовых друзей, и поэтов, воспевших обррраз, летящий на крыльях ночи...

Дример нагнулся и прикрыл рукой пасть коту.

– Как тут, батя? Тихо? – спросил он, озираясь осторожно из-под Шапки-Невредимки.

– По-всякому бывает, – охотно и открыто ответил Стрелочник, поведя войлочным тапком по линолеуму. – Да вы проходите на кухню. Сейчас чайник поставим, чайку заварим. Варенье из морошки предлагать не стану, а то вы и так уже всю замороченные. Но есть печенюшки вкуснющие и другие разные прикуски для сладкой жизни. Сядем, поговорим, побормочем. Будьте спокойны, здесь вы в безопасности.

Башкирский Кот сквозь ладонь братца продолжал гулко вещать, закатив изумрудные монгольские глазища. Дример убрал руку.

– ...к тому же вящему позволению неизбежно отражающийся во всех ипостасях чуткого того внимания к личностям, окружающим вас повсеместно и восвояси! – закончил кот и приложил лапу «под козырёк».

– Куда-куда? – переспросил окончательно заплутавший во всём Загрибука. – И во что?

– На все четыре стороны во далёкий финский аул Свояси! – буркнул Дример карлику и пошёл по темному коридору вслед за дядькой в оранжевой жилетке. Чуть прямо, потом налево, на кухню. Двери в комнаты, из коридора ведущие направо, были закрыты.

Кухня, в пять шагов на любую сторону, была так заставлена нехитрыми, века выдавшими, мебелью, банками, склянками и коробками, что места только и оставалось для трёх табуретов. Стрелочник указал на них Слиперу и Дримеру, сел сам, а Загрибуке выудил из-под стола весьма кстати невесть откуда взявшийся маленький пуфик.

– Хошь бублик? – участливо спросил дядька в жилетке.

– Премного благодарствую! – поклонился в ответ Загрибука и взял протянутое печёное колечко, обсыпанное жареными семечками подозрительно знакомого лилового цвета. Осторожно понюхал. Кусил краешек.

– Да ты не робей, ешь на здоровье! С него не отравишься, и мозги мутить не будет! – подмигнул ему дядька за стёклами непроглядных очков. – Семушки эти токма успокоения придадут и крепость духа внутри устаканят.

Пошла лёгкая чайная заварушка, во время которой все немного расслабились. На столе появились тонкого завязюканного стекла вазочки с вареньем обычным урожая ягодок-калиномалинок, белые керамические кружки с щербатыми краями, бумажный пакет, в котором пахуче уживались ранее описанные бублики, а также халава с плоскими прилепленными печенюшками и деревянная плошка типа «беличья тарелка», где кочумали орешки и кусочки засахаренных, не поддающихся теперь уже никакой квалификации фруктостей. Чайник в центре дымил вкусным травяным ароматом. Кот сидел на полу и тоже принимал участие в церемонии наравне со всеми, макая залежавшуюся испокон веков сушку в пиалу с напитком, которую поставил между лап. Вытаскивая хрумкалку из дымящейся посуды, он обсасывал её и затем пилил края острыми зубами. Вжик-вжик. Слизывал. Закатывал глаза и мурррррррррчал. Затем процедура повторялась. Все пили чай, молчали и приглядывались друг к другу. Обычная восточная процедура вежливости при гостеприимстве. А что, дорогой читатель? Восток – дело тонкое!

Стрелочник хлюпнул из своей кружки и первым нарушил прихлёбывания и чавкания:

– Все ко мне приходят да спрашивают одно и то же. А вот на вас смотрю и кумекаю, шо вы ко мне уж больно окольным путём на голову свалились. Видать, и вопрос будет окольный, ась?

Заляпанный плафон, свисающий с потолка, светил ярким электрическим светом, оттеняя предметы, что делало лицо Белочкина очень и очень древним.

– Тогда не будет удивительным, если я спрошу, откуда вы, Белочкин, здесь? – Слипер смахнула с подсохшей синей футболки капельки пролитого чая. – Если меня не обманывает чутьё, вы тоже сюда издалека попали.

– Ух ты! – удивлённо поднял бровь Стрелочник за стеклами очков. – А ты молодца. Все вот сходу спрашивают совсем другое.

– Что же? – оторвался от еды Загрибука. Он пытался совладать с псевдочеловеческими пятипалыми руками своего новообретённого тела.

– Ну, – подперев давно небритый подбородок, задумчиво произнёс дядька, – чаще всего, куда идти дальше? Или как вернуться домой? Или ещё чаще, где я и сколько нас? – Он хохотнул.

– Хм... Куда идти – это уж как придётся, – улыбнулась Слипер, грея босые ноги, поставив их одну на другую на холодном линолеуме, ибо сырые кроссовки предпочла снять. – Насчет вернуться домой – неплохо бы вспомнить, каково там жилось, и было ли настолько неплохо, что нам не пришлось самим оттуда делать ноги когда-то. С математикой во вселенной всегда сложности, но пока что вроде нас пятеро вместе с вами. А где мы – что ж, эта кухня кажется мне вполне уютным местом, а её хозяин – весьма милым и интересным собеседником.

Она, улыбаясь, обвела кухню взглядом. Встретилась глазами с Башкирским Котом. И тот незаметно, но многозначительно кивнул ей, прикрыв мечту татарских окулистов:

– Айна-лайна, Слипер-джан! Хоррошая девочка.

– Вы удивляете меня всё больше! – Стрелочник снял с себя оранжевую жилетку и повесил её на ручку холодильника «Омск».

Дример успел-таки прочитать на спине жилетки трафаретную белую надпись «Служба Путей С Общением» и нахмурился, что-то припоминая. Дядька поправил на волосах мятую фуражку и опёрся локтями в сиреневых заплатах на стол. – Добрые улыбки, учитывая речь, манеры. Приятно, не скрою, принимать таких гостей. Что ж, и вопрос ваш весьма не глуп, уважаемая луноокая.

– Просто Слипер, – она улыбнулась.

Стрелочник понимающе кивнул, вернув ей такую же тихую улыбку, и замолчал.

– Что же вы здесь делаете? – спросил тихо, исподлобья, Дример, хрустя кусочком засахаренной восточной сладости. – Простите, господин Белочкин, но мне это место не кажется таким уж притягательным курортом, куда можно поехать на сомнительное оздоровление даже по бесплатной путёвке.

– Верно, мой юный друг, – засмеялся Стрелочник, хлопнув ладонью по столу, – оздоровление тут сомнительное! Да и путёвка не была бесплатной!

Он опять притих, как бы подбирая слова.

– Тогда что же здесь происходит? – таинственно спросил Загрибука, заёрзав на пуфике.

Башкирский Кот зевнул с явным видом, что ему сейчас нет интереса ни до чего и, хлопнув с лязгом пастью, продолжил макать сушку в чай. Стрелочник внимательно и долго посмотрел на Слипера слепыми своими очками, затем так же на Дримера, зыркнул вниз на Загрибуку:

– Ну, как вам сказать...

Слипер вдруг закусила губу, смахнула со лба светлые пряди и в упор глянула на Стрелочника:

– На самом деле нам бы очень хотелось знать, кто мы сами?

Кот подавился и удивлённо уставился на неё. Загрибука ошарашено округлил глаза. А Дример лишь усмехнулся.

Белочкин замер, а потом отчётливо, словно диктор по радио, произнёс неживым голосом:

– Вы – четырёхступенчатое существо, совершающее Затяжной Прыжок в космосе по маршруту 0208/72.

История Первой Стрелки при отсутствии какой-либо Белки. Бандитам, алкоголикам и собаководам – выдать 16-й номерок, и в буфет!

Жил-был человек, и звали его запросто: Артемий Феоктистович Шматко. Ничего эдакого. Как всегда и бывает с теми, от кого потом случаются всякости такие несусветные, что или сразу очень хочется по-большому в туалет (и чтоб прямо здесь и тут же), или же всех святых вон выноси, словно у них опять первомай! Был Артемий Феоктистович приличным гражданином. В городке его хорошо знали. Да если б и не хотели, а всё равно узнавали, и при том всегда хорошо, а то и лучше. Ибо жителей на тех пяти улицах и в двух тупичках было то ли двадцать три с половиной, то ли тридцать два с четвертью, да поди и обчёлся. Название у населённого пункта было такое полустёртое и избитое, что и упоминать не стоит. А град сей стоял на территории не самого заурядного вида пятой по счёту планеты, вращающейся вокруг звезды «жёлтый карлик номер как-там-бишь-её-чёрт-бы-побрал». Коротко говоря, дорогой читатель, это было весьма и весьма далеко от того места, где ты сейчас читаешь эту книгу. Насколько? Очень намного, где бы ты ни находился. Далеко по-любому. Я бы даже сказал, просто пёс знает где!

(Грызлик в сей же миг, где-то тоже очень далеко, поднял уши, замер и усиленно отрицательно замотал головой. А вы-то думали, почему собаки то и дело просто так, ни с чего, как вам кажется, головой мотают? То-то же! Енто ж они по межгалактической связи отвечают! Что-нибудь типа:

– Первый, это осемнадцатый, слышу вас хорошо! По делу о запрашиваемом местоположении описуемого всуе тут же городка, аки и планеты, на поверхностях которой сей архитектурный ансамбль ютится, не ведаю ни шиша. Как, впрочем, и по поводу космогонически определяемого газопылевого ядерного объекта жёлтого спектра распада ничего не скажу наточняк. Короче, по всем этим статьям ни хрена, ни укропа лысого не знаю! Во внутричерепных архивах сведений не найдено. И вообще, мне сейчас тут Зверогёрл уши оторвёт! Конец связи. Привет теще. Тчк.)

Артемий Феоктистович был бухгалтером. Да. Настоящим таким бухгалтером. История этой профессии, между прочим, совсем не проста. Когда-то, давным-давно, были только бухгалтеры. Буквы «гы» там ещё пока не было. Мне вообще кажется, что известная нам профессия «бухгалтер» произошла от комически сложившегося обстоятельства, при котором бухгалтеры, о которых речь уже вроде как пошла, да и пойдёт чуть дальше, странным и смехотливым образом сговорились и склеились с бюстгальтерами. А что вы думали? Бухалтер – вещь обычная. Бюстгальтер – тоже. Первых – под любыми окнами, на любой скамеечке всегда можно и без фонаря отыскать по оголтелой матерщине и звону бющейся стеклянной тары. Вторых – тут ещё проще, ибо они есть биологически мануфактурный фактор. Почему бы им и не поговорить было как-нить по душам, а потом склеиться? И как итог в нашей земной цивилизации появился закоренелый результат вполне предсказуемой эволюции в виде новоявленного рабочего места. И что? А то! Бухгалтеры везде оказались тут же нужны! Ну, разве только в настоящем коммунистическом обществе, при отсутствии любых средств денежного обмена, они были бы вынуждены срочно переквалифицироваться в гардеробщиков или лифтеров. Ведь пальто и лифты никто не отменял, верно? Логично. А так у нас, что ни валяйся, всё пригодится! Работник, считающий деньги, – тем более. Но здесь, на пятой по счёту от жёлтой звезды номер как-там-бишь-её-чёрт-бы-побрал планете коммунизм не был ни известен, ни изобретён и, тем более, не был достигнут. Бухгалтеров водилось – пруд запрудил и карасей выводи! И Артемий Феоктистович был одним из них. Точнее, он тоже поначалу, в молодости, влачил существование обычным бухгалтером, который, как ему и положено, орал и бухал, всячески празднуя

на все лады житие свое, и выстаканивал на различной посуде незатейливые этнически близкие ему мелодии и народный танец «тым-цы тым-цы». Но чутка попозже, согласно закону повторяемости тотальной эволюции Всея Сангхи на примере каждой отдельно взятой замкнутой системы, входящей в основной поток этой самой тотальной... В общем, кокос от пальмы недалеко крикает. Так и герой наш тоже повстречал на своем эволюционном пути некий бюстгальтер. В этот самый бюстгальтер была одета некая особа, имя которой утерялось и стёрлось из повествования о сознательном росте осознания Артемия Феокистовича, но на которой он таки женился. Была она грузна собою во всех отягчающих смыслах. В смысле, немало весила и грузила тоже не по-детски. Обнаружившиеся вскоре (жёлтая тусклая звезда поколесила за это время из одного угла планеты в другой угол раз эдак -цать) в колечках жёнушкиной причёски выдавшие всё в жизни бигуди свели Артёмушку нашего с катушек. И он в сей же миг окончательно утвердился в своей философской позиции, что челобречество на его родной планете есть не что иное, как тупиковая ветвь регрессирования чебуреков и чемоданов, а потому всё одно теперь для него, всё без разбору однохреново и однобуйственно.

– Гори забор, гори хата! – крикнул он в порыве просветления.

И остался Феокистыч наш в бухгалтерах, кое и было предсказано ему мировым порядком вселенской истории. Выпал в одиночество со своим котом Василием, братом мужа третьей троюродной сестры отчима Котовасии, который в свою очередь был пятым пасынком друга отца его внука с монгольской стороны, то бишь роднён нашему миляге Башкирскому Коту. Также Артёмушка остался и с любимым, в будущем упомянутым нами ещё разок или два ниже, волосатым мухоловом в горшочке с керамическими крендельками.

Та же, что и у всех бухгалтеров, бежевого цвета сорочка. Бежевая – не от обострённого вкуса к тонкой линии галантереи. А обязанная своим колором статичности от нечастого пользования услугами бабки-постирушки, коя в оплаченных Феокистычем комнатах низводила на «нет» различного происхождения пятна на вещах жильцов. Она же была и хозяйкой этих самых комнат, о чём свидетельствовала полуистёртая иридиевая табличка на доме: «Комнаты внаём. Буркина Фасо». Да, дорогой читатель, у бабки-постирушки была обычная русская фамилия Буркина и обычное кавказское имя Фасо. Родом она была с системы номер 013, что значит – в тринадцатой завитушке Великого Веретена Миров, направо от Большой Медведицы. Откуда она взялась здесь? Да как все мы – оттуда и отсюда! Занесло, короче.

Работа у Артемия Феокистовича была не пыльная. Приходил в конторку с утра. Поливал водичкой волосатого мухолова (помните, я ведь предупреждал, что мы о нём ещё вспомним!). Мухолов тот волосасто кочумал на подоконнике, высматривая сквозь мутное стекло свой завтрак. А бухгалтер наш садился за обветшалый стол перекладывать розовые и зелёные бумажки из кучки в кучку. Квитанции, счета, чеки, бумаги. Затем был обед, принесённый в мисочке с собой и разогретый на маленьком примусе тут же, в конторке. Иногда к ним заходила торговка из хлебопекарни с корзиной на голове и своими сто восемью и одной косичками, привественно кричала с порога «Алл-ллах, Харе Ом!», и в эти дни в рацион обеда добавлялись сдобная булочка и кекс с вареньем из плодов дерева Бо. Примерно в четверть четвёртого начинал бренькать трескучий звонок в коридоре конторы. Смеркалось. Варкалось. Сморкалось. Не забывай, дорогой читатель, всё это происходило весьма и весьма далеко от твоего нынешнего местопребывания, а потому в тамошних сутках насчитывалось отнюдь не двадцать четыре часа, а всего четырнадцать. Так уж вышло. Не обессудь, смотри в суть! По крайней мере, время тоже имеет права ходить там и так, как ему забессудится! Тусклая звезда чертила свой путь по небосклону этой планеты довольно быстро. И к тому же у местных жителей была принята в оборот не десятичная математика, а семеричная. Короче говоря, всё было очень запутано, и на их планете щекотящие запутки тоже так и рыскали, так и рыскали кругом, аки и в Лесу, о котором шла речь в начале этой книги. Господи, о чём это мы? Ах, да! Так вот. Звенел, значит, звонок. И Артемий Феокистович Шматко, милый наш, тихий и скромный,

челобреколюбивый бухгалтер, собирался домой. И так шли дни. Дни. Дни. А звезда всё потихоньку тухла и тухла в своем космосе у него над головой.

(И между прочим, дорогой читатель, у тебя прямо сейчас над головой точно так же помаленьку тухнет какая-нибудь звезда, уж какая там у тебя водится.)

Вот и в этот раз он погладил нежно на прощание волосястого мухолова. Дал ему муху. Тот благодарно захлопнул пасть до утра, свернувшись колечком в горшочке с крендельками, а Артемий Феоктистович шмякнул дверью конторки и вышел на вечернюю улицу. Вывеска «Бухгалтерия» покачивалась над его головой от лёгкого ветерка и напоминала своим скрипом детские качели. Это было мило. Артемий Феоктистович улыбнулся и полез в карман нехитрого пиджака за ключами от машины. Да, дорогой читатель, на этой Грызликом забытой планете, в десятках тысяч ли у тебя над головой, тоже были придуманы и пущены в массовое производство перевозящие с места на место задницу и вещи самоходные повозки, именуемые в твоём обществе громоздким и ничего на самом деле не объясняющим словом «автомобиль».

– Слушай, а всё-таки, что это за планета?

– А, Сонечка, ты уже пришла! Как там дуб?

– Он прекрасен! – Соня села и обвила себя хвостом, прикрыв глаза.

– Ты ему сказала об этом?

– Конечно!

– Молодец! Теперь, ежели случится дурное настроение или самочувствие, ты всегда сможешь пойти к своему новому другу, встать под него, прижавшись спиной, лбом или затылком, и просто подышать. И дуб поможет тебе прийти в себя. Он уберёт причину твоей болезни и выгонит дурные мысли. Деревья это умеют, уверяю тебя!

– Ух ты!

– Точно! Теперь у тебя есть могущественный друг! Только не обижай и другие насаждения. Они ведь, как-никак, родственники твоему дубу. Ну, тётки там и дяди. Как положено.

– Ой, конечно, что ты!

– Потом ты подружишься и с другими деревьями, и они тоже поделятся с тобой своей магией. Она у них очень могущественная. И у всех – разная.

– Ух ты! – заухала она натуральной совой. – А их ведь столько на планете!

– Увы, Сонечка, всё меньше и меньше. И многие совсем перестали их понимать и уважать. Некоторые их даже убивают!

– Это же глупо!

– Да, скоро многие поймут, что причина кашля, который их постоянно преследует, кроется именно в непонимании и неуважении по отношению к деревьям, которые в свою очередь производят воздух и магию здоровья.

– Вся планета поймёт?

– По чуть-чуть, но вся. Кстати, номер планеты с проживающим на ней Артемием Феоктистовичем Шматко тебе любой планетарий за десять рупасов выдаст! И сдачу шакалами положит!

Артемий Феоктистович сел в свою машину, завёл мотор, и тут в нутрях бухгалтерских что-то тихо ёкнуло. Незаметно так. Ёк. Тишина. Ёк. Тишина. Непокойно ему стало ни в раз. Повертев головой, он не заметил ничего пугающего.

– Тьфу ты ну ты! – успокоил себя таким вот странным образом Феоктистыч, но маленькая тайная ёковость не унималась.

Ёк. Тишина. Артемий схватился за грудь. Но сердечко мирно себе постукивало, как и было ему положено, в третье сверху левое ребро, всем своим видом выражая полную

несознанку относительно внезапного беспокойства своего хозяина. Бухгалтер повернул ключ, нажал на педаль катализатора, и машина тронулась.

– Всё, домой! И завтра же оформлю отпуск! Совсем мой бедный организм расстроился. Печки с почёнью перепутались, и заворотило киш с мышью! Поеду куда-нибудь на Олтые Жигузи, полежу в макусях, отогрею спину, развеюсь на ветряках.

Он уверенно вжал педаль в пол и, отъезжая от конторы, только самым краем глаза увидел странного сухопарого дядьку в мутных круглых очках. Тот переминался в нелепом оранжевом жилете и в фуражке. И неожиданно, улыбнувшись, помахал вслед машине рукой, словно увидел давнего знакомого.

– Тьфу ты ну ты! – сплюнул Артемий Феоктистович опять, глядя в зеркало заднего вида. – Чур меня, чур!

Но нелепый дядька не растворился, а только пуще прежнего заулыбался, вскинул руку в локте, отточенным жестом переведя наручные часы, и склонился в поклоне.

– В Жигузи! Срочно в Олтые Жигузи! Завтра же! – Бухгалтер судорожно вцепился в руль и, распугав копошащихся в земле коркулей, буквально сорвал машину с места.

Ехать было не так уж далеко. Городок, как мы уже говорили, был ой ну совсем небольшой. А домой не хотелось. Артемий Феоктистович свернул с накатанной дороги и зашуршал шинами в сторону Укатного Пути, что вёл из культурного центра в сторону частных садовых участков, и далее через Пустомельную Чушь в такой же поселенский островок верхнего южного запада с таким же истлевшим на сухом ветру названием. В этом направлении дорога подходила к довольно высоким холмам, около которых было где остановиться. Вечерком там можно было подняться пешком на вершину и от души посидеть наверху, полюбоваться видом, поулюлюкать копошащимся в небе коркулям и подумать с наслаждением какую-нибудь серьёзную и глубокую мысль о мироздании и о своём не самом последнем месте в нём. Ощутить свою небесполезность. Свою нужность. Свою неотъемлемость. Короче, слегка подкормить своё Чувство Собственной Важности, дабы затюканный бытовухой эгоизм немного воспрял перьями, и внутри чтоб слегка потеплело и благодарно заурчало. Вот именно туда и направил свои покрывающие Артемий Феоктистович Шматко. Он выехал из городка. Дорога потянулась пустынная. По краям росли редкие низкие кусты нуихмыть-травы, покрывая всё видимое пространство по обеим сторонам от грунтовок до самого горизонта. Стал накрапывать дождик. Ласковый такой и грибной, то бишь заказанный у Потолочного Разумения колониями местных грибов соответствующим официальным запросом. Показалось мелкое селение со снующими туда-сюда через трассу жителями. Бухгалтер сбавил ход, включил щётки на смотровом стекле и обогрел внутри кабины. Стало тепло и уютно. Дорога шла прямая, как стрела вождя индейцев Виннету. От всех этих неожиданных приятностей Артемий Феоктистович разомлел. Веки стали предательски тяжелесть, и наконец, под шум морозящих капель, наш уставший от суеты и работы офисный служащий обмяк. Глаза его закрылись ещё до того, как автомобиль въехал в шумно и сильно населённый пункт. Разбрызгивая придорожную грязь, самоходный экипаж летел вперёд. Перед селением не было ни таблички, ни указующего камня, ничего. Если не считать непонятно откуда взявшегося на обочине того же странного сухопарого дядьку в нелепой оранжевой жилетке и фуражке, который вышел из кустов и опять дружелюбно помахал рукой проносящейся мимо машине. Вода лилась ему за шиворот, но он, казалось, этого и вовсе не замечал. Когда авто скрылось в набиравшем силу дожде, дяденька улыбнулся и снял мутные, почти круглые очки. В абсолютной черноте между веками отразились потоки дождя. Он мигнул этой непроглядной чернотой вслед промчавшейся в село машине. Морщинки вокруг его глаз собрались в смешные лучики. Вскинув руку в локте, дядька глянул на свои большие командирские наручные часы, хихикнул и перевёл стрелки назад на два часа с четвертью.

– Спешат всё. Спешат. А куда спешат? Куда спешить-то? Эх, Артемий Феокистович, – проворчал по-стариковски ангел, протёр мутные стёкла, снова нацепил на нос очки и повернул обратно в кусты. Лишь закряхтела чужедальная песенка ему вслед:

...И когда оно опять
Будет на небе сиять,
Малыши твои мохнатые,
Медвежата толстопятые,
Сами к дому прибегут:
Здравствуй, дедушка Мытут!

И лишь только первые ветки стали цепляться за его одежду, как вдруг дядька в жилетке неожиданно мигнул пару раз, словно лампа дневного света, замерцал на ходу и исчез вовсе.

Сказка дедушки Мытута номеро дос. Сон Артемия Феоктистовича Шматко, летящего вдоль по Укатному Пути навстречу неведомому будущему своему, а заодно и табличке «Пустомельная Чушь. 44 кг»

– Шматко, патроны!

– А?

– Хренотня! Патроны, спрашиваю, мля, где? Почему ремень не начищен? В наряд, мля, пойдёшь, галюны драить и приближать нас к светлому будущему всех народов! Понятно, мля?

– Так точно, товарищ капитан!

Рота в сорок четыре человека стояла на пирсе, в который било свои серо-стальные волны море. Точнее, что это таки море— Артемий Феоктистович не знал, да и знать-то не мог, ибо в жисть свою не видовал. И где он сам, и что происходит – понимания так же не наблюдалось. Думать времени не было. Разум дал ему единственное в данный момент трезвое решение: как можно быстрее вжиться в ситуацию, слиться с окружающей средой и уже потом постепенно разбираться, что здесь и к чему. Сейчас на нём был чёрный морской бушлат с начищенными золотыми пуговицами, затянутый под рёбра ремень, бескозырка (морская фуражка без козырей, но с ленточками) и намазюканные до блеска чернящие ботинки. Ботинки, надо сказать, весьма хлипкие для такой температуры воздуха и такой влажности. А было ведь холодно. И не просто холодно. Стоял нормальный такой моктябрьский дубак! Дубак оголтелый и беспощадный. И начинавшийся шторм окатывал матросов с каждой разбивающейся о пирс волной всё больше, всё яростнее.

– Шматко, бегом на склад, получить боеприпасы, и чтоб лично каждый патрон от вымпела до киля надраить!

– Разрешите исполнять? – с великим удивлением услышал от себя Артемий Феоктистович и тут же испуганно понял, что не может повлиять ни на что, ибо воля его полностью подавлена. Оставалось только смотреть фильм с собственным участием.

– Бегом марш!!!

– Есть!

И Шматко побежал вдоль строя матросов, плюхая по лужам своими начищенными чёрными ботинками.

– Рррррота, – прогремело ему вслед, – нами получен приказ от штаба флота...

Через какое-то время Шматко осознал себя на палубе корабля. Волны, разбиваемые носом торпедоносца, захлёстывали палубу. Кидало страшно. Артемий было схватился за поручень, но новый бросок судна сбил его с ног. Голова освободилась от бескозырки и ударилась в большой медный колокол. «Буууммммм!» – глухо загудело в его голове.

– Шматко! – раздался крик сквозь грохот ветра и волн. – Ты чего тут кренделя выписываешь, мля? Быстро занять позицию! Подходим.

Феоктистыч почувствовал, как ноги сами несут его на корму. Нелепо, но Шматко при этом ужасно мутило, хотя по всему было видать, герой его внезапного чудн[о]го фильма был в море отнюдь не впервые. И странным казалось обстоятельство, что тот, в чьей шкуре оказался Артемий Феоктистович, тоже сильно удивлялся, почему его вдруг внезапно ни с того ни с сего стало тошнить от качки. Винты встали. Он почуял это кожей.

«Откуда я это знаю?» – испуганно подумал Артемий Феоктистович, но ещё больше испугался его сомнениям тот, в чьей шкуре он сейчас находился. Его однофамилец, рождённый на острове Кронштадт, матрос торпедного катера 0208/72, такой же Шматко, но таки в обратную

сторону Феоктист Артемьевич (о, несравненный юмор кармы Всея Сангхи!), находясь в нейтральных водах Финского залива вторые сутки, готовился сейчас к очень опасной вылазке. И совершенно не мог взять в толк, что происходит нынче у него в голове. Он смутно припоминал страшное слово «шизофрения» и в связи с этим уточнение диагноза «раздвоение личности». А ведь именно это матрос Шматко сейчас и чувствовал. Он отчётливо ощущал в своей голове присутствие кого-то второго, некоего незванного гостя, который незримо наблюдал изнутри головы за его матросской жизнью. И не просто наблюдал, но и вмешивался своими не к месту удивлёнными ахами и охами. А вокруг шла война. Рядом свирепствовал враг. И было совсем не до этого. И матрос Шматко с ужасом понимал, что вот только шизофрении ему сейчас и не хватает для Полной И Окончательной Нирваны Без Нирватрёпки. Проще говоря, он догадывался – это расстрел. Минимум. Лечить его некогда и некому. Проще списать. А списать на войне можно только одним способом. Бум! – и гильза под ноги.

«Уймись!» – только и бросил в отчаянии матрос Шматко мысленно сам себе, а точнее, незванному гостю.

Как ни странно, но это подействовало. Артемий Феоктистович тоже понимал: мешать сейчас матросу не стоит, ибо всё может закончиться плохо для них обоих. Он постарался довериться владельцу тела. По крайней мере, как думал бухгалтер Шматко, матрос (такого определения Артемий, конечно, не знал) находится в привычной ему среде обитания, а стало быть, знает, что делать. И он тут же ощутил в ответ молчаливый посыл благодарности по типу «дык допетрил, в пургу твои пятки, наконец-то». Артемий приободрился и даже воспылал интересом к ситуации. Его начала забавлять такая игра внутри разума другого существа. А тем временем на матроса Шматко надели странный костюм из непонятого материала (определить наощупь его не представилось возможным), ласты и сложную маску с рифлёнными трубками, уходящими за спину, где уже до того навесили тяжеленный круглый баллон со сжатым воздухом. Он спустился по тросу с кормы.

– Ни пуха! – махнул ему вслед матрос.

– Ни Пятачка! – гугукнул в маске Шматко и свалился спиной в воду. Она оказалась ледяная. И тут в памяти Артемия Феоктистовича произошла вспышка, во время которой он успел увидеть разъяснение задания по разведке повреждений вражеской подводной лодки и возможного её последующего конвоирования в порт Кронштадт. Также он побывал при обсуждении телесных достоинств некой Нюры из госпиталя в присутствии двоих своих сотоварищей по оружию в кубрике. И в тот же сияющий миг пространственно-временного застывшего континуума он получил во всю красу своего внимания грязный, покрытый бородавками и пороховой гарью указательный палец штурмана, который тыкает в карту. И услышал Шматко грозный прокуренный голос:

– Вот она, проклятая! Здесь на банке залегла. В сорок четвёртом квадрате.

– Слышь, штурман, а ведь не зря японцы числом «четыре» смерть означают! – Шматко услышал свой хохоток.

– Отставить шуточки! – штурман и не думал смеяться. – Это приказ штаба флота. Выход у нас один. Что там подорваться, что без лодки вернуться – всё одно позор. Так что молись, Шматко, если в Бога веруешь!

Вода сомкнулась над головой. С шипением Шматко осторожно втянул первую порцию воздуха через маску.

«Слава Богу!» – произнёс он мысленно скорее по привычке, нежели из желания поблагодарить Бога, в которого, честно говоря, не особо и верил-то.

Но тут же, вспомнив слова штурмана, задумался. И наверное, не к месту было сейчас медитировать и размышлять, но почему-то именно в такие минуты и приходит желание изменить в себе нечто важное. Так Феоктист задал себе впервые важный кармический вопрос: а может, есть Бог на свете?

И второй Шматко тоже как-то заёрзал внутри разума первого, и припомнилась бухгалтеру Артемию вдруг фигура странного седоватого дядьки в оранжевой жилетке и в фуражке, что махал ему рукой с обочины дороги. А матрос при этом едва не хлебнул холодной финской заливной водицы, ибо и ему вдруг в этот миг привиделся сей оранжевый жилет и фуражка, странные круглые очки и совершенно немыслимая для родной Земли местность, где над головой сияло в небе нездетушнее тухленькое солнышко.

– Ёктить твою налево, – поперхнулся Шматко. И уразумел сей момент явным знаком.

«Точно есть Бог на свете!» – решил мысленно Феоктист.

И почему-то бухгалтер с ним тут же и однозначно согласился.

– Так, ну и где ты прячешься, мля, гнида фашисткая? – завёл успокоительный разговор сам с собой матрос Шматко и развернулся в воде под килем торпедоносца. – Знаю, знаю, там! Сейчас мы тебя...

И он замолотил ластами, попутно вспоминая, как нужно вообще молиться, и коря себя за то, что так и не нашел в своей жизни времени поинтересоваться этим вопросом. Спустя долгие десять минут искренней молитвы Феоктист увидел в мутной непроглядной тьме силуэт огромного железного борта.

– Лодка! – радостно икнуло внутри Шматко.

Он плыл вокруг неё, проводя первый осмотр.

– Хе-хе, надо же! Вот это совпадение! – Артемьич чуть не хихикнул под водой. На рубке подлодки красовалась аккуратная надпись «U-44».

– Ох, не нравится мне это, – суетнулся внутри матросского разума Феоктистыч.

Уж он-то, всю жизнь имеющий дело с цифрами, сразу почуял неладное. Но движуха вроде как наладилась. То ли со страху, то ли из-за адреналина, но, словно не замечая холода воды, Шматко скрупулёзно обследовал лодку, нашёл пробоины в хвостовой части и разыскал выступающие в носовой части крюки. Водолаз отвязал с пояса ярко-белый деревянный буюк, отпустил его на тонкой верёвке к поверхности, а затем стал подниматься и сам, попутно продуваясь. Наверху был ад. Волны швыряли сильно вверх и вниз. Шматко тут же опять замутило. На катере отсемафорили, что он и буй замечены, и, дав «малый назад», двинулись в его направлении. Феоктист снял маску, закрыл кран воздуха, чтобы экономить боевой запас. В мозгу его билось сейчас только одно:

– Надо вытащить лодку! Надо доставить лодку! Штаб ждёт! Все наши ждут! Весь наш народ ждёт эту лодку! Вся страна ждёт эту лодку! Мы узнаем, мля, что и как у них сделано там, и выиграем, мля, эту чёртову войну! Некуда, мля, отступать!

Все эти мысли придавали ему сил и притупляли ощущение жуткого холода.

И вот катер подошёл, и крюки на тросах были сброшены. Шматко опять натянул маску, повернул вентиль подачи воздуха и пошёл снова вниз к лодке, направляя тяжеленные крепежи, которые опускались рядом с ним. Не сразу удалось зацепить крючья за петли. Пришлось повозиться. Но Шматко был так погружён в это занятие, что даже ощущение присутствия чужого разума внутри него притупилось. И вот он вынырнул, сорвал маску и, улыбаясь, дал отмашку. Готово. Его взяли на борт. Сняли промокший костюм и тяжеленное снаряжение. Отвели в камбуз, где кок по приказу капитана налил ему в алюминиевую кружку около ста граммов чистого спирта. Сев на пороге рубки, обернув ноги сухим бушлатом, Шматко опрокинул в горло спирт, и тут организм его расслабился, поняв, что мобилизация на время отложена. И Шматко практически мгновенно погрузился в сон, удивлённо ощущая краем сознания, что чужой разум внутри также вместе с ним погружается сейчас в тёмную и мутную глубину забвения.

– Вот там мы и встретимся, – почему-то весело подумал матрос Шматко. И уснул.

Он так и не услышал разрывающего воздух грохота взрыва, когда торпедоносец взлетел на воздух, едва тронувшись с места, почти мгновенно разметав всего себя по серым стальным волнам Финского залива. Занятый молитвой, Шматко не заметил там, в глубине, тонкий трос,

связывающий лежащую на дне подводную лодку с огромной замаскированной миной возле неё. Едва катер сдвинул опасный груз, как всё в радиусе семидесяти метров было превращено в мелкое крошево. Всё. И рыбы, и камни на дне, и катер на волнах, и подлодка в глубине, и русские матросы, и немецкие мёртвые подводники. Всё, кроме самого матроса Феоктиста Шматко, который был выкинут в ледяной воздух над волнами и по счастливому стечению обстоятельств (а может, потому что успел-таки от чистого сердца впервые в жизни помолиться) не утонул, упав в воду. И стоявший невдалеке на якоре такой же торпедоносец быстро подоспел и взял его на борт. Контуженого, но живого. И первое, что увидел один-единственный уцелевший в этой боевой операции матрос Шматко, очнувшись через несколько дней в госпитале, были полные слёз глаза несравненной и всеми в Кронштадтском порту обсуждаемой медсестры Нюры. Артемия Феоктистовича в моряцкой боевой головушке уже не было, и эти прекрасные черты милой Нюры, аки и все её остальные достоинства, бухгалтеру Шматко предстояло увидеть весьма позже.

Великий Вездесущный Тутытам и его туристическое агентство Белочников Стрелочкиных

Резкий свет пробился сквозь его, Артемия Феокистовича Шматко, веки. Бухгалтер потянулся было сладко, а затем подскочил, словно ужаленный Страстной Напастью. Руки-то его были на руле! О, Великий Тутытам!

«Я уснул за рулём!» – пролетела пикирующей Белкой-Парашютягой первая его мысль.

«Я жив!» – пронеслась вслед за ней Белкой-Дельтапланерюгой вторая.

«Ура!» – тут уже чёткий и цепкий бухгалтерский мозг взял всё под свой неусыпный математический контроль. Быстро обежав вниманием ноги-руки, мозг констатировал, что управление машиной в полном порядке. И неторопливо, последними в очереди, распахнулись глаза.

– Кутунгескэ джальб! – неожиданно для самого себя заорал Артемий Феокистович на чужестранном ему, далёком языке.

Кругом простирались горы. Да такие, что ему, рядовому бухгалтеру, жившему в комнатах Буркиной Фасо, и не снились никогда. Снежные вершины сияли, словно намытый хрустальный сервиз в серванте его бабушки. Дорогой читатель, чему удивляться? Все бабушки вселенной одинаковы. Во всех сервантах всех галактик стоят одни и те же хрустальные сервизы. Биллионы сервизов. Биллионы бабушек. И по всей вселенной вторые намывают и стерегут первых в биллионах сервантов. Памаги-и-ите!

– Вай Дод! – заорал Артемий и переключился на родной планетарный язык: – И куда дальше?! И как мне вернуться домой? И где я? И сколько нас тут?

Но горы молчали. И высились вокруг, словно грозные пограничники, поймавшие наконец-то нарушителя государственных пределов с полными карманами жевачки. Мало того, где-то в глубине бухгалтеровского мозга некто противным кошачьим голосом запел: «На границе тучей ходит бурый, край утробой мишиной помят...».

Артемий Феокистович поёжился в сюртучном пиджмаке и сжался утробой.

– И как же это я пролетел селение-то? Иб ту ю мэ мэ! Никто ж не остановил. А главное, никого не сбил, не задел. Вах-вах, чудо-то какое! – Он кудахтал о своём несбывшемся ДТП, но вдруг резко сник. И припомнился Артемию странный сон, виданный им вроде как только что. И каким-то непонятным, но вполне ощутимым образом Феокистыч почувствовал, как многие и многие детали чего-то несусветно большого и великого сейчас очень быстро складываются в одну цельную и вполне конкретную картину. Ум отказывался это объяснять, но душа всё поняла и затихла в предчувствии. Да, дорогой Артемий Феокистович, бухгалтерский ум не был знаком с механизмом срабатывания системных узлов закона кармы. А душа это знала очень даже хорошо.

– Чё делать-то? – задал он знаменитый риторический вопрос всех племён и народов.

Даже тормозить в таком месте было жутко. Артемию казалось, что если он остановит машину и выйдет на дорогу, то окружающая чужая реальность сразу обретёт свою настоящесть, и тогда уж никуда будет не деться. Его бухгалтерский разум ещё надеялся, что все эти горы – просто яркий и болезненный сон, и что морок вот-вот растает. Но кошмар о грозных горах-пограничниках никак не желал таять. Они как бы говорили Артемию Феокистовичу: «Что ж мы, мороженое какое-нить там дешёвое? Плюмбир, что ли, мы тебе? Крем, понимаешь, брюле? С какого-такого перепугу нам таять? Алё, гараж, здесь не кондитерская!»

Бухгалтер хотел протереть глаза указательными пальцами, но руки были заняты проклятым рулём. Решение остановиться Артемий принял внезапно и единогласно, ибо никто не возражал. А и некому было. Наш горе-бухгалтер в этом кошмаре кочумал совсем один. Он выбрал на горном серпантине поворот поплачнее и, сбавив ход, прижался, насколько было можно, к

воображаемой обочине. Покрышки прошуршали по мелкому песку и остановились. Открыв дверь, Артемий Феоктистович вывалился на дорогу, тяжело дыша. Он наконец-то дал волю своему неуёмному желанию протереть глаза, но, увы, сие ничего не изменило. Магическое действие, столь часто спасавшее в детстве от случайных мелких галлюцинаций, здесь и сейчас не возымело никакого результата.

– Йоп! – сел Артемий Феоктистович на земельку. На ум ему почему-то тоскливо пришёл кот Василий, оставшийся где-то далеко дожидаться его, Артемия, прихода домой. И не менее тоскливо он вспомнил о ничего не подозревавшем, мирно сопящем сытым сном волосястом мухолове.

– Кхм! – вдруг сухо кашлянул у него над ухом кто-то.

– Аааааа! – заорал дурным голосом от неожиданности Артемий Феоктистович и громко пукнул, и теперь для него уже было совершенно непонятно, то ли стесняться своего пукания, то ли пугаться внезапного кашля. Он махнул на всё рукой и просто с отчаянием в глазах взглянул себе за спину.

А там стоял всё тот же странный худощавый дядька с развевающимися выбеленными волосами, одетый в нелепую оранжевую жилетку.

Дядька этот кивнул головой, вертя кренделями снятую фуражку. Он всё так же улыбался. Затем, выпрямившись по стойке «смирно», он вскинул руку в локте и ловким артистическим движением пальцев перевёл свои наручные часы на пять часов с тремя четвертями вперёд. Артемий Феоктистович с ужасом заметил, что дядька стоит на дороге в потёртых войлочных тапочках без задников.

– Блин с компотом! Шайтан-оглы! – попятился бухгалтер.

– Ну что вы! Не нужно громких чужих имён! – Дядька с фуражкой по-отечески залучился морщинками.

Бухгалтер вдруг заметил то, что его больше всего пугало в облике незнакомца. На носу у дядьки сидели жуть наводящие круглые очки с абсолютно мутными стёклами. Стёкла эти были то ли зацарапаны до непроглядной степени, то ли сделаны специально чернюще-дымчатыми. Впечатление окулярчики эти оставляли неприятное. Казалось, будто глаза у собеседника были слепы и безучастны.

– Лучше не стоит, – заметил как бы невзначай дядя.

– Чего?

– Очки мне снимать не стоит, – так же спокойно ответил дядя. – По крайней мере, пока что.

– А, ну ладно, – уже более мирно заговорил Артемий Феоктистович. – А где я?

– От тебе и на, началась скукота. Антракт веселию...

– А чё, а чё?

– Да ничё! Антракт у тебя намечается в судьбинушке, вот чё! Остановка на кармической магистрали. Полустанок на Пути Дао. Перекур в Дхарме.

– Это что ж, под статью?!

– Слышь, Артемий, у меня фуражка зырь какая. Ни тебе кокард, ни ярлыков. Стало быть, в роду карательных войск и наказательных учреждений не значусь. Мне фуражка эта досталась от одного пьяного матроса. Он со мной поспорил, на кон её поставил и проиграл. Светила на фуражке енттой ещё и морская кокарда, красивая такая, с якорем, но где-то среди звёзд потерялась.

Артемий Феоктистович окончательно слетел головой с трансформаторов, ибо идея о потерявшейся в космосе среди звёзд морской кокарде была выше возможностей его слегка подвисшего личного встроенного компьютера, который медиками обозван скучным и холодным словом «мозг».

– Вы не из органов?

– На любой абсолютный вопрос ты, Феоктистыч, всегда будешь в относительности получать два равнозначных ответа: и «да», и «нет»! И заметь, оба они будут верны. Зависит от точки зрения. Я, безусловно, состою из каких-то органов, но по факту весьма отличающихся от твоих, ибо ни в жратве, ни в тёплом стульчаке под раздумья не нуждаюсь. А органы всё ж имеются, и вполне официальные, будь спокоен. Ксиву могу предъявить на сей счёт. Глянь!

Тут мужичок в жилетке и вовсе отчебучил знатный цирковой номер. Распахнув оранжевую жилетку, он поднял до пупа невнятного цвета полинявший свитер, а оттуда жажнуло теплом и светом, как из солярия.

Артемий Феоктистович прикрыл глаза ладонью.

– Видал? – Мужичонка опустил подол обратно и хитро как будто прищурился мутными очками.

Подослепший Артемий только и смог, что отрицательно замотать головой.

– Верно, Шматко, и смотреть там нечего! – перейдя вдруг на суровый официальный тон, проговорил дядька. – Коли будешь на сварку пялиться, дык совсем зыркалки растеряешь! Короче, за многочасовые заслуги в бухгалтерском деле без особой пользы для общего вселенского движения Всея Сангхи к Полной И Окончательной Нирване Без Нирватрёпки тебе, господин Шматко, объявлен Потолочным Разумением отпуск длиной в одну четверть полупериода оборота бегемота в обормота на тихом далёком ранчо «Млечный Путь» на одной из крайних делянок. Там ты подменишь на оставшийся срок своего однофамильца и будешь сыром в масле кататься до самого что ни на есть беспечального своего с жёнушкой конца, до самого Великого Ежемгновенного Обновления!

– С жёнушкой? – поперхнулся при этом слове Артемий, разом забыв всё, что до этого было произнесено дядькой.

– Именно, с новой и благодарной женой!

– Благодатной?

– Артемий, всё просто, ты не вибрируй тут, словно пейджер! Благодатней не сыщешь! Я другой такой страны не знаю, как говорится. Некий морячок, который там до тебя пока ещё воздух портит, – такая бесятина ухопяточная, что после него ты Нюрочке будешь наградой пожизненной за её многочасовые заслуги в семейном деле без особой пользы для общего вселенского движения Всея Сангхи к Полной И Окончательной Нирване Без Нирватрёпки. Двумя зайцами в одно дуло, так сказать! Дедушке Мазаю и Шерлоку Холмсу раскрытие таких «глухарей» и не снилось. Сечёшь? Бери путёвку и не благодари! Да и девка – что надо! – Дядька подмигнул очками.

Артемий Феоктистович нутром бухгалтерским чуял, что над ним сейчас совершается какая-то грандиозная разводка. И что разводят его не просто по-пацански на денюжку, но на само бытие житейское. И последней у него мелькнула мысль, что в бухгалтерии небесной тож весьма недурственно умеют сводить дебет с кредитом, и он сам, Артемий Феоктистович Шматко, сейчас на глазах всея вселенной послужит в этом наглядным пособием.

Сглотнув, подследственный поднял печальные глаза на ангела:

– Почто, дяденька?

– Вот, блин комой, и так каждый раз! Тебе милость оказывают с Верханутры самой Всея! Лотосными стопами под зад будешь заслан в тихую спокойную гавань, где ждут тебя уж телячьи котлеты с картошечкой, стынет шкалик в холодильнике, и ни забот тебе там не будет, ни хлопот! Знай, люби свою женушку да на рыбалку ходи! Пенсию мы тебе такую оформим, что можешь и не работать, разве что скучно станет!

– А зачем всё это?

– А чтоб ты отдохнул и понял, для чего на самом деле на свете белом живёшь! Заслуженные выходные до следующего Первого Вздоха.

Дядька в жилетке опустил голову и незаметно протёр стекла очков рукавом, быстро сняв их и надев снова.

И в этот миг показалось Артемию Феоктистовичу, что вовсе не так уж плохо всё складывается. Жена любящая, дом, достаток, рыбалка, отдых, выспаться можно, наконец...

– Камин там есть? – с надеждой спросил Артемий.

– Сделаем, не вопрос! – весело ответил мужик, напялив измятую в руках фуражку на убелённые космы – Дети твои, как узнают, что ты пить завязал, дык что хочешь сделают в благодарность!

– Дети?!!

– Да, дети. И собака. Добрый пёс, умница. Я вообще собак люблю. А ты, Шматко?

Тут Артемий тоскливо вспомнил о коте Василии и о волосястом своём мухолове.

– Бери! – словно прочитал его мысли мужик. – Только вот что... Кот, думаю, нормально доберётся, там по форме можно такое на себе носить, в смысле физической оболочки. А вот волосястых мухоловов там нет и не было никогда. Придётся ему в хомячка превратиться. По типуажу будет похож, рацион практически тот же, ест и двигается мало.

– Ээээ! – вдруг эхнул Артемий. – А что? Не заслужил я разве?

– Точно! – весело заорал мужик, отбив тапочками чечётку. – Махнём к тритьемоське на рога в кругосветное пешкодралово!

– А понеслась!

– Дык сразу б так!

– Только у меня два вопроса, – Артемий поубавил прыть.

– Давай, – едва ль не запыхавшись от приступа веселия хрипнул дядька.

– Что это за место? В смысле, почему горы и почему именно сюда меня нужно было?

– А второй?

– На что спорили?

– В смысле?

– Ну, фуражка. Про матроса ты говорил.

– А-а-а... Что ж, отвечаю по порядку. Место сие есть межсусветная верандочка, то бишь оно ни там, ни тут. Типа, как утром в понедельник после праздника в чужой кровати, понимаешь? Ну, чтоб сигануть можно было тебя в любую сторону без проблем и особых топливных затрат. Топливо, гражданин Шматко, так дорожает по всей вселенной, прямо жуть какая-то! За горы, коли чего, извиняй. Занавесочки я подобрал. Думал, тебе прикольно будет посмотреть на красоту такую, коей ты сроду не видывал и до конца этой своей конкретной жизни не увидишь боле. Сам смекай. Коли в горы захочется – токма в следующий раз. Лет через -цать. Можем рождение тебе заказать где-нибудь поблизости, хочешь?

– Не надо, – неожиданно ответил Артемий, – я лучше сам.

– О, молодца, растёт правосознание!

– А фуражка?

– Это длинная история. Спор этот длится очень и очень давно. Много калып. Миллионы рождений. Во многих лицах мы с этим спорщиком виделись множество раз. К примеру, осьмую юги назад мы стрелку забили на одном балконе. Старичком да птичкой синенькой... – Дядька, видать, едва не прослезился и чуть ли не собирался снять свои очки, но вовремя спохватился: – В целом, для нас этот спор – нечто вроде ритуала, который мы исполняем из века в век, эдакая шутка сквозь вечность.

– А в чём сам спор?

– А, ёктить, дык как всегда, – дядька улыбнулся, поправив фуражку. – Спорим о пере рождении. Ну, о главном вопросе всех заумных браманов – быть или не быть.

– Ну и?

– Ты чё, Артемий Феоктистович, на ухо туг? Я ж тебе всё только что изгугарил! Никак сначала надо? Жили-были, много раз, уж задолбались, и всё в таком духе? А хотя, хошь, так ты сам свидетелем станешь этому спору?

– То есть? – побелел Артемий Феоктистович, взявшись на борта пиджмачка своего.

– Ну, на себе всё и проверишь! – Дядька взялся за дужку очков у виска. – Хотя, вспомнишь меня али нет – тут уж от тебя всё зависеть будет.

– А это как? – оглянулся бухгалтер на свой автомобиль.

– Хорош трепаться, Шматко! Ты тут на Олтые Жигузи собирался, а у самого в подвесе целый семейный отпуск! Про кота и мухолова я помню. – Мужик склонил участливо голову и приблизил своё лицо к медленно зеленеющей от страха физиономии Артемия Феоктистовича: – Бывай, Шматко! В аэропорту его, как говорится, встречали. Ррррота, на пла-а-а-ху! Шахо-о-о-о-ом Аж!

С этими словами мужик стремительным жестом крутанул пальцами стрелки на наручных часах, да так, что те замелькали как полоумные, перелистывая всея события назад. И пока стрелочки те бежали по кругу, аки две проскипидаренные лошади в цирке, дядя снял очки, и Артемий Феоктистович Шматко наконец-то удовлетворил своё любопытство и воочию узрел на свою голову то, что за ними скрывалось, заглянув в зрачок бездонной пропасти времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.